

Джордж Грот

История Греции. Том 12

Джордж Грот

История Греции. Том 12

«Автор»

2025

Грот Д.

История Греции. Том 12 / Д. Грот — «Автор», 2025

Двенадцатый том «Истории Греции» Джорджа Грота посвящён эпохе Александра Македонского и закату политической свободы Эллады. Автор, являясь апологетом афинской демократии, даёт двойственную оценку македонской гегемонии: признавая военный гений Александра, он последовательно осуждает его деспотизм, жестокость при уничтожении Фив и Тира, а также казни видных военачальников. Особое внимание уделено анализу внутригреческой политической борьбы и последней попытки эллинов вернуть независимость в Ламийской войне. Заключительный том фундаментального труда Грота закрепляет его статус классика либерального направления в историографии Древней Греции.

© Грот Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Аннотация к 12-му тому «Истории Греции» Джорджа Грота.	5
Содержание	6
Часть II	18
Глава ХСІ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО – ОСАДА И ЗАХВАТ ФИВ.	19
Глава ХСІІ. АЗИАТСКИЕ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА	36
Глава ХСІІІ. ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ АЗИАТСКИЕ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА – БИТВА ПРИ ИССЕ – ОСАДА ТИРА.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	75

История Греции. Том 12

Аннотация к 12-му тому «Истории Греции» Джорджа Грота.

Двенадцатый, заключительный том монументальной «Истории Греции» Джорджа Грота посвящен периоду от вступления на престол Александра Великого (336 г. до н.э.) до окончательного угасания политической свободы Эллады и начала эллинистической эпохи. В историографическом контексте работа Грота занимает фундаментальное место, представляя собой вершину либерально-буржуазного направления в изучении античности XIX века. Грот, будучи убежденным сторонником афинской демократии, завершает свой труд последовательной критикой македонской гегемонии, видя в возвышении Македонии и conquests Александра не триумф, а трагедию для эллинской свободы и полисных идеалов. Его оценка Александра двойственна: с одной стороны, он признает его исключительный военный гений, энергию и решительность, с другой – резко осуждает его деспотизм, жестокость (особенно в эпизодах с Фивами, Тиром, убийством Клита, Пармениона и Филоты) и прогрессирующую «азиатизацию», которая, по мнению Грота, отдалила его от эллинских корней.

Содержательно том разделен на несколько ключевых блоков. Начальные главы подробно анализируют обстановку в Греции после смерти Филиппа II, стремительное и жесткое утверждение власти Александра, включая разрушение Фив, которое Грот рассматривает как акт террора для усмирения Эллады. Далее следует детальное описание военной организации Македонии, реформ Филиппа и подготовки к азиатскому походу. Значительная часть тома посвящена ходу завоеваний Александра в Азии, при этом Грот скрупулезно разбирает ключевые сражения (Граник, Исс, Гавгамелы), осады (Тир, Галикарнас) и политические шаги, подчеркивая, что панэллинские лозунги похода были лишь пропагандой, а реальные чувства греков оставались враждебными македонскому владычеству. Автор акцентирует внимание на точках напряжения в армии Александра и его трансформации из предводителя македонян и греков в восточного деспота.

Особую ценность представляет анализ Гротом внутригреческих дел этого периода, которым уделено не меньше внимания, чем походам Александра. Он детально прослеживает политическую борьбу в Афинах, деятельность Демосфена, Фокиона, Эсхина, дело Гарпала и, наконец, Ламийскую войну – последнюю отчаянную попытку греков вернуть свободу. Грот с глубоким сочувствием описывает поражение греков и последовавшие репрессии, видя в этом конец самостоятельной политической истории Эллады. Заключительные главы тома охватывают период диадохов, окончательное подавление свободы греческих полисов при Кассандре и Деметрии Полиоркете, а также вынесены в отдельные главы история Сицилии при Агафокле и судьбы эллинских колоний на Западе и Понте Эвксинском. Грот заключает, что после этого греческий мир, утратив политическую самостоятельность, перестал быть субъектом собственной истории и стал объектом интересов внешних сил. Несмотря на то, что многие частные выводы Грота о личности Александра и характере его власти были позднее пересмотрены, его труд остается непревзойденным по глубине анализа источников, масштабности и силе либеральной интерпретации, заложив основы современного научного подхода к изучению древнегреческой истории.

Содержание

Глава ХСІ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО – ОСАДА И ВЗЯТИЕ ФИВ.

Состояние Греции при вступлении Александра на престол – зависимость от македонских царей. – Неохотное подчинение греков – влияние греческой образованности на Македонию. – Основа характера Александра – не эллинская. – Детство и воспитание Александра. – Он получает наставления от Аристотеля. – Ранняя политическая деятельность и зрелость Александра – его ссоры с отцом. Семейные раздоры. – Неопределённость положения Александра в последний год правления Филиппа. – Впечатление, произведённое внезапной смертью Филиппа. – Вступление Александра на престол – его энергия и рассудительность. – Сообщники Павсания казнены Александром – Аминта и другие также убиты им. – Настроение в Афинах после смерти Филиппа – речь Демосфена – склонность к сопротивлению Македонии, но без открытых действий. – Недовольство в Греции – но никаких активных выступлений. – Поход Александра в Грецию – покорность Афин. – Александр избран стратегом-автократором греков на собрании в Коринфе – продолжающийся отказ Спарты от участия. – Условия принятого решения – привилегии, предоставленные городам. – Полномочия, заявленные Александром согласно договору – унижение ведущих греческих государств. – Вторжения и тирания македонских наместников в Греции – жалобы ораторов в Афинах. – Нарушения договора на море македонскими командирами. – Язык афинских жалобщиков – они настаивают лишь на строгом соблюдении договора. Смелость их речей. – Подстрекательства, исходящие от Персии в адрес греков. – Переписка Демосфена с Персией – оправданная и политически расчётливая. – Поход Александра во Фракию. Он пробивается через гору Гем. – Его победа над трибаллами. – Он переходит Дунай, разбивает гетов и возвращается обратно. – Посольство галлов к Александру. Его самолюбование. – Победы Александра над Клитом и иллирийцами. – Фиванцы провозглашают независимость от Македонии. – Их ободряет долгое отсутствие Александра во Фракии и слухи о его смерти. – Фиванские изгнанники из Афин захватывают Фивы. – Они осаждают македонцев в Кадмее и просят помощи у других греков. Благоприятные симпатии к ним, но реальной помощи нет. – Шансы Фив на освобождение не были неблагоприятны. – Быстрый марш и неожиданное появление Александра с армией перед Фивами. Его удача в отношении времени [стр. iv] получения известий. – Осада Фив. Прокламация Александра. Решимость фиванцев сопротивляться. – Взятие Фив штурмом. Резня населения. – Фивы разрушены; фиванские пленники проданы в рабство; территория распределена между соседними городами. – Кадмея занята как македонский военный пост. Возмездие фиванцам от Орхомена и Платей. – Чувства Александра, в тот момент и позже, относительно разрушения Фив. – Крайний ужас, распространившийся по всей Греции. Сочувствие афинян фиванским изгнанникам. – Александр требует выдачи главных антимакедонских лидеров в Афинах. Знаменитые дебаты в Афинах. Требование отклонено. – Посольство афинян к Александру. Его убеждают смириться с отказом и удовлетвориться изгнанием Харидема и Эфиальта. – Влияние Фокиона на получение этих более мягких условий – его возросший авторитет в Афинах. – Александр в Коринфе – послушание греческого синода – встреча с философом Диогеном. – Восстановление Орхомена и Платей. Возвращение Александра в Пеллу. – Военные операции Пармениона в Малой Азии против Мемнона.

Глава ХСII. АЗИАТСКИЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА.

В правление Александра история Греции почти пуста. В какой степени азиатские проекты Александра относились к греческой истории. – Панэллинские притязания, выставленные Александром. Реальные чувства греков были против его успеха. – Аналогия отношений Александра к грекам – с отношениями императора Наполеона к Рейнскому союзу. – Греция – придаток, но ценный придаток, Македонии. – Исключительные военные дарования и способности Александра. – Изменения в греческой военной тактике, предшествовавшие и способствовавшие военной организации Македонии. – Военное состояние Македонии до Филиппа. Хорошая и стойкая кавалерия: слабая пехота. – Филипп перевооружает и реорганизует пехоту. Длинная македонская пика или сарисса. – Македонская фаланга – как вооружена и построена. – Первоначально она предназначалась для борьбы против греческих гоплитов, организованных Эпаминондом. – Полки и подразделения фаланги – тяжеловооружённая пехота. – Лёгкая пехота линии – гипасписты, или гвардия. – Лёгкие войска вообще – в основном наёмники. – Македонская кавалерия – её превосходство – как организована. – Отборные македонские телохранители. Царские пажи. – Иностранные союзники – греческие гоплиты – фессалийская кавалерия – пеонийцы – иллирийцы – фракийцы и др. – Склады, военное ведомство и депо в Пелле. – Македонские склонности – чисто военные – военная гордость заменяла им национальное чувство. – Меры Александра перед отбытием в Азию. Антипатр оставлен наместником в Пелле. – Поход Александра к Геллеспонту. Переправа в Азию. – Визит Александра в Илион. – Сходство Александра с греческими героями. – Смотр и общая численность македонской армии в Азии. – Главные македонские военачальники. – Греки на службе у Александра – Эвмен из Кардии. – Персидские силы – Ментор и Мемнон Родосские. – Престолонаследие в Персии – Ох – Дарий Кодоман. – Подготовка Дария к обороне. – Действия Мемнона до прибытия Александра. – Преимущество персов на море: их оплошность в допущении переправы Александра через Геллеспонт без сопротивления. – Персидские силы, собранные во Фригии под командованием Арсита и других. – Совет Мемнона избегать сухопутных сражений и использовать флот для наступательной войны в Македонии и Греции. – Арсит отвергает совет Мемнона и решает дать бой. – Персы занимают позицию у реки Граник. – Александр достигает Граника и решает немедленно форсировать переправу, несмотря на возражения Пармениона. – Расположение двух армий. – Битва при Гранике. – Кавалерийское сражение. – Личная опасность Александра. Его жизнь спасена Клитом. Полная победа Александра. Уничтожение греческой пехоты на стороне персов. – Потери персов – гибель многих их знатных военачальников. – Незначительные потери македонцев. – Забота Александра о раненых солдатах и суровое обращение с греческими пленниками. – Неискусность персидских командиров. Огромное впечатление, произведённое победой Александра. – Ужас и покорность азиатов перед Александром. Сдача мощной крепости Сарды. – Он движется из Сард к побережью. Захват Эфеса. – Первое сопротивление он встречает в Милете. – Приближение персидского флота. Мемнон назначен главнокомандующим персов. – Македонский флот занимает гавань Милета и не допускает персов. Александр отказывается от морского сражения. Его спор с Парменионом. – Александр осаждает Милет. Захват города. – Персидский флот отступает в Галикарнас. Александр выпускает свой флот. – Поход Александра к Галикарнасу. Ада, царица Карики, присоединяется к нему. Сильный гарнизон и хорошая подготовка к обороне в Галикарнасе. – Осада Галикарнаса. Доблесть гарнизона под командованием афинянина Эфиальта. – Отчаянная вылазка Эфиальта – сначала успешная, но отбитая – он сам погибает. – Мемнон вынужден оставить Галикарнас и эвакуировать гарнизон морем, удерживая только цитадель. Александр вступает в Галикарнас. – Зимний поход Александра вдоль южного побережья Малой Азии. – Александр завершает зимний поход в Гордии. Захват Келен. – Приложение о македонской сариссе.

Глава ХСIII. ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ АЗИАТСКИЕ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА – БИТВА ПРИ ИССЕ – ОСАДА ТИРА.

Александр разрубает Гордиев узел. – Он отказывается освободить афинских пленников. – Успехи Мемнона и персидского флота – они захватывают Хиос и большую часть Лесбоса – осаждают Митилену. Смерть Мемнона. Взятие Митилены. – Надежды, пробуждённые в Греции персидским флотом, но разрушенные смертью Мемнона. – Смерть Мемнона – неоправданная потеря для Дария. – Изменение плана Дария из-за этого события. Он решает перейти в наступление на суше. Его огромная сухопутная армия. – Свободная речь и здравый смысл Харидема. Он казнён Дарием. – Дария оставил планы Мемнона как раз тогда, когда у него была наилучшая оборонительная позиция для их успешного выполнения. – Дарий отзывает греческих наёмников с флота. – Критика Арриана относительно плана Дария. – Поход Александра из Гордия через Пафлагонию и Каппадокию. – Он прибывает к хребту Тавра – трудности перевала. – Действия Арсама, персидского сатрапа. [стр. vi] Александр проходит Тавр без малейшего сопротивления. Он вступает в Тарс. – Опасная болезнь Александра. Его доведение к врачу Филиппу, который его излечивает. – Действия Александра в Киликии. – Поход Александра из Киликии через Исс к Мириандру. – Поход Дария из внутренних областей к восточной стороне Аманских гор. Огромная численность его армии: великое богатство и роскошь в ней: сокровища и обоз отправлены в Дамаск. – Позиция Дария на равнине к востоку от Аманских гор. Он открывает горные проходы, чтобы позволить Александру пройти и дать генеральное сражение. – Нетерпение Дария из-за задержки Александра в Киликии. Он пересекает Аманские горы, чтобы атаковать Александра в киликийских теснинах. – Он оказывается в тылу у Александра и захватывает Исс. – Возвращение Александра из Мириандра: его обращение к армии. – Позиция македонской армии к югу от реки Пинар. – Позиция персидской армии к северу от Пинара. – Битва при Иссе. – Паника и немедленное бегство Дария – поражение персов. – Энергичное и разрушительное преследование Александром – пленение матери и жены Дария. – Вежливое обращение Александра с царскими пленниками. – Полный разгром персидской армии – Дарий отступает за Евфрат – бегство некоторых греко-персидских наёмников. – Огромный эффект, произведённый победой при Иссе. – Влияние битвы при Иссе на Грецию. Антимакедонские планы подавлены. – Взятие Дамаска македонцами, с персидскими сокровищами и пленниками. Пленение и судьба афинянина Ификрата. Изменение соотношения сил между греками и македонянами. – Александр в Финикии. Арад, Библ и Сидон открывают ему ворота. – Письмо Дария с просьбой о мире и возвращении царственных пленниц. Надменный ответ Александра. – Важность добровольной сдачи финикийских городов Александру. – Александр появляется перед Тиром – готовность тирийцев сдаться, но с оговоркой – он решает осадить город. – Чрезмерные требования и поведение Александра. – Он готовится осадить Тир – положение города. – Шансы тирийцев – их решение не лишено оснований. – Александр строит мол через пролив между Тиром и материком. Проект терпит неудачу. – Сдача кипрских царей Александру – он завладевает основным финикийским и кипрским флотом. – Он появляется перед Тиром с многочисленным флотом и блокирует город с моря. – Взятие Тира штурмом – отчаянное сопротивление горожан. – Оставшиеся в живых мужчины, числом 2000, повешены по приказу Александра – остальные пленники проданы в рабство. – Осада длилась семь месяцев. Жертвоприношение Александра Гераклу. – Второе письмо Дария к Александру, который требует безоговорочной капитуляции. – Македонский флот подавляет персидский и становится хозяином Эгейского моря с островами. – Поход Александра к Египту – осада Газы. – Его первые атаки терпят неудачу – он ранен – возводит огромный вал вокруг города. – Газа взята штурмом после двухмесячной осады. – Весь гарнизон перебит, кроме раненого правителя Батиса, который попадает в плен. – Гнев Александра на Батиса, которого

он приказывает привязать к колеснице и таскать вокруг города. – Александр вступает в Египет и занимает его без сопротивления – Он решает основать Александрию. – Его посещение храма и оракула Аммона. Оракул провозглашает его сыном Зевса. – Распоряжения Александра в Мемфисе. Греческие пленники доставлены с Эгейского моря. – Он направляется в Финикию – послание из Афин. Великолепные празднества. Подкрепления отправлены Антипатру. – Он идёт к Евфрату – переправляется без сопротивления у Фапсака. – Переход от Евфрата к Тигр [стр. vii] гру. Александр переходит Тигр вброд выше Ниневии без сопротивления. – Лунное затмение. Александр приближается к армии Дария, стоящей в боевом порядке. – Бездействие Дария после поражения при Иссе. – Парализующий эффект пленения его матери и жены. – Хорошее обращение Александра с пленницами – необходимо для сохранения их ценности как заложниц. – Огромная армия, собранная Дарием на равнинах к востоку от Тигра – близ Арбелы. – Он выбирает место для лагеря и ожидания атаки Александра – на равнине близ Гавгамел. – Его снаряжение и подготовка – лучшее вооружение – многочисленные серпоносные колесницы – слоны. – Позиция и боевой порядок Дария. – Предварительные манёвры Александра – обсуждения с Парменионом и другими командирами. Его личная тщательная разведка. – Расположение Александра для атаки – построение войск. – Битва при Арбелах. – Трусость Дария – он подаёт пример бегства – поражение персов. – Бой на правом фланге персов между Мазаем и Парменионом. Бегство персидского войска – энергичное преследование Александром. – Бегство Дария. Захват персидского лагеря и Арбелы. – Потери в битве. Полнота победы. Полный и непоправимый разгром персидской армии. – Причины поражения – трусость Дария. Бесплезность его огромной численности. – Полководческое искусство Александра. – Сдача Вавилона и Суз, двух великих столиц Персии. Александр вступает в Вавилон. Огромные сокровища, захваченные в обоих городах. – Александр действует как царь Персии и назначает сатрапов. Он идёт к Сузам. Он реорганизует дивизии своей армии. – Александр вступает в собственно Персиду – покоряет мятежных уксиев в промежуточных горах. – Трудный перевал, называемый Сузианскими воротами, на пути к Персеполью. Сатрап Ариобарзан отражает Александра, который находит способ обойти перевал и захватить его. – Александр вступает в Персеполь. Исколеченные греческие пленные. – Огромные богатства и национальные памятники всех видов, собранные в Персеполе. – Александр присваивает и вывозит царские сокровища, а затем отдаёт Персеполь на разграбление и сожжение солдатам. – Александр даёт войскам отдых и занимается покорением остальной Персии. – Дарий – беглец в Мидии.

Глава ХСIV. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ И ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА ПОСЛЕ ЕГО ЗИМОВКИ В ПЕРСИДЕ ДО ЕГО СМЕРТИ В ВАВИЛОНЕ.

Первые четыре азиатские кампании Александра – их прямое влияние и значение в контексте греческой истории. – Его последние семь лет, проведённые дальше на востоке, не имели подобного влияния на Грецию. – Дарий в Экбатанах – пытается бежать в Бактрию, узнав о приближении Александра. – Александр вступает в Экбатаны – устраивает там свою базу снабжения и операций. – Александр отправляет домой фессалийскую конницу – теперь ему необходимо вести более манёвренную войну. – Александр преследует Дария до Каспийских ворот, но не успевает его настичь. – Заговор против Дария, устроенный Бессом и другими, которые захватывают его в плен. – Невероятные усилия Александра, чтобы настичь и захватить Дария. Он внезапно атакует персидский отряд, но Бесс убивает Дария. – Разочарование Александра, когда он не смог взять Дария живым. Царские похороны, устроенные Дарию. Его судьба и поведение. – Отдых Александра и его армии в Гекатомпиле в Парфии. Начало изменения его поведения. Он становится азиатизированным и деспотичным. – Постепенное усугубление этих новых привычек с этого момента. – Александр покоряет горы к югу от Каспия. Он требует, чтобы греческие наёмники сдались на его милость. Послы из Спарты и других греческих городов

доставлены к нему – как с ними обошлись. – Поход Александра дальше на восток – его успехи в Арии и Дрангиане. – Действия против Филоты, сына Пармениона, в Дрангиане. Военное величие и влияние семьи. – Раскрытие заговора, о котором Кебалин сообщил Филоте, чтобы тот передал Александру. Филота не упоминает об этом Александру. Это становится известно последнему через другие каналы. – Александр сначала гневается на Филоту, но принимает его объяснения и делает вид, что прощает. – Старая вражда к Филоте – инцидент используется, чтобы его погубить. – Кратер и другие завидуют Пармениону и Филоте. Александра убеждают казнить их обоих. – Арест Филоты. Александр обвиняет его перед собравшимися солдатами. Он осуждён. – Филоту подвергают пыткам и вынуждают признаться, как против себя, так и против Пармениона. – Парменион убит в Экбатанах по приказу и умыслу Александра. Мятеж солдат, когда они узнают об убийстве Пармениона – усмирён предъявлением приказа Александра. – Страх и отвращение, вызванные убийством Пармениона и Филоты. – Покорение парапамисадов и др. Основание Александрии у Кавказа. – Александр пересекает Гиндукуш и покоряет Бактрию. Бесс взят в плен. – Резня Бранхидов и их семей, совершённая Александром в Согдиане. – Александр в Мараканде и на Яксарте. – Основание Александрии на Яксарте. Предел продвижения на север. – Александр в Зариаспе в Бактрии – он приказывает изувечить и казнить Бесса. – Дальнейшее подчинение Бактрии и Согдианы. Остановка в Мараканде. – Пир в Мараканде. – Характер и положение Клита. – Хвастовство Александра и его льстецов – неприязнь македонских командиров, ощущаемая, но не высказанная. – Сцена на пиру – яростные возражения Клита. – Бешеный гнев Александра – он убивает Клита. – Глубокое раскаяние Александра сразу после убийства. – Активные и успешные действия Александра в Согдиане. – Захват двух неприступных позиций – Согдийской скалы – скалы Хориена. Страсть Александра к Роксане. – Александр в Бактре – женитьба на Роксане. Его требование проскинезы (земного поклона) от всех. – Публичная речь Анаксарха во время пира, призывающая всех воздавать ему поклонение. – Публичный ответ Каллисфена, возражающего против этого. Характер и история Каллисфена. – Ответ Каллисфена благосклонно принят гостями – предложение о поклонении отклонено. – Холодность и недовольство Александра по отношению к Каллисфену. – Почтенная прямота и мужество Каллисфена. – Каллисфен становится ненавистен Александру. – Заговор царских пажей против жизни Александра – он раскрыт – их подвергают пыткам, но они никого не выдают; их казнят. – Каллисфен арестован как сообщник – антипатия, проявленная Александром к нему и к Аристотелю. – Каллисфен подвергнут пыткам и повешен. – Александр подчиняет территорию между Гиндукушем и Индом. – Покорение племён на правом берегу Инда – скала Аорн. – Александр пересекает Инд – форсирует переход через Гидасп, побеждая Пора – великодушное обращение с Пором. – Его дальнейшие завоевания в Пенджабе. Сангала – последнее из них. – Он достигает Гифасиса [стр. ix] (Сатледжа), самой дальней из рек Пенджаба. Его армия отказывается идти дальше. – Александр возвращается к Гидаспу. – Он строит флот и плывёт вниз по Гидаспу и Инду. Опасное ранение Александра при атаке маллов. – Новые города и посты, основанные на Инде – Александр достигает океана – эффект от первого вида приливов. – Поход Александра по суше на запад через пустыню Гедрозии – страдания и потери в армии. – Александр и армия возвращаются в Персиду. – Поведение Александра в Персеполе. Наказание сатрапа Орсиана. – Он идёт к Сузам – соединение с флотом Неарха, который обогнул морем устье Инда. – Александр в Сузах как Великий Царь. Причины его беспокойства – сатрапы – македонские солдаты. – Прошлые действия сатрапов – несколько из них наказаны Александром – тревога среди всех – бегство Гарпала. – Недовольство македонских солдат азиатизированными браками, поощряемыми Александром. – Их недовольство новыми азиатскими солдатами, набранными и обученными Александром. – Интерес Александра к флоту, который плывёт вверх по Тигру к Описе. – Объявление о частичном роспуске македонских солдат – они бунтуют – гнев Александра – он распускает их всех. – Раскаяние и унижение солдат – Александр смягчается – примирение. – Частичный роспуск – ветераны под командованием Кратера

отправлены домой – Новые проекты завоеваний, задуманные Александром – меры по расширению его флота. – Визит в Экбатаны – смерть Гефестиона – бурная скорбь Александра. – Александр истребляет коссеев. – Поход Александра в Вавилон. Многочисленные посольства, встретившие его на пути. – Александр в Вавилоне – его грандиозные приготовления к кругосветному плаванию и завоеванию Аравии. – Александр на корабле, на Евфрате и в прилегающих болотах. Его планы по улучшению судоходства и течения реки. – Прибывают крупные подкрепления, греческие и азиатские. Новый порядок, установленный Александром, для македонян и персов в одних и тех же рядах и отрядах. – Великолепные похоронные обряды Гефестиона. – Всеобщие пиршества и пьянство в армии. Александра охватывает опасная лихорадка. Подробности его болезни. – Нет надежды на его выздоровление. Смятение и горе в армии. Последняя встреча с солдатами. Его смерть – Впечатление, произведённое на современников карьерой и смертью Александра. – Если бы Александр жил, он должен был бы достичь ещё большего. – Вопрос, поднятый Ливием, о шансах Александра, если бы он напал на римлян. – Непревзойдённое превосходство как военачальника. – Александр как правитель, вне военных дел – не заслуживающий уважения. – Александр продолжил бы систему Персидской империи без иных улучшений, кроме сильной организации. – Отсутствие национальности у Александра – цель слияния различных народов в один общий тип подчинения. – Ошибка считать Александра сознательным распространителем греческой цивилизации. Его идеи в сравнении с идеями Аристотеля. – Количество новых городов, основанных в Азии Александром. – Не Александр, а диадохи после него в основном эллинизировали Азию. – Насколько Азия когда-либо действительно была эллинизирована – главным фактом было повсеместное распространение греческого языка. – Греко-азиатские города. – Увеличение средств сообщения между различными частями мира. – Интерес Александра к науке и литературе – невелик.

Глава ХСV. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА ОТ ВЫСАДКИ АЛЕКСАНДРА В АЗИИ ДО ОКОНЧАНИЯ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Состояние греческого мира, когда Александр переправился через Геллеспонт. – Греческий дух мог бы пробудиться, если бы персы действовали умело. – Надежды, возникшие в Греции: сначала благодаря персидскому флоту в Эгейском море, затем двум крупным персидским армиям на суше. – Общественные акты и политика Афин – решительно мирные. – Фокион и Демад были ведущими политиками в Афинах – они придерживались промакедонской ориентации. – Демосфен и Ликург, хотя и не доминировали в политике, оставались важными общественными деятелями. Финансовая активность Ликурга. – Позиция Демосфена – его осторожное поведение.

Антимакедонское движение в Спарте – царь Агис посещает персидских адмиралов в Эгейском море. Его попытки на Крите и в Пелопоннесе. – Агис собирает армию в Пелопоннесе и открыто выступает против Антипатра. – Агис сначала добивается частичных успехов, но затем терпит полное поражение от Антипатра и погибает. – Полное подчинение всей Греции Антипатру – спартанские послы отправлены к Александру в Азию. – Неудачный исход оборонительных усилий Греции – отсутствие единства.

Положение партий в Афинах во время борьбы Агиса – реакция промакедонской партии после его поражения. – Судебное противостояние Эсхина и Демосфена. Предварительные обстоятельства: предложение Ктесифонта и обвинение Эсхина. – Обвинительная речь Эсхина, формально направленная против предложения Ктесифона, но фактически против политической деятельности Демосфена. – Оценка Эсхина как обвинителя Демосфена на основе независимых свидетельств. – Ответ Демосфена – речь «О венке». – Надгробная речь по утраченной греческой свободе. – Вердикт судей – триумф Демосфена – изгнание Эсхина.

Причины изгнания Эсхина – он сам способствовал венчанию Демосфена. – Последующее обвинение против Демосфена в деле Гарпала. – Бегство Гарпала в Афины – его предыдущие действия и связи с Афинами. – Ложные донесения Александру о том, что афиняне поддержали Гарпала.

Обстоятельства прибытия Гарпала на Суний – дебаты в афинском собрании – обещания Гарпала – афиняне поначалу благосклонно к нему расположены. – Фокион и Демосфен оба отговаривают афинян от поддержки Гарпала. – Требование Антипатра о выдаче Гарпала – афиняне отказываются, но арестовывают Гарпала и конфискуют его сокровища для Александра. – Демосфен предлагает декрет об аресте Гарпала, тот арестован, но бежит.

Поведение Демосфена в отношении сокровищ Гарпала – недостача суммы по сравнению с заявленной Гарпалом. – Подозрения насчёт этих денег – Демосфен предлагает, чтобы Ареопаг расследовал дело. Ареопагиты выносят обвинение против самого Демосфена, а также Демада и других, в коррупции. Демосфен предстаёт перед судом, осуждается и уходит в изгнание.

Был ли Демосфен виновен в коррупции? Известные обстоятельства дела. – Демосфен не мог получить деньги от Гарпала, так как с самого начала выступал против него. – Имел ли Демосфен возможность присвоить деньги после того, как они перестали быть под контролем Гарпала? Ответ отрицательный.

Обвинительная речь Динарха – яростная инвектива без фактов. – Перемена общественного мнения в Афинах относительно Демосфена через несколько месяцев. – Вероятная реальность дела о деньгах Гарпала и приговора Ареопага.

Рескрипт Александра греческим городам с требованием вернуть изгнанников. – Цель рескрипта – создать сторонников Александра в каждом городе. Недовольство в Греции.

Эффект, произведённый в Греции смертью Александра. Афиняне провозглашают себя защитниками свободы Греции, несмотря на сопротивление Фокиона. – Этолийцы и многие другие греки присоединяются к освободительному союзу – активность афинского стратега Леосфена. – Афинские послы рассылаются по Греции для привлечения союзников. – Демосфен, находясь в изгнании, помогает афинским послам. – Его возвращают в Афины, где встречают с восторгом.

Крупный греческий союз против Антипатра – однако без Спарты. Беотия сильно промакедонски настроена. Леосфен с союзной армией вступает в Фессалию. – Битва в Фессалии – победа Леосфена над Антипатром, который вынужден укрыться в Ламии и ждать подкреплений из Азии. Леосфен начинает осаду Ламии, но погибает.

Несчастье в смерти Леосфена. Антифил назначается его преемником. Ослабление усилий греческой армии. – Леоннат с македонской армией из Азии прибывает в Фессалию. Его поражение и гибель. – Антипатр вырывается из Ламии и принимает командование.

Война на море между македонским и афинским флотами. – Нежелание греческих контингентов оставаться на длительной службе. Армия в Фессалии редет из-за ухода многих домой. – Ожидаемое прибытие Кратера для подкрепления Антипатра.

Отношения между македонскими военачальниками. – Положение царской семьи и македонских генералов и солдат после смерти Александра. – Филипп Арридей провозглашён царём; сатрапии распределены между главными военачальниками. – Пердикка как главный представитель центральной власти, ему помогает Эвмен из Кардии.

Список проектов, которые Александр планировал перед смертью. Генералы отвергают их как слишком грандиозные. – Планы Леонната и Клеопатры.

Кратер присоединяется к Антипатру в Македонии с мощной армией. Битва при Крантоне в Фессалии. Антипатр одерживает победу над греками, хотя и не полную. – Антифил пытается начать переговоры с Антипатром, но тот отказывается вести переговоры иначе как с

каждым городом отдельно. Упадок духа среди греков. Каждый город договаривается отдельно. Антипатр даёт благоприятные условия всем, кроме афинян и этолийцев.

Антипатр и его армия в Беотии – Афины остаются в одиночестве и не могут сопротивляться. Демосфен и другие антимакедонские ораторы бегут. Посольство Фокиона, Ксенократа и других к Антипатру. – Жёсткие условия, навязанные Афинам Антипатром. – Лишение гражданских прав и депортация 12 000 беднейших афинских граждан. – Тяготы, выпавшие на долю депортированных бедняков Афин. Македонский гарнизон размещён в Мунихии.

Демосфен, Гиперид и другие заочно приговорены к смерти. Антипатр отправляет людей для поимки греческих изгнанников. Он казнит Гиперида. – Демосфен находит убежище в Калаврии – Архий с фракийскими солдатами прибывает, чтобы схватить его. Демосфен принимает яд и умирает.

Плачевное состояние Греции – жизнь и характер Демосфена. – Позорное положение Фокиона в Афинах при македонской оккупации.

Глава ХСVІ. ОТ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ ДО КОНЦА ИСТОРИИ СВОБОДНОЙ ЭЛЛАДЫ И ЭЛЛИНИЗМА.

Антипатр очищает и реорганизует города Пелопоннеса. Он нападает на этолийцев, намереваясь переселить их в Азию. Его присутствие становится необходимым в Азии: он заключает мир с этолийцами. – Планы Пердикки – интриги с царевнами в Пелле. – Антигон раскрывает заговоры и сообщает о них Антипатру и Кратеру. – Неблагоприятный поворот судьбы для греков в связи с Ламийской войной. – Антипатр и Кратер в Азии – Пердикка выступает против Птолемея в Египте, но погибает в результате мятежа своих войск. Объединение Антипатра, Птолемея, Антигона и др. Новое распределение сатрапий, утверждённое в Трипарадисе. – Война между Антигоном и Евменом в Азии. Энергия и способности Евмена. Он терпит поражение и блокирован в Норе. – Болезнь и смерть Антипатра. Афинский оратор Демад казнён в Македонии – Антипатр отстраняет своего сына Кассандра и назначает Полиперхонта регентом. Недовольство и сопротивление Кассандра. – Кассандр действует самостоятельно, захватывает Мунихию и заключает союз с Птолемеем и Антигоном против Полиперхонта. Планы Полиперхонта – союз с Олимпиадой в Европе и с Евменом в Азии – освобождение греческих городов. – Тщетные попытки Евмена сохранить имперскую династию в Азии: его доблесть и талант; он предан своими солдатами и убит Антигоном. – Эдикт, изданный Полиперхонтом в Пелле от имени имперской династии – отмена олигархических режимов Антипатра в греческих городах, возвращение политических изгнанников и дарование свободных конституций. – Письма и меры Полиперхонта для исполнения эдикта. Положение Афин: возвращение изгнанников; сложные политические группировки; опасность для Фокиона. – Переговоры афинян с Никанором, наместником Мунихии при Кассандре. – Никанор внезапно захватывает Пирей. Фокион, хотя и предупреждён, не принимает мер. – Ущерб для афинян и Полиперхонта от занятия Никанором Пирея; преступная халатность и вероятный сговор Фокиона. – Прибытие Александра (сына Полиперхонта): его коварная политика в отношении афинян; Кассандр достигает Пирея. – Интриги Фокиона с Александром – он пытается заручиться защитой Александра против афинян. – Возвращение депортированных изгнанников в Афины – народное собрание выносит постановление против Фокиона и его сторонников. Фокион покидает город, получает защиту от Александра и отправляется на встречу с Полиперхонтом во Фокиду. – Агнонид и другие посланы как депутаты к Полиперхонту, чтобы обвинить Фокиона и потребовать исполнения царского эдикта. – Агнонид и Фокион заслушаны Полиперхонтом – Фокион и его сторонники выданы афинянам как пленники. Фокион доставлен в Афины под стражей и предстаёт перед судом собрания. Ходатайство его друзей об исключении не имеющих права голоса. – Сильное озлобление вернувшихся изгнанников против Фокиона – причины этого чувства. –

Фокион приговорён к смерти – яростное и единодушное проявление ненависти к нему в собрании. – Смерть Фокиона и четырёх его соратников. – Перемена в отношении афинян к Фокиону вскоре после этого. Почести, оказанные его памяти. – Объяснение этой перемены. Кассандр захватывает Афины и восстанавливает олигархическую (фокионову) партию. – Жизнь и характер Фокиона. – Война между Полиперхонтом и Кассандром в Аттике и Пелопоннесе. Полиперхонт отбит при осаде Мегалополя и разбит на море. – Усиление Кассандра в Греции – он овладевает Афинами. – Восстановление олигархического правления в Афинах, хотя и в смягчённой форме, при Фалерском Деметрии. – Управление Фалерского Деметрия в Афинах в умеренном духе. Проведена перепись афинского населения – Кассандр в Пелопоннесе – многие города присоединяются к нему – спартанцы окружают свой город стенами. – Вражда в македонской императорской семье – Олимпия предаёт смерти Филиппа Аридея и Эвридику – она царствует в Македонии: её кровавая месть партизанам Антипатра. – Кассандр проникает в Македонию – побеждает Олимпию и становится хозяином страны – Олимпию осаждают в Пидне, берут в плен и предают смерти. – Великая власть Антигона в Азии. Конфедерация Кассандра, Лисимаха, Птолемея и Селевкии против него. – Кассандр основывает Кассандрию и восстанавливает Фивы. – Меры Антигона против Кассандра – он обещает свободу греческим городам – Птолемей обещает то же самое. Великая власть Кассандра в Греции. – Силы Антигона в Греции. Значительный успех против Кассандра. – Умиротворение между воюющими сторонами. Греческая автономия гарантирована всем. Кассандр предаёт смерти Роксану и её ребёнка. – Полиперхон поддерживает притязания Геракла, сына Александра, против Кассандра. Он вступает в договор с Кассандром, убивает молодого принца и признаётся правителем Южной Греции. – Убийство Антигоном Клеопатры, последней оставшейся в живых родственницы Александра Македонского. – Птолемей Египетский в Греции – после некоторых успехов он заключает перемирие с Кассандром. Пассивность греческих городов. – Внезапное прибытие Деметрия Полиоркета в Пирей. Афиняне выступают в его пользу. Деметрий Фалерей удаляется в Египет. Захват Мунихии и Мегары. – Деметрий Полиоркет с триумфом въезжает в Афины. Он обещает восстановить демократию. Афиняне передают ему экстравагантные голоса лести. Созданы два новых афинских племени. – Изменение тона и настроений в Афинах за последние тридцать лет. – Контраст Афин, провозглашенных свободными Деметрием Полиоркетом, с Афинами после изгнания Гиппия. – Противодействие Демохареса, племянника Демосфена, этим угодливым публичным льстецам. – Деметрий Фалерей осужден в его отсутствие. Почетное поминовение умершего оратора Ликурга. Принят ограничительный закон против философов – все они покидают Афины. В следующем году закон отменяется, и философы возвращаются в Афины. – Подвиги Деметрия Полиоркета. Его длительная осада Родоса. Галантное и успешное сопротивление граждан. – Длительная война и окончательный успех в Греции против Кассандра. – Возвращение Деметрия Полиоркета в Афины – его триумфальный прием – памятный гимн Итифаллу, обращенный к нему. – Беспомощное состояние афинян – провозглашенное ими самими. – Идолопоклонство, показанное Деметрию в Афинах. Он проходит посвящение в Элевсинские мистерии, вне обычного сезона. – Поход Деметрия в Фессалию – он переходит в Азию и соединяется с Антигоном – великая битва при Ипсе, в которой четыре конфедерата полностью побеждают Антигона, который убит, а его азиатская держава раздроблена и расчленена. – Восстановление кассандрийского владычества в Греции. Лахарес становится деспотом в Афинах при Кассандре. Деметрий Полиоркет возвращается и изгоняет Лахареса. Он гарнизирует Пирей и Мунихию. – Смерть Кассандра. Кровавая вражда между членами его семьи. – Антигон Гонатас (сын Деметрия) – повелитель Македонии и Греции. Постоянное правление династии Антигонидов в Македонии, вплоть до завоевания этой страны римлянами. – Дух греков сломлен – изоляция городов друг от друга Антигоном. – Греция Полибия не может быть предметом истории сама по себе, а только как придаток к иностранным соседям. – Доказательство политического ничтожества Афин – публичный декрет в

честь Демохара – какие деяния записаны как его титулы, заслуживающие общественной благодарности.

Глава ХСVII. СИЦИЛИЙСКИЕ И ИТАЛИЙСКИЕ ГРЕКИ – АГАФОКЛ.

Конституция, установленная Тимолеонтом в Сиракузах [ок. 340 г. до н.э.], впоследствии заменена олигархией. – Италийские греки – теснимые врагами из внутренних областей – Архидам, царь Спарты, погибает в Италии [338 г. до н.э.]. – Рост Молоссийского царства в Эпире благодаря македонской помощи – Александр Молоссийский, царь, брат Олимпиады. – Молоссийский Александр переправляется в Италию, чтобы помочь тарентинцам. Его подвиги и гибель [ок. 331 г. до н.э.]. – Сиракузяне отправляют помощь Кротону – первое возвышение Агафокла. – Агафокл отличился в сиракузской экспедиции – он лишен наград – становится недовольным и покидает Сиракузы. – Он набирает наемное войско – его успехи как полководца в Италии и Сицилии. – Перемена правления в Сиракузах – Агафокл возвращен – его действия против изгнанников – его опасное положение на родине. – Дальнейшие внутренние перемены в Сиракузах – возвращение изгнанников – Агафокл вновь допущен – приносит клятву амнистии и верности. – Агафокл, в сговоре с Гамилькаром, вооружает своих сторонников в Сиракузах и устраивает кровавую резню граждан [317 г. до н.э.]. – Агафокл провозглашен единоличным тираном Сиракуз. – Его народные манеры, военная энергия и завоевания. Успехи Агафокла в покорении Сицилии. Агригентцы тревожатся и организуют оборонительный союз против него. – Они приглашают спартанца Акротата командовать – его дурное поведение и неудача. – Сицилия – единственное место, где еще открывалась славная эллинская карьера. Агафокл заключает мир с агригентцами – его могущество в Сицилии. – Он отбит от Агригента – карфагеняне отправляют флот в Сицилию против него. – Позиция карфагенян между Гелой и Агригентом – их армия усилена подкреплениями из метрополии. – Действия Агафокла против них – его резня граждан в Геле. – Битва при Гимере между Агафоклом и карфагенянами [311 г. до н.э.]. – Полное поражение Агафокла карфагенянами. – Карфагеняне отвоевывают у Агафокла большую часть Сицилии. Его угнетенное положение в Сиракузах. – Он замышляет план атаковать карфагенян в Африке. – Его энергия и прозорливость в организации этой экспедиции. Новая резня и грабежи. – Он вырывается из гавани, несмотря на блокирующий флот. Затмение солнца. Он благополучно достигает Африки. – Он сжигает свои корабли – впечатляющий обряд для совершения этого, по обету Деметре. – Агафокл вторгается в карфагенские владения – захватывает Тунет – богатство и возделанность страны. – Смятение в Карфагене – городское войско выступает против него – Ганнон и Бомилькар назначены полководцами. – Меньшая численность войска Агафокла – его уловки для воодушевления солдат. – Предательство карфагенского полководца Бомилькара – победа Агафокла. – Завоевания Агафокла в карфагенских владениях на восточном побережье – Религиозный ужас и отчаяние карфагенян. Человеческие жертвоприношения. – Действия Агафокла на восточном побережье Карфагена – захват Неаполиса, Адрумента, Тапса и др. – Агафокл укрепляет Аспис – предпринимает операции против внутренних областей – снова разбивает карфагенян. – Действия Гамилькара под Сиракузами – город близок к сдаче – он разочарован и отступает. – Новая атака Гамилькара на Сиракузы – он пытается захватить Эвриал врасплох, но полностью разгромлен, взят в плен и убит [309 г. до н.э.]. – Агригентцы выступают как защитники сицилийской свободы против Агафокла и карфагенян. – Мятеж в армии Агафокла в Тунете – его огромная опасность и ловкость в спасении. – Карфагенская армия отправлена действовать внутри страны – атакована Агафоклом с некоторым успехом – его лагерь разграблен нумидийцами. – Агафокл призывает на помощь Офелла из Кирены. – Предшествующие обстоятельства в Кирене. Раздел побережья между Киренаикой и Карфагеном. – Фиброн с наемниками Гарпала приглашен киренскими изгнанниками. Его переменчивая судьба, в целом победоносная, в Ливии. – Киренцы просят помощи

у египетского Птолемея, который отправляет к ним Офелла. Разгром и гибель Фибрана. Киренаика присоединена к владениям Птолемея под управлением Офелла как наместника. – Положение и надежды Офелла. Он принимает приглашение Агафокла. Собирает колонистов из Афин и других греческих городов. – Поход Офелла с войском и колонистами из Кирены в карфагенские владения – тяготы пути. – Вероломство Агафокла – он убивает Офелла – завладевает его войском – гибель и рассеяние колонистов. – Ужасный мятеж в Карфагене – Бомилькар пытается захватить верховную власть – он свергнут и убит. – Дальнейшие успехи Агафокла в Африке – он захватывает Утику, Гиппо-Зарит и Гиппагрету. – Агафокл отправляется в Сицилию, оставляя Архагата командовать в Африке. Успехи Архагата во внутренних областях. – Удвоенные усилия карфагенян – они одерживают две крупные победы над Архагатом. – Опасность Архагата – он блокирован карфагенянами у Туниса. – Агафокл в Сицилии. Сначала его дела успешны. Разгром агригентцев. – Активность Агафокла в Сицилии – Динократ выступает против него с большими силами. – Агригентская армия под командованием Ксенодока – противостоит наемникам Агафокла – превосходство последних. – Поражение Ксенодока от Лептина – Агафокл переправляется в Африку – плачевное состояние его армии там – он разбит карфагенянами. – Ночная паника и беспорядок в обоих лагерях. – Отчаянное положение Агафокла – он бросает армию и бежит в Сицилию. – Покинутая армия убивает двух сыновей Агафокла и капитулирует перед карфагенянами [307 г. до н.э.]. – Африканская экспедиция Агафокла – смелость первоначального замысла – неразумно проведенная и упорствуемая. – Действия Агафокла в Сицилии – его зверства в Эгесте и Сиракузах. – Большое наемное войско Динократа в Сицилии – Агафокл просит у него мира и получает отказ – он заключает мир с Карфагеном. – Битва при Торгии – победа Агафокла над Динократом. – Соглашение и договор между Агафоклом и Динократом. – Операции Агафокла в Липарах, Италии и Керкире – Клеоним Спартанский. – Последние замыслы Агафокла – мятеж его внука Архагата – болезнь, отравление и смерть Агафокла [289 г. до н.э.]. – Блестящий гений действия и изобретательности – преступные наклонности – Агафокла. – Эллинское влияние в Сицилии продолжается при жизни Агафокла, но затем уступает место преобладанию чужеземцев.

Глава ХСVIII. ОКРАИННЫЕ ЭЛЛИНСКИЕ ГОРОДА. – 1. В ГАЛЛИИ И ИСПАНИИ. – 2. НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЭВКСИНА.

Массалия – её положение и обстоятельства. – Колонии, основанные Массалией: Антиполис, Никея, Рода, Эмпории – особенности Эмпорий. – Олигархическое правление Массалии – благоразумное политическое управление. – Эллинизирующее влияние Массалии на Западе – Пифей, мореплаватель и географ.

Понтийские греки – Пентаполис на юго-западном побережье. – Синопа – её послы присутствовали при Дарии в его последние дни – сохраняла независимость некоторое время против Митридатовых царей – но в итоге подчинилась им.

Гераклея Понтийская – олигархическое правление – местные мариандины обращены в крепостных. – Политические раздоры в Гераклее – изгнание Клеарха – установление частичной демократии. – Продолжающиеся смуты в Гераклее – призыв к внешней помощи.

Характер и обстоятельства Клеарха – он становится тираном Гераклеи – его тирания и жестокость. – Он правит двенадцать лет – убит на празднестве.

Сатир становится тираном – его усиленная жестокость – военная энергия. – Тирания Тимофея, справедливая и мягкая – его энергия и способности.

Тирания Дионисия – его популярное и энергичное правление – его осторожные действия с македонцами во время отсутствия Александра на Востоке. – Возвращение Александра в Сузы – его просят гераклейские изгнанники – гнев Дионисия, предотвращённый смертью Александра.

Процветание и благоразумие Дионисия – он женится на Амастриде – его благосклонность у Антигона – его смерть.

Амастрида управляет Гераклеей – выходит замуж за Лисимаха – разводится с ним – Клеарх и Оксафр убивают Амастриду – их убивает Лисимах.

Арсиноя – властительница Гераклеи. Поражение и смерть Лисимаха. Власть Селевка.

Гераклея освобождается от тиранов, устанавливается народное правление – возвращение изгнанников – смелое поведение граждан по отношению к Селевку – смерть Селевка.

Положение и управление Гераклеи как свободного государства – значительная морская сила. – Благоразумное управление Гераклеи как свободного города среди могущественных правителей Малой Азии – общее состояние и влияние греческих городов на побережье.

Греческий Пентаполис на юго-западе Эвксина – Овидий в Томах.

Ольвия – во времена Геродота и Эфора – увеличившееся число и участвовавшие набеги варварских орд. – Ольвия в более поздние времена – упадок безопасности и производства. – Ольвия разграблена и оставлена – позже возрождена.

Визит Диона Ритора – эллинские вкусы и нравы – горячий интерес к Гомеру.

Боспор или Пантикапей. – Правители Боспора – отношения между Афинами и Боспором.

Нимфей среди подчинённых городов Афинской империи – как он перешёл под власть боспорских царей.

Союз и взаимные услуги между боспорскими правителями Сатиром, Левконом и др. и афинянами. Торговые привилегии, предоставленные афинянам.

Политическое положение греков Боспора – правители называли себя архонтами – их власть над варварскими племенами.

Семейные распри среди боспорских правителей – война между Сатиром [XVII] и Эмелом – смерть Сатира II.

Гражданская война между Пританисом и Эмелом – победа Эмела – он убивает жён, детей и друзей своего брата.

Его победоносное правление и завоевания – его скоропостижная смерть.

Упадок боспорской династии, пока она не перешла в руки Митридата Евпатора.

Памятники, оставленные Спартокидами Боспора – погребальные курганы близ Керчи (Пантикапей).

Приложение о местностях близ Исса.

Часть II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.
[стр. 1]

Глава ХСІ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО – ОСАДА И ЗАХВАТ ФИВ.

Мой предыдущий том завершился убийством Филиппа Македонского и восшествием на престол его сына, Александра Великого, которому на тот момент было двадцать лет.

Нынешний характер греческой истории изменился настолько, что нам приходится искать значимые события в преемственности македонской короны или в указах македонских царей. Фактически, эллинский мир перестал быть автономным. В Сицилии, правда, свободное и конституционное развитие, возрожденное Тимолеоном, еще продолжалось несколько лет, но все греческие города к югу от Олимпа превратились в зависимые от Македонии территории. Такая зависимость, утвердившаяся после битвы при Херонее и последующего победоносного похода Филиппа через Пелопоннес, была формально признана решением общегреческого синедриона в Коринфе. Даже афиняне были вынуждены подчиниться, в то время как Спарта, одна, бросая вызов всем последствиям, оставалась непреклонной в своем отказе. Верность Фив не доверялась слову фиванцев, а обеспечивалась македонским гарнизоном, размещенным в их цитадели, Кадмее. Таким образом, каждый эллинский город, малый и великий – приморский, внутренний или островной (за единственным исключением Спарты) – был включен как отдельная единица в список подчиненных союзников, привязанных к имперскому главенству Филиппа.

В этих условиях история покоренной Греции [стр. 2] теряет самостоятельное направление и сливается с историей завоевательной Македонии. Тем не менее, есть особые причины, по которым историк Греции вынужден рассматривать их совместно еще несколько лет. Во-первых, покоренная Греция оказала сильное влияние на своего завоевателя – «Греция, взятая в плен, пленила своего дикого победителя». Македонцы, хотя и говорили на своем языке, не имели ни языка для общения с другими, ни литературы, ни философии, кроме греческой и заимствованной у греков. Филипп, добиваясь избрания себя главой Эллады, сам был не только частично эллинизирован, но и жаждал эллинского восхищения. Он требовал главенства под предлогом удовлетворения старой ненависти к Персии. Далее, завоевания Александра, хотя по сути македонские, косвенно стали началом ряда событий, распространивших греческий язык (с оттенком греческой литературы) на обширные территории Азии, открыв эти земли для более пристального наблюдения, а в какой-то мере даже для управления со стороны просвещенных греков – и тем самым породив последствия, важные во многих отношениях для истории человечества. Наконец, поколение свободных греков, пережившее битву при Херонее, не собиралось молчать, если представится возможность сбросить македонских правителей. В этом томе будут описаны тщетные попытки сделать это, в которых погибли Демосфен и большинство других лидеров.

Александр (родившийся в июле 356 г. до н. э.), как и его отец Филипп, не был греком, а македонцем и эпиротом, частично проникнутым эллинскими чувствами и интеллектом. Хотя его предки несколько веков назад были выходцами из Аргоса, македонские цари давно утратили все следы той особенности, которая изначально могла отличать их от подданных. Основа характера Филиппа была македонской, а не греческой: это была своевольность варварского князя, а не *ingenium civile* – чувство взаимных обязательств и прав в обществе, которое в той или иной степени отличало даже самых могущественных членов греческого города, будь то олигархия или демократия. Если это было верно для Филиппа, то еще более верно для Александра, унаследовавшего буйный нрав и своеволие своей неистовой эпирской матери Олимпиады. [стр. 3]

Родственник Олимпиады по имени Леонид и акарнанец Лисимах упоминаются как главные наставники, которым было доверено воспитание Александра в детстве. [1] Разумеется,

«Илиада» Гомера была одной из первых вещей, которые он выучил в детстве. На протяжении большей части жизни он сохранял страстный интерес к этой поэме, экземпляр которой, как говорят, исправленный Аристотелем, он возил с собой в военных походах. Мы не знаем (и вряд ли это вероятно), испытывал ли он подобную привязанность к менее воинственной «Одиссее». Уже ребенком он научился отождествлять себя с Ахиллом – своим предком по материнской линии, согласно родословной Эакидов. Наставник Лисимах завоевал его сердце, называя себя Фениксом, Александра – Ахиллом, а Филиппа – Пелеем. Сохранился один любопытный и достоверный анекдот о поэтических декламациях юного Александра. Ему было десять лет, когда афинское посольство, включавшее Эсхина и Демосфена, прибыло в Пеллу для переговоров о мире. Пока Филипп развлекал их за столом в своей обычной приятной и дружелюбной манере, мальчик Александр прочитал для их развлечения несколько поэтических отрывков, которые выучил, – а затем исполнил вместе с другим мальчиком диалог из одной из греческих драм. [2]

В тринадцать лет Александр был отдан на обучение Аристотелю, которого Филипп специально пригласил для этой цели и чей отец, Никомах, был другом и врачом отца Филиппа, Аминты. К сожалению, мы не можем точно сказать, какой курс обучения прошел Александр. Он пользовался уроками Аристотеля как минимум три года, и, как говорят, увлеченно занимался, проникшись сильной привязанностью к своему учителю. Его ораторские способности, хотя и не столь хорошо засвидетельствованные, как у его отца, всегда оказывались достаточными для его целей; более того, даже среди утомительных азиатских походов он сохранял интерес к греческой литературе и поэзии.

Точный момент, когда Александр впервые принял участие в активных действиях при жизни отца, нам неизвестен. Говорят, что однажды, будучи еще совсем юным, он принял персидских послов в отсутствие Филиппа и удивил их зрелостью поведения, а также политической проницательностью и уместностью своих вопросов. [3] Хотя ему было всего шестнадцать лет в 340 г. до н. э., он остался дома регентом, пока Филипп осаждал Византий и Перинф. Он подавил восстание соседнего фракийского племени мэдов, захватил один из их городов и переименовал его в Александрию – первый город, носивший это имя, впоследствии данное многим другим городам, основанным им. Во время похода Филиппа в Грецию (338 г. до н. э.) Александр участвовал в битве при Херонее, командовал одним из флангов и, как говорят, первым одержал победу над фиванским Священным отрядом. [4]

Однако, несмотря на такие проявления доверия и сотрудничества, происходили и другие события, вызывавшие горькую вражду между отцом и сыном. От жены Олимпиады у Филиппа были дети Александр и Клеопатра; от фессалийской наложницы Филиппы – сын Арридей (впоследствии Филипп Арридей); также у него были дочери Кинна (или Кинана) и Фессалоника. Олимпиада, женщина кровожадного и неумолимого нрава, стала настолько ненавистна ему, что он развелся с ней и женился на новой жене по имени Клеопатра. Я уже рассказывал в предыдущем томе [5] о негодовании Александра из-за этого поступка и о бурной перепалке во время пира на свадебном торжестве, где Филипп даже выхватил меч, угрожал жизни сына и был остановлен только тем, что опьянение свалило его с ног. После этой ссоры Александр уехал из Македонии, отправив мать к ее брату, царю Эпира Александру. У Филиппа и Клеопатры родился сын. Ее брат (или дядя) Аттал приобрел большое влияние. Ее родственники и сторонники в целом были возвышены, в то время как Птолемей, Неарх и другие приближенные Александра были изгнаны. [6]

Таким образом, вплоть до самого дня убийства Филиппа перспективы Александра оставались неопределенными и опасными. Преемственность македонской короны, хотя и передавалась в одной семье, отнюдь не была гарантирована для отдельных ее членов; более того, в царском доме Македонии [7] (как и среди царей-диadoхов, пришедших к власти после смерти Александра Великого) жестокие распри и постоянное недоверие между отцом, сыновьями

и братьями были обычным явлением, из которого семья Антигонидов составляла почетное исключение. Между Александром и Олимпиадой с одной стороны и Клеопатрой с ее сыном и Атталом с другой неизбежно должен был возникнуть кровавый конфликт. Клеопатра в тот момент была на подъеме; Олимпиада была жестока и коварна; а Филиппу было всего сорок семь лет. Таким образом, будущее сулило Александру лишь усугубление раздоров и трудностей. Более того, его сильная воля и властный характер, идеально подходившие для верховного командования, делали его неспособным играть подчиненную роль даже по отношению к собственному отцу. Благоразумие Филиппа, собиравшегося отправиться в азиатский поход, побудило его попытаться уладить семейные раздоры, выдав свою дочь Клеопатру замуж за ее дядю, эпирского царя Александра, брата Олимпиады. Именно во время великолепного свадебного празднества в Эгах он был убит – Олимпиада, Клеопатра и Александр присутствовали на нем, в то время как Аттал находился в Азии, командуя македонским отрядом, посланным вперед вместе с Парменионом.

Если бы Филипп избежал этой катастрофы, он, несомненно, вел бы войну в Малой Азии с той же энергией и умением, с какими ее впоследствии вел Александр, хотя можно сомневаться, решился бы отец на те дальние предприятия, которые, сколь бы грандиозны и масштабны они ни были, не удовлетворяли ненасытное честолюбие сына. Но каким бы успешным Филипп ни был в Азии, ему вряд ли удалось бы избежать мрачных семейных распрей: с Александром как мятежным сыном, подстрекаемым Олимпиадой, – и с Клеопатрой на другой стороне, понимавшей, что ее собственная безопасность зависит от устранения царственных или квази-царственных соперников.

От таких грозных опасностей, видимых вдалеке, если не нависших непосредственно, Александра и Македонское царство избавил меч Павсания. Но в тот момент, когда был нанесен удар, и когда линкестиец Александр, один из посвященных в заговор, бросился опередить сопротивление и возложить корону на голову Александра Великого [8] – никто не знал, чего ждать от юного принца, внезапно вознесенного на престол в возрасте двадцати лет. Внезапная смерть Филиппа в зените славы и честолюбивых надежд должна была произвести сильнейшее впечатление сначала на собравшуюся праздную толпу, затем на всю Македонию и, наконец, на иностранцев, которых он подчинил, от Дуная до границ Пеонии. Все эти зависимые территории удерживались лишь страхом перед [стр. 7] македонской силой. Предстояло выяснить, способен ли юный сын Филиппа подавить сопротивление и сохранить мощную организацию, созданную его отцом. Более того, у Пердикки, старшего брата и предшественника Филиппа, остался сын по имени Аминта, которому на тот момент было как минимум двадцать четыре года, и многие считали его законным преемником. [9]

Но Александр, немедленно провозглашенный царем своими сторонниками, показал себя на словах и на деле вполне способным справиться с ситуацией. Он собрал, обласкал и примирил подразделения македонской армии и высших офицеров. Его речи были разумны и энергичны: он обещал, что достоинство царства останется нерушимым, [10] и что даже азиатские проекты, уже объявленные, будут осуществляться с той же энергией, как если бы Филипп был жив.

Одним из первых действий Александра стало пышное погребение отца. Пока шли приготовления, он начал расследование, чтобы найти и наказать сообщников Павсания. Правда, самая знатная из упомянутых – Олимпиада – не только была защищена своим положением от наказания, но и сохранила огромное влияние на сына до конца его жизни. Трое других сообщников названы по именам – братья из знатного рода Линкестиды (Верхняя Македония): Александр, Геромен и Аррабей, сыновья Эропа. Двое последних были казнены, но первый из троих был пощажен и даже повышен до важных должностей в награду за то, что первым приветствовал Александра как царя. [11] Были казнены и другие, число которых нам неизвестно; и Александр, похоже, считал, что остались нераскрытые заговорщики. [12] Персидский царь

хвастался в официальных письмах, [13] хотя мы не можем сказать, насколько правдиво, что он тоже был среди подстрекателей Павсания.

Среди лиц, убитых Александром в это время, можно назвать его двоюродного брата и зятя Аминту – сына Пердикки (старшего брата покойного Филиппа): Аминта был ребенком, когда умер его отец Пердикка. Хотя он имел преимущественное право на престол согласно обычаю, его дядя Филипп отстранил его, ссылаясь на юный возраст и трудности, сопутствующие началу нового правления. Однако Филипп выдал за него замуж свою дочь (от иллирийской матери) Кинну. Тем не менее, Александр теперь казнил его [14] по обвинению в заговоре: точные обстоятельства неизвестны, но, вероятно, Аминта (который, помимо того, что был сыном старшего брата Филиппа, был по крайней мере двадцати четырех лет, тогда как Александру было только двадцать) считал себя более достойным престола, и многие другие разделяли это мнение. Говорили, что младенца Клеопатры от Филиппа Александр убил как возможного соперника в престолонаследии; сама Клеопатра позже была казнена Олимпиадой в его отсутствие, к его огорчению. Аттал, дядя Клеопатры и сопредводитель македонской армии в Азии, был убит по тайному [стр. 9] приказу Александра Гекатеем и Филотой. [15] Другой Аминта, сын Антиоха (похоже, в Македонии было несколько человек с этим именем), бежал в Азию ради безопасности: [16] вероятно, другие, чувствуя себя под подозрением, поступили так же – поскольку по македонскому обычаю казнили не только осужденного за измену, но и всех его родственников. [17]

Беспощадной демонстрацией силы и решительности, а также устранением соперников и недовольных Александр быстро укрепил свою власть на троне. Однако признание от зависимых от Македонии народов – греков, фракийцев и иллирийцев – далось не так легко. Большинство из них стремилось сбросить иго, но никто не решался сделать первый шаг, а внезапная смерть Филиппа застала их неподготовленными к совместным действиям. Это событие освободило греков от всех обязательств, поскольку союзный совет избрал лично Филиппа императором. Теперь они были вправе, если вообще можно говорить о свободе в этом процессе, избрать кого-то другого, отказаться от переизбрания или даже распустить союз. Известно, что даже Филипп получил этот титул лишь под давлением и угрозами – хотя он заслужил его выдающимися деяниями и был величайшим полководцем и политиком своего времени. Греки отнюдь не стремились передать его юному Александру, пока он не доказал, что способен применить такую же силу и добиться подобной покорности. Желание освободиться от Македонии, широко распространенное среди греческих городов, открыто выражали Демосфен и другие в афинском собрании. Этот оратор (если верить его сопернику Эсхину), получив известие об убийстве Филиппа [стр. 10] через шпионов Харидема раньше других, притворился, что боги открыли ему это во сне. Явившись в собрание в праздничной одежде, он поздравил сограждан со смертью их злейшего врага и восхвалял подвиг Павсания-тираноубийцы, вероятно сравнивая его с Гармодием и Аристогитоном. [18] Он принижал способности Александра, называя его Маргитом (имя глупого персонажа из одной гомеровской поэмы) и намекая, что тот будет слишком занят внутренними делами и церемониями, чтобы думать о походе за границу. [19] Таковы, по словам Эсхина, были речи Демосфена при первых известиях о смерти Филиппа. Нет сомнений, что афиняне, как и Демосфен, ликовали при известии, сулившем новые шансы на свободу, и предложение о благодарственном жертвоприношении, [20] несмотря на сопротивление Фокиона, было охотно принято. Но хотя в Афинах настроения были явно антимакедонскими, выражая нежелание возобновлять недавнюю покорность Филиппу, Демосфен не зашел так далеко, чтобы объявить открытую вражду. [21] Он пытался наладить связи с персами в Малой Азии и, если верить Диодору, даже с македонским командующим там Атталом. Но обе миссии провалились. Аттал переслал его письмо Александру; а персидский царь, [22] избавившись от страха перед македонской мощью после смерти Филиппа, резко отказал Афинам, заявив, что больше не даст им денег. [23]

[стр. 11] Не только в Афинах, но и в других греческих государствах смерть Филиппа пробудила стремление к свободе. Лакедемоняне, которые, несмотря на изоляцию, стойко отказывались подчиняться ему, теперь искали новых союзников; в то время как аркадцы, аргосцы и элейцы выражали антимакедонские настроения. Амбракиоты изгнали македонский гарнизон из своего города; этолийцы постановили помочь вернуть изгнанных Филиппом акарнанцев. [24] С другой стороны, фессалийцы остались верны Македонии. Но македонский гарнизон в Фивах и промакедонски настроенные фиванцы, управлявшие городом, [25] вероятно, были главным препятствием для объединенного выступления за эллинскую автономию.

Узнав об этих настроениях, Александр понял необходимость немедленно подавить их демонстрацией силы. Его энергия и быстрота действий быстро устроили тех, кто рассчитывал на его молодость или повторял эпитеты Демосфена. Преодолев внутренние трудности быстрее, чем ожидалось, он через два месяца после смерти Филиппа вторгся в Грецию во главе мощной армии. Фессалийцы приняли его благосклонно и провозгласили Александра главой Греции вместо отца; это решение вскоре подтвердило амфикионионово собрание в Фермопилах. Затем Александр двинулся к Фивам, а оттуда через Коринфский перешеек в Пелопоннес. [стр. 12] Подробности его похода неизвестны, но его огромная армия, вероятно не уступавшая той, что победила при Херонее, везде сеяла ужас, заставляя молчать всех, кроме его сторонников. Нигде тревога не была сильнее, чем в Афинах. Вспоминая речи ораторов и решения собрания, оскорбительные, если не враждебные для Македонии, афиняне боялись, что Александр двинется на их город, и готовились к осаде. Все граждане должны были перевезти семьи и имущество за стены, так что город переполнился беженцами и скотом. [26] Одновременно собрание по предложению Демада приняло решение о покорности Александру: они не только признали его главой Греции, но и удостоили божественных почестей, даже более пышных, чем Филиппу. [27] Демад и другие послы доставили это решение Александру в Фивы, и тот принял их покорность. Молодой оратор Пифей, говорят, выступал против этого решения. [28] Остается неизвестным, присоединился ли к нему Демосфен – или, разочарованный и подавленный македонской мощью, предпочел молчать. Хотя его якобы избрали для этой миссии, он отказался и лишь проводил посольство до горы Киферон, после чего вернулся в Афины. [29] С удивлением читаем, что Эсхин и другие враги [стр. 13] обвиняли его в трусости. Ни один посол не был бы так ненавистен Александру и не рисковал получить отказ, как Демосфен. Послать его было бы безумием – разве что с тайным умыслом врагов: чтобы он либо стал жертвой гнева царя, [30] либо вернулся униженным прощенным преступником.

Продemonстрировав силу в Пелопоннесе, Александр вернулся в Коринф, где собрал представителей греческих городов. Список участвовавших городов неизвестен, но, вероятно, почти все города Центральной Греции прислали делегатов. Лишь лакедемоняне отказались. Александр потребовал того же, что и Филипп два года назад – гегемонии над Грецией для войны с Персией. [31] Просьба правителя, ведущего непобедимую армию, не оставляла выбора. Его избрали императором с полномочиями на суше и море. Все, кроме лакедемонян, подчинились под давлением македонской силы.

Условия соглашения, вероятно, повторяли договор Филиппа. Главным было признание Эллады союзом под властью македонского царя как императора, предводителя и исполнительной власти. [стр. 14] Оно делало его законным гарантом мира в Греции и завоевателем от ее имени. Другие условия, о которых известно из последующих жалоб, были справедливыми, но Александр вскоре начал их нарушать. Каждый греческий город объявлялся свободным и автономным. Существующий политический строй сохранялся; другим городам запрещалось вмешиваться или поддерживать изгнанников. [32] Запрещалось устанавливать новых тиранов или возвращать свергнутых. [33] Города обязывались пресекать незаконное насилие – казни, конфискации, передел земли, отмену долгов, мятежное освобождение рабов. [34] Гарантировалась свобода мореплавания; морской разбой запрещался под угрозой войны со всеми. [35]

Запрещалось вводить военные корабли в чужие гавани или вербовать там моряков. [36] Города клялись соблюдать условия, воевать с нарушителями и высечь договор на стене. Предусматривалось включение новых городов [37] в союз. Также, вероятно, предполагалось создание постоянных войск под македонским командованием и периодические собрания делегатов. [38]

Такова была конвенция, насколько нам известны её условия, согласованная греческими депутатами в Коринфе с Александром – но с Александром во главе неодолимой армии. Он провозгласил её «общим уставом греков» [39], устанавливающим высшее обязательство, гарантом которого выступал он сам, обязательное для всех и дающее ему право обращаться с нарушителями как с мятежниками. Она была представлена как аналог и замена Анталкидова мира, который, как мы вскоре увидим, сатрапы Дария попытаются возродить против него – главенство Персии против главенства Македонии. Такова печальная деградация [стр. 16] греческого мира: его городам не остаётся выбора, кроме как выбирать между этими двумя иностранными властителями – или призвать на помощь Дария, самого далёкого и наименее опасного, чьё господство едва ли могло быть чем-то большим, чем номинальным, против соседа, который неизбежно будет властным и подавляющим, а вероятно, и откровенно тираническим. Из некогда могущественных эллинских лидеров и соперников – Спарты, Афин, Фив, – при каждом из которых греческий мир сохранялся как независимое и самоопределяющееся сообщество, допускающее свободное проявление местных чувств и характера в более или менее благоприятных условиях, – двое последних теперь растворились как обычные единицы (один даже удерживается гарнизоном) среди подчинённых союзников Александра, в то время как Спарта сохраняет лишь достоинство изолированной независимости.

Похоже, что в течение девяти месяцев, последовавших за клятвой конвенции, Александр и его офицеры (после его возвращения в Македонию) активно действовали как силой оружия, так и посылкой послов, чтобы добиться новых присоединений и переустроить правительства различных городов в соответствии со своими взглядами. Жалобы на такие действия звучали в народном собрании Афин – единственном месте в Греции, где ещё сохранялась какая-то свобода обсуждения. Речь, произнесённая Демосфеном, Гиперидом или одним из современных антимакедонских политиков (примерно весной или в начале лета 335 г. до н. э.) [40], даёт нам представление как о продолжающихся македонских вмешательствах, так и о тщетных протестах против них, высказываемых отдельными афинскими гражданами. Ко времени этой речи такие протесты уже неоднократно повторялись. Македонствующие афиняне неизменно встречали их категоричными заявлениями, что конвенция должна соблюдаться. [стр. 17] Однако в ответ протестующие утверждали, что несправедливо требовать от Афин строгого соблюдения конвенции, в то время как македоняне и их приверженцы в различных городах постоянно нарушают её в своих интересах. Александр и его офицеры (утверждает этот оратор) ни разу не сложили оружия с момента заключения конвенции. Они постоянно вмешивались в дела правительств различных городов, чтобы продвинуть к власти своих сторонников. [41] В Мессене, Сикионе и Пеллене они свергли народные конституции, изгнали многих граждан и установили своих друзей в качестве тиранов. Македонские силы, предназначенные как общественная гарантия соблюдения конвенции, использовались лишь для того, чтобы отменить её лучшие условия и вооружить руки пристрастных сторонников. [42] Таким образом, Александр в качестве императора, игнорируя все ограничения конвенции, действовал как верховный тиран, поддерживая подчинённых тиранов в отдельных городах. [43] Даже в Афинах эта имперская власть отменяла решения дикастерия и принуждала к принятию мер, противоречащих законам и конституции. [44]

На море незаконные действия Александра или его офицеров были не менее очевидны, чем на суше. Конвенция, гарантирующая всем городам право свободного судоходства, прямо запрещала задерживать суда, принадлежащие другим. Тем не менее македоняне захватили в Геллеспонте все торговые суда, выходившие с грузом из Понта, и [стр. 18] доставили их на

Тенедос, где они удерживались под различными ложными предложениями, несмотря на протесты владельцев и городов, чьи поставки зерна были таким образом прерваны. Среди пострадавших особенно выделялись Афины, поскольку потребителей импортного зерна, судовладельцев и купцов там было больше, чем где-либо ещё. Афиняне, чьи жалобы и протесты оставались без ответа, в конце концов настолько разгневались (и, возможно, обеспокоились своими запасами), что приняли декрет о снаряжении и отправке 100 триер, назначив адмиралом Менесфея (сына Ификрата). Этой решительной демонстрацией македоняне были вынуждены освободить задержанные суда. Если бы задержка продолжилась, афинский флот отплыл бы, чтобы силой добиться возмещения ущерба; и поскольку Афины на море превосходили Македонию, морское господство последней было бы свергнуто, а на суше это дало бы повод для недовольства против неё. [45] Другой инцидент, менее серьёзный, но всё же упомянутый оратором как нарушение конвенции и оскорбление афинян, заключался в следующем: хотя статья конвенции прямо запрещала вооружённым кораблям одного города заходить в гавань другого, македонская триера была отправлена в Пирей, чтобы запросить разрешение на постройку там меньших судов для македонян. Это оскорбило многих афинян не только как нарушение конвенции, но и как явный шаг к [стр. 19] использованию морских ресурсов и моряков Афин для усиления македонского флота. [46]

«Пусть те ораторы, которые постоянно увещевают нас соблюдать конвенцию (утверждает оратор), уговорят имперского вождя самому подать пример её соблюдения. Я тоже призываю вас к тому же. Для демократии нет ничего важнее строгого следования справедливости. [47] Но сама конвенция предписывает всем её участникам вести войну против нарушителей; и в соответствии с этой статьёй вы должны объявить войну Македонии. [48] Будьте уверены, что все греки увидят: война направлена не против них и вызвана не вашей виной. [49] В данный момент такой шаг для защиты вашей собственной свободы, а также свободы Эллады в целом, будет не менее своевременным и выгодным, чем справедливым. [50] Пришло время стряхнуть позорное подчинение другим и забыть о нашем собственном прошлом достоинстве. [51] Если вы поддержите меня, я готов внести формальное предложение – объявить войну нарушителям конвенции, как того требует сама конвенция.» [52]

Формальное предложение об объявлении войны повлекло бы для автора обвинение по графэ параномон. Поэтому, хотя он ясно дал понять, что считает текущий момент (каким бы он ни был) подходящим, он отказался брать на себя такую ответственность, не увидев заранее достаточного проявления общественного мнения, чтобы надеяться на благоприятный вердикт дикастерия. Вероятно, предложение так и не было внесено. Но даже сама по себе такая смелая речь, не подкреплённая действием, говорит о настроениях в Греции в месяцы, последовавшие за Александровой конвенцией. Эта речь – лишь одна из многих, произнесённых в афинском собрании с жалобами на македонское господство, установленное конвенцией. Очевидно, что действия македонских офицеров давали достаточно поводов для жалоб; а задержка торговых судов, выходивших из Понта, показывает, что даже продовольственное снабжение Афин и островов оказалось под угрозой. Хотя афиняне не прибегли к военному вмешательству, их собрание по крайней мере давало площадку для публичных протестов и выражения общественной солидарности.

Вероятно, в это время Демосфен и другие антимакедонские ораторы получали поддержку в виде субсидий и обещаний от Персии. Хотя смерть Филиппа и восшествие на престол неопытного юноши двадцати лет заставили Дария на мгновение поверить, что угроза вторжения в Азию миновала, его опасения вскоре возродились благодаря проявленной Александром энергии и возобновлению греческой лиги под его главенством. [53] По-видимому, весной 335 г. до н. э. Дарий отправил деньги для поддержки антимакедонской партии в Афинах и других местах. Эсхин утверждает, а Динарх позже повторяет (оба – враждебные Демосфену ораторы), что около этого времени Дарий послал в Афины 300 талантов, которые афинский народ отверг,

но которые Демосфен взял, утаив при этом 70 талантов для себя: что впоследствии по этому поводу проводилось расследование. Однако ничего доказано не было; [54] по крайней мере, Демосфен не был осуждён или даже формально привлечён к суду (насколько известно). Из этих данных мы не можем извлечь конкретных фактов. Но они подтверждают общий вывод: Дарий или сатрапы Малой Азии отправили деньги в Афины весной 335 г. до н. э., а также письма или эмиссаров, чтобы подстрекать к войне против Александра.

То, что Демосфен и, вероятно, другие ведущие ораторы получали такие субсидии от Персии, не является доказательством личной коррумпированности, в которой их обвиняют враги. Нет никаких доказательств, что Демосфен использовал эти деньги в личных целях. Получать и тратить их на попытки организовать сопротивление для освобождения Греции было действием, которое он считал не только законным, но и патриотичным. Это была помощь от одного иностранного правителя, чтобы помочь Элладе сбросить ещё более тяжкое иго другого. В этот момент политические интересы Персии совпадали с интересами всех греков, стремившихся к свободе. Дарий не имел шансов стать владыкой Греции, но его собственная безопасность требовала защитить её от превращения в придаток Македонского царства, и в данный момент у него были все средства для этого, если бы они были использованы эффективно. Цель греческого патриота заключалась в сохранении целостности и автономии эллинского мира от любого иностранного вмешательства. Призывать помощь Персии против эллинских врагов – как Спарта делала в Пелопоннесской войне и при Анталкидовом мире, а затем Фивы и Афины последовали её примеру – было неоправданно. Но просить ту же помощь против господства другого иностранца, более близкого и опасного, не заслуживало осуждения ни с точки зрения патриотизма, ни политики. Демосфен тщетно призывал своих сограждан действовать решительно против Филиппа, [стр. 22] когда они ещё могли своими силами сохранить автономию как для Афин, так и для всей Греции. Теперь он поддерживал или призывал Дария в момент, когда Греция в одиночку уже не могла противостоять Александру – общему врагу и эллинской свободы, и Персидской империи. К несчастью для Афин и для себя, Дарий, имея все средства для сопротивления, вёл свою игру против Александра с ещё большей глупостью и беспечностью, чем Афины против Филиппа.

Пока македонские офицеры совершали такие агрессивные действия, осуществляя свою новую имперскую власть по всей Греции и островам, а в Афинах росло сопротивление этому, Александр вернулся домой, чтобы ускорить подготовку к походу на Персию. Однако он не счёл благоразумным перебросить основные силы в Азию, пока не продемонстрировал свою власть и личное влияние в македонских зависимых территориях к западу, северу и северо-востоку от Пеллы – среди иллирийцев, пеонов и фракийцев. Под этими общими названиями скрывалось множество [55] отдельных племён или народов, воинственных и по большей части склонных к грабежу. Оставшиеся непокорёнными до побед Филиппа, они подчинялись ему с трудом и вряд ли стали бы повиноваться его юному преемнику, не ощутив на себе его личной энергии.

Соответственно, весной Александр возглавил крупные силы и двинулся на восток от Амфиополя через узкий Сапейский проход между Филиппами и морем. [56] За десять дней марша он достиг трудного горного перевала, единственного пути через Гем (Балканские горы). Здесь он обнаружил отряд свободных фракийцев и вооружённых торговцев страны, собравшихся, чтобы преградить ему путь; они заняли [р. 23] возвышенность, выставив перед собой повозки, которые планировали спустить по крутому склону на наступающие ряды македонян. Александр избежал опасности, приказав своим воинам либо расступиться, чтобы пропустить повозки, – а там, где не было места для такого маневра, – лечь на землю, плотно сомкнув щиты и наклонив их над телами. Таким образом, повозки, несясь вниз и ударяясь о щиты, отскакивали и перелетали через людей, не причинив никому вреда. Фракийцы, плохо вооружённые, были легко рассеяны македонской атакой, потеряв 1500 убитыми, а их женщины и дети попали

в плен. [57] Пленники и добыча были отправлены под охраной в приморские города для продажи.

Преодолев горный путь, Александр повел армию через хребет Гема и выступил против трибаллов – могущественного фракийского племени, простиравшегося (насколько можно судить) от равнины Косово в современной Сербии на север до Дуная. Филипп покорил их, но не без серьезного сопротивления и даже отдельных поражений. Их князь Сирм уже отступил с женщинами и детьми племени на дунайский остров Певка, где укрылись и другие фракийцы. Основные силы трибаллов заняли позицию в лесистой местности на берегу реки Зигин, примерно в трех днях пути от Дуная. Однако, спровоцированные беспокоящими действиями македонской легкой пехоты, они вышли из укрытия на открытую равнину, где Александр атаковал их конницей и пехотой в ближнем бою и наголову разгромил. Три тысячи из них были убиты, но остальные, в основном, [р. 24] укрылись в лесу, так что пленных взяли мало. Потери македонян составили всего 11 всадников и 40 пехотинцев – согласно сообщению Птолемея, сына Лага, тогда одного из доверенных командиров Александра, а впоследствии основателя династии греко-египетских царей. [58]

Трехдневный марш от места сражения привел Александра к Дунаю, где он обнаружил несколько вооруженных кораблей, заранее отправленных (вероятно, с провиантом) из Византии через Понт вверх по реке. Сначала он попытался высадить войска на остров Певка, но крутые берега, сильное течение и решимость защитников сорвали его замысел. В качестве компенсации Александр решил продемонстрировать силу, переправившись через Дунай и атаковав гетов – племя, состоявшее в основном из конных лучников, [59] схожих с фракийцами по обычаям и языку. Они занимали левый берег реки, в четырех милях от которого находился их город. Успехи македонян собрали на противоположном берегу 4000 гетов, готовых отразить переправу. Александр собрал местные лодки (выдолбленные из цельных стволов) и набил кожухи от палаток сеном, чтобы соорудить плоты. Ночью он переправил 4000 пехотинцев и 1500 всадников, высадившись на участке берега, покрытом высокой пшеницей, где не было вражеских постов. Геты, устрешенные не только переправой, но и боевым порядком македонян, едва выдержали атаку конницы и поспешили оставить свой слабо укрепленный город, отступив вглубь территории. Александр без сопротивления вошел в город, разрушил его, забрал ценности и сразу же вернулся к реке. Перед отходом он принес жертвы Зевсу-Спасителю, Гераклу и самому богу Истру (Дунаю), благодаря его за то, что он «не оказался непреодолимым». [60] В [р. 25] тот же день он переправился обратно в лагерь, совершив демонстрацию силы, призванную доказать, что он способен на то, что не удавалось ни его отцу, ни какой-либо греческой армии – перейти величайшую из известных рек без моста и перед лицом врага. [61]

[р. 26] Устрашающий эффект действий Александра был так велик, что не только трибаллы, но и другие автономные фракийские племена прислали послов с дарами или данью, умоляя о мире. Александр удовлетворил их просьбу. Поскольку его мысли были заняты войной в Азии, он ограничился тем, что запугал эти племена, чтобы предотвратить восстания в его отсутствие. Условия, которые он наложил, неизвестны, но дары он принял. [62]

Пока шли переговоры с фракийцами, прибыли послы от племени галлов, занимавших далекие горные области к западу, ближе к Ионическому заливу. Хотя они не были знакомы с Александром, молва о его подвигах побудила их просить его дружбы. Они отличались высоким ростом и хвастливой речью. Александр охотно заключил с ними союз. Во время пира он спросил их, чего они больше всего боятся в мире. Они ответили, что не боятся никого и ничего, кроме как «неба, которое может упасть на них». Этот ответ разочаровал Александра, ожидавшего, что они назовут его самого, – так велика была его уверенность в собственной исключительности. Он заметил друзьям, что галлы – хвастуны. Однако, если вдуматься, подобное определение куда лучше подходит ему самому. Этот эпизод интересен главным тем, что пока-

зывает, как рано в нем проявилось чудовищное самолюбие, которое впоследствии станет его отличительной чертой. Если после Исса он уже считал себя полубогом, это неудивительно; но пока что это был лишь первый год его правления, и он не совершил ничего, кроме похода во Фракию и победы над трибаллами.

Завершив эти дела, он двинулся на юго-запад, в земли агриан и пеонов, между верховьями Стримона и Аксия. Там его встретил отряд агриан во главе с князем Лангаром, ранее подружившимся с ним в Пелле еще до смерти Филиппа. Вскоре пришло известие, что иллириец Клит, сын Бардилия, побежденный Филиппом, поднял восстание в Пелионе (укрепленном пункте к югу от Лихнидского озера, у западного склона хребта Скард и Пинд, близ места, где его разрывает ущелье Цангон, или Девол [63]). Западные иллирийцы, тавлантии под предводительством князя Главкия, шли ему на помощь. Александр немедленно выступил туда, поручив Лангару разобраться с иллирийским племенем автариатов, угрожавшим его продвижению. Он [р. 28] шел вдоль реки Эригон от места ее впадения в Аксий. [64] Приблизившись к Пелиону, он обнаружил иллирийцев, занявших позиции перед городом и на окружающих высотах в ожидании Главкия. Пока Александр готовился к атаке, они приносили жертвы – трех мальчиков, трех девочек и трех черных баранов. Сначала они смело двинулись навстречу, но, не доведя дело до схватки, бросились бежать в город, оставив жертвы на поле. [65] Отбросив защитников, Александр начал возводить осадную стену вокруг Пелиона, но появление Главкия с большими силами заставило его отказаться от этого плана. Конный отряд, отправленный за фуражом под командованием Филоты, едва не был отрезан Главкием и спасся лишь благодаря подходу самого Александра с подкреплением. Столкнувшись с превосходящими силами, македонянам пришлось отступать по узкой дороге вдоль реки Эордак, где в некоторых местах могли идти лишь четверо в ряд, окруженные холмами и болотами. Благодаря смелым и умелым маневрам, а также использованию метательных машин для прикрытия арьергарда, Александр полностью дезорганизовал [р. 29] противника и вывел армию без потерь. [66] Иллирийцы, не сумевшие воспользоваться преимуществами позиции, после отступления врага предались беспечности, забыв о мерах безопасности. Узнав об этом, Александр совершил ночной марш-бросок с агрианами и легкой пехотой, поддержанный остальной армией, и на рассвете атаковал их лагерь. Успех был полным: иллирийцы бежали без сопротивления. Многие были убиты или взяты в плен; остальные, побросав оружие, разбежались, преследуемые македонянами. Князь Клит был вынужден оставить Пелион, который сжег, и отступить во владения Главкия. [67]

Как раз когда Александр одержал эту победу, до него дошла тревожная весть: фиванцы объявили о независимости и осадили македонский гарнизон в Кадмее.

Об этом событии, столь важном и роковом для его участников, нам известно очень мало. Уже отмечалось, что решение греков подчиниться Александру как гегемону осенью предыдущего года было принято под давлением македонских войск. Хотя только спартанцы осмелились открыто выразить несогласие, афиняне, аркадцы, этолийцы и другие были готовы последовать их примеру при первом же ослаблении Македонии. [68] Более того, энергия и способности Александра убедили персидского царя, что со смертью Филиппа опасность не миновала, и он начал отправлять или обещать финансовую помощь антимакедонским грекам. Мы уже видели проявления антимакедонских настроений в Афинах – их выражали виднейшие ораторы: Демосфен, Ликург, Гиперид и другие, а также военные вроде Харидема и Эфиальта, [69] вероятно, выступавшие еще смелее в отсутствие Александра. В других городах такие настроения тоже находили сторонников, но в Фивах, где их нельзя было выражать открыто, они были сильнее всего. [70] Фиванцы страдали от присутствия македонского гарнизона в их акрополе – беда, которой избежали большинство других городов. Как и пятьдесят лет назад, когда спартанский гарнизон был навязан им обманом Фойбида и Леонтиада, это привело к установлению промакедонскими лидерами режима террора, при котором свободное слово было подавлено, а граждане подвергались произволу и насилию со стороны своих и чужеземных правителей.

[71] Многие фиванцы, в том числе самые свободолюбивые и смелые, находились в изгнании в Афинах, где, хотя официально им предоставляли лишь убежище, Демосфен и другие антимакедонские лидеры тайно обнадеживали их. [72] Подобно тому, как полвека назад Пелопид и Меллон нашли в Афинах сочувствие, позволившее им организовать заговор для освобождения Фив от спартанцев, теперь изгнанники надеялись повторить этот подвиг, если представится возможность.

Вот какие настроения царили в Греции во время долгого отсутствия Александра во время его похода во Фракию и Иллирию – периода в четыре или пять месяцев, завершившегося в августе 335 г. до н. э. Александр не только отсутствовал так долго, но и не отправлял домой никаких известий о своих действиях. Курьеры вполне могли быть перехвачены в горах Фракии, кишящих разбойниками; даже если они и достигали Пеллы, их донесения не оглашались публично, как это делалось бы, например, перед афинским народным собранием. Поэтому неудивительно, что стали распространяться слухи о его поражении и гибели. Среди этих слухов, множившихся и настойчивых, один даже был подтверждён лжецом, который утверждал, что только что прибыл из Фракии, лично видел гибель Александра и сам был ранен в битве с трибаллами, где царь погиб. [73] Эта радостная новость, не выдуманная, но слишком поспешно принятая на веру Демосфеном и Ликургом, [74] была объявлена афинскому собранию. Несмотря на сомнения, высказанные Демадом и Фокионом, ей поверили не только афиняне и присутствовавшие там фиванские изгнанники, но и аркадяне, элейцы, этолийцы и другие греки. Долгое время, из-за отсутствия [с. 32] Александра, слух оставался неопровергнутым, что усиливало уверенность в его правдивости.

Именно на полной вере в этот слух о поражении и гибели Александра греческие города начали действовать. Это событие само по себе разрывало их связь с Македонией. У Александра не было ни сына, ни взрослого брата, который мог бы унаследовать трон, так что под угрозой оказалось не только иностранное господство, но и внутреннее единство Македонии. Что касается Афин, Аркадии, Элиды, Этолии и других, антимакедонские настроения, несомненно, проявились яростно, но особых действий не требовалось. Иначе обстояло дело с Фивами. Феникс, Прохит и другие фиванские изгнанники в Афинах немедленно разработали план освобождения своего города и изгнания македонского гарнизона с Кадмеи. Вооружившись и получив деньги от Демосфена и других афинских граждан, а также по приглашению своих сторонников в Фивах, они внезапно ворвались в город с оружием в руках. Хотя им не удалось захватить Кадмею врасплох, они схватили в городе и казнили Аминту, одного из главных македонских командиров, и Тимолая, одного из ведущих промакедонски настроенных фиванцев. [75] Затем они немедленно созвали общее собрание фиванцев, на котором призвали их к решительным действиям для изгнания македонян и восстановления древней свободы города. Разглагольствуя о злодеяниях гарнизона и притеснениях со стороны тех фиванцев, которые правили с его помощью, они объявили, что счастливый момент освобождения настал благодаря недавней смерти Александра. Они, несомненно, вспоминали Пелопида и славное предприятие, лелеемое всеми фиванскими патриотами, когда он сорок шесть лет назад освободил город от спартанской оккупации. На этот призыв фиванцы ответили единодушно. Собрание приняло решение о разрыве с Македонией и автономии Фив, а также назначило беотархами некоторых из вернувшихся изгнанников и других представителей той же партии для решительных действий против гарнизона на Кадмее. [76]

К несчастью для Фив, ни один из этих новых беотархов не был человеком уровня Эпаминонда, вероятно, даже Пелопи [с. 33] да. Тем не менее их план, хотя из-за печального исхода его обычно называют безумным, поначалу выглядел более перспективным, чем заговор антиспартанцев в 380 г. до н. э. Кадмея была немедленно осаждена; возможно, они надеялись, что македонский командующий сдаст её так же легко, как это сделал спартанский гармост. Но эти надежды не оправдались. Филипп, вероятно, укрепил цитадель и обеспечил её провизией. Гар-

низон презрел фиванских лидеров, которые не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы отдать приказ о штурме, как в своё время был готов поступить Пелопид, если бы ему отказали в сдаче. [77] Они ограничились тем, что окружили Кадмею двойной линией укреплений, чтобы предотвратить как вылазки изнутри, так и подвоз припасов извне. [78] Затем они отправили послов в траурных одеждах просителей к аркадянам и другим, заявляя, что их недавние действия направлены не против эллинского единства, а против македонского угнетения и насилия, которые давили на них с невыносимой жестокостью. Как греки и свободные люди, они умоляли о помощи, чтобы избавиться от этого бедствия. Они получили много сочувствия, а также некоторые обещания и даже частичную поддержку. Многие ведущие ораторы в Афинах – Демосфен, Ликург, Гиперид и другие – вместе с военачальниками Харидемом и Эфиальтом – горячо призывали своих сограждан выступить в поддержку Фив и оказать помощь против Кадмеи. Но большинство граждан, следуя советам Демада и Фокиона, ждали более надёжных подтверждений как смерти Александра, так и её последствий, прежде чем идти на риск открытой вражды с Македонией, хотя они, кажется, выразили сочувствие фиванской революции. [79] Демосфен далее отправился послом в Пелопоннес, в то время как македонский Антипатр также разослал настоятельные требования к пелопоннесским городам, требуя их контингентов как членов союза под властью Александра для действий против Фив. Красноречие Демосфена, подкреплённое его деньгами или персидскими деньгами, переданными через [с. 34] него, убедило пелопоннесцев отказаться подчиниться Антипатру и не посылать войск против Фив. [80] Элейцы и этолийцы дали общие обещания в поддержку революции в Фивах, а аркадяне даже отправили некоторые войска для её поддержки, хотя они не продвинулись дальше Истма. [81]

Это был переломный момент в греческих делах, открывавший новые возможности для восстановления свободы. Если бы аркадяне и другие греки оказали Фивам решительную помощь – если бы Афины проявили даже ту энергию, которую они проявили двенадцать лет спустя во время Ламийской войны, заняв Фермопилы армией и флотом – ворота Греции могли бы быть закрыты для новой македонской силы, даже если бы Александр был жив и возглавлял её. То, что борьба Фив не считалась в то время, даже промакедонски настроенными греками, безнадёжной, видно из последующих заявлений Эсхина и Динарха в Афинах. Эсхин (произнося пять лет спустя свою речь против Ктесифона) обвиняет Демосфена в том, что своей нерешительностью он привёл к гибели Фив. Иностранные наёмники, входившие в состав гарнизона Кадмеи, были готовы (утверждает Эсхин) сдать крепость за пять талантов; аркадские военачальники привели бы свои войска на помощь Фивам, если бы им заплатили девять или десять талантов – отвергнув требования Антипатра. Демосфен (говорят эти два оратора), имея в своём распоряжении 300 талантов от персидского царя для подстрекательства антимакедонских движений в Греции, был умолян фиванскими послами предоставить деньги для этих целей, но отказал, оставил деньги себе и тем самым предотвратил как сдачу Кадмеи, так и продвижение аркадян. [82] Обвинение, выдвинутое здесь против Демосфена, кажется совершенно невероятным. Предполагать, что антимакедонские движения значили для него так мало, – гипотеза, опровергаемая всей его историей. Но сам факт, что такие обвинения были выдвинуты Эхином всего пять лет спустя, доказывает, что слухи и настроения того времени не считали шансы фиванцев на успешное сопротивление Македонии безнадёжными. И когда афиняне, следуя советам Демада и Фокиона, отказались помочь Фивам или занять Фермопилы – они, возможно, позаботились о безопасности Афин в отдельности, но отступили от великодушного и общеэллинского патриотизма, который вдохновлял их предков против Ксеркса и Мардония. [83]

Фиванцы, оставленные в этой неблагоприятной изоляции, продолжали осаду Кадмеи и вскоре могли бы принудить македонский гарнизон к сдаче, если бы не ошеломившее их событие – внезапное появление Александра лично в Онхесте в Беотии во главе своей победоносной армии. Первое известие о том, что он жив, принёс его приход в Онхест. Сначала никто не мог

поверить в это. Фиванские лидеры утверждали, что это другой Александр, сын Эропа, во главе македонской армии помощи. [84]

В этом эпизоде мы можем отметить две черты, характеризовавшие Александра до конца его жизни: несравненную быстроту передвижения и не менее замечательное везение. Если бы весть о фиванском восстании достигла его, когда он был на Дунае или среди далёких трибаллов – или даже когда он был занят в труднодоступном районе вокруг Пелиона – он вряд ли смог бы прибыть вовремя, чтобы спасти Кадмею. Но он узнал об этом как раз тогда, когда уже победил Клеита и Главкия, так что его руки были совершенно свободны – и также когда он находился в особенно удобном положении для прямого марша в Грецию без возвращения в Пеллу. От перевала Тшангон (или реки Девол), близ которого Александр одержал свои последние победы, его путь лежал на юг, частично следуя верхнему течению реки Галиакмон через Верхнюю Македонию или области Эордея и Элимея, лежавшие слева, в то время как справа находились вершины Пинда и верхнее течение реки Аоос, занятые эпиротами-тимфейцами и паравейцами. На седьмой день марша, пересекая нижние отроги Камбунских гор (отделяющих Олимп от Пинда и Верхнюю Македонию от Фессалии), Александр достиг фессалийского города Пелинна. Ещё шесть дней привели его в беотийский Онхест. [85] Он был уже внутри Фермопил, прежде чем греки вообще узнали, что он в походе или даже что он жив. Вопрос о занятии Фермопил греческими силами таким образом отпал. Трудность форсирования этого прохода и необходимость опередить Афины с помощью хитрости или скорости были очевидны для Александра, как они были очевидны для Филиппа во время его похода 346 г. до н. э. против фокейцев.

Его прибытие, само по себе крайне грозное, произвело на греков двойное впечатление из-за своей внезапности. Мы едва ли можем сомневаться, что и афиняне, и фиванцы имели связи в Пелле – что они ожидали любого македонского вторжения оттуда – и что они предполагали, что сам Александр (если он всё ещё жив, вопреки их убеждению) вернётся в свою столицу, прежде чем начнёт новое предприятие. На этом предположении – самом по себе вероятном и которое оправдалось бы, если бы Александр не продвинулся так далеко на юг в момент получения известия [86] – они, по крайней мере, заранее узнали бы о его приближении и имели бы возможность организовать оборону. Но случилось так, что его неожиданное появление в самом сердце Греции исключило все комбинации и подавило саму мысль о сопротивлении.

Через два дня после прибытия в Беотию он провел свою армию вокруг Фив, чтобы разбить лагерь к югу от города; этим он не только перерезал сообщение фиванцев с Афинами, но и более наглядно продемонстрировал свою силу гарнизону в Кадмее. Фиванцы, хотя остались одни и без надежды на помощь, сохранили непоколебимую храбрость. Александр отложил штурм на день или два, надеясь, что они сдадутся; он хотел избежать атаки, которая могла стоить жизни многим его солдатам, нужным для его азиатских планов. Он даже сделал публичное объявление, [87] требуя выдачи антимакедонских лидеров Феникса и Прохита, но предлагая любому другому фиванцу, пожелавшему покинуть город, разрешение присоединиться к нему на условиях соглашения, заключенного предыдущей осенью.

На общем собрании промакедонски настроенные фиванцы убеждали в необходимости подчиниться непреодолимой силе. Но лидеры, недавно вернувшиеся из изгнания и возглавившие восстание, горячо выступали против этого предложения, настаивая на сопротивлении до смерти. Для них такая решимость, возможно, не удивительна, поскольку (как отмечает Арриан [88]) они зашли слишком далеко, чтобы надеяться на милость. Однако, поскольку большинство граждан сознательно приняло то же решение, [стр. 38] несмотря на сильные уговоры в обратном, [89] ясно видно, что они уже ощутили горечь македонского господства и предпочли погибнуть вместе со свободой своего города, чем терпеть его возобновление, которое наверняка стало бы еще хуже, вкупе с позором выдачи своих лидеров.

В то время, когда чувство Эллады как автономной системы угасало, а греческая храбрость вырождалась в инструмент для возвеличивания македонских вождей, эти соотечественники Эпаминонда и Пелопида подали пример самоотверженной жертвы во имя греческой свободы, не менее достойный, чем подвиг Леонида при Фермопилах, и лишь менее прославленный, потому что оказался безуспешным.

В ответ на прокламацию Александра фиванцы с городских стен огласили свой ответ, требуя выдачи его военачальников Антипатра и Филоты и призывая всех, кто желает вместе с персидским царем и фиванцами освободить греков и свергнуть деспота Эллады, [90] присоединиться к ним. Эта дерзкая насмешка и вызов разгневали Александра до глубины души. Он подвел осадные орудия и подготовил все для штурма города.

О последовавшей кровавой атаке сохранились разные описания, не вполне совпадающие, но не полностью противоречащие друг другу. Похоже, фиванцы возвели внешнее укрепление, защищенное двойным частоколом, вероятно, в связи с их действиями против Кадмеи. Стены охраняли наименее боеспособные солдаты – метеки и освобожденные рабы, в то время как лучшие войска смело вышли перед воротами и вступили в бой.

Александр разделил армию на три части: одна под командованием Пердикки и Аминты атаковала внешнее укрепление, вторая сражалась с фиванцами, совершившими вылазку, а третья оставалась в резерве. Бой между второй частью македонцев и фиванцами у ворот был настолько ожесточенным, что успех одно время казался сомнительным, и Александру пришлось ввести резервы. Первый успех македонцев был достигнут Пердиккой, [91] который с помощью отряда Аминты, а также агрианского полка и лучников захватил первое из двух внешних укреплений, а также потерну, оставленную без охраны. Его войска также взяли штурмом второе укрепление, хотя сам он был тяжело ранен и унесен в лагерь.

Здесь фиванские защитники бежали обратно [стр. 40] в город по ложбине, ведущей к храму Геракла, преследуемые легкой пехотой, опережавшей остальных. Однако фиванцы вскоре контратаковали, отбросив их с потерей их командира Еврибота и семидесяти убитых. Преследуя лучников, ряды фиванцев расстроились, и они не смогли противостоять атаке македонской гвардии и тяжелой пехоты, подошедших на подмогу. Они были разбиты и оттеснены в город, а их отступление стало еще более беспорядочным из-за вылазки македонского гарнизона из Кадмеи.

Победив на этом направлении, македонцы заставили фиванцев, сражавшихся у ворот, отступить, и наступающие войска ворвались в город вместе с ними. Однако внутри города бои продолжались: фиванцы сопротивлялись организованно, пока могли, а будучи рассеяны, сражались даже в одиночку. Никто из воинов не просил пощады; большинство погибло на улицах, но несколькими конным и пешим удалось прорваться на равнину и спастись.

Бой превратился в резню. Македонцы и их пеонийские союзники были разъярены упорным сопротивлением, а греческие вспомогательные отряды – фокейцы, орхоменцы, теспийцы, платейцы – мстили за старые и тяжкие обиды, причиненные Фивами. Их ярость вылилась в беспорядочную бойню всех, кто попадался на пути, без различия возраста или пола – стариков, женщин, детей в домах и даже в храмах. [стр. 41] Это массовое убийство сопровождалось, конечно, грабежом и насилием, которыми победители обычно вознаграждают себя. [92]

Более пятисот македонцев, как утверждает, погибли, а фиванцев – шесть тысяч. Было собрано тридцать тысяч пленных. [93] Судьбу этих пленных и самого города Александр предложил решить орхоменцам, платейцам, фокейцам и другим греческим союзникам, участвовавшим в штурме. Он, несомненно, заранее знал, каков будет их приговор. Они постановили:

- Город Фивы должен быть стерт с лица земли.
- Только Кадмея должна сохраниться как македонский гарнизон.
- Земли Фив должны быть разделены между союзниками.
- Орхомен и Платеи должны быть восстановлены и укреплены.

– Все пленные фиванцы – мужчины, женщины и дети – должны быть проданы в рабство, за исключением жрецов и жриц, а также тех, кто связан узами гостеприимства с Филиппом или Александром, или был проксенами македонцев.

– Бежавшие фиванцы объявляются вне закона и подлежат казни везде, где будут найдены.

– Любому греческому городу запрещается давать им убежище. [94]

Этот жестокий приговор, несмотря на просьбу фиванца [95] Клеада о милосердии, был вынесен греческими союзниками Александра и исполнен им самим, добавившим лишь одно исключение: он оставил дом Пиндара нетронутым и пощадил потомков поэта.

С этими оговорками Фивы были стерты с земли. Их земли разделили между восстановленными Орхоменом и Платеями. Ничто, кроме македонского гарнизона в Кадмее, не напоминало о месте, где некогда стоял глава Беотийского союза. Пленные были проданы, выручив 440 талантов; высокие цены предлагались из-за вражды к городу. [96]

Диодор утверждает, что этот приговор был вынесен общегреческим синодом. Но нет оснований верить, что этот синод, сколь бы покорным он ни был под давлением Александра, мог одобрить уничтожение одного из древнейших и славнейших городов Эллады. Арриан же сообщает, что вопрос решали лишь греческие союзники, участвовавшие в штурме, [97] и приговор отражал ненависть орхоменцев, платейцев и других.

Бесспорно, эти города пострадали от Фив, и для них возмездие было заслуженным. Но те, кто (как пишет Арриан [98]) видел в катастрофе божественную кару за союз Фив с Ксерксом против Греции полтора века назад, забывали, что не только орхоменцы, но и предшественник Александра, македонский царь-тезка, служили в армии Ксеркса вместе с фиванцами.

Арриан тщетно пытается переложить вину за это беспрецедентное разрушение с Александра на малые беотийские города. По его словам, жестокость превзошла лишь уничтожение тридцати двух свободных халкидских городов Филиппом тринадцатью годами ранее.

Ненависть беотийцев использовалась Александром как предлог для расправы, удовлетворявшей его гордость (уничтожение дерзкого врага) и политику (устрашение остальных греков). [99] Однако позже он сожалел об этом. Разрушение города оскорбляло не только людей, но и богов, упраздняя их культы. Позже Александр приносил жертвы в Илионе, [100] чтобы умиловить Приама, разгневанного на его род как потомков убийцы Неоптолема. Так и разрушение Фив навлекло на него гнев Диониса, родившегося в этом городе. Александр считал, что именно Дионис наслал на него пьяную ярость, в которой он убил Клита, и отказал ему в дальнейшем походе в Индию. [101]

Если сам Александр раскаялся, то другие осуждали его еще сильнее. Через несколько лет после его смерти македонец Кассандр, сын Антипатра, восстановил Фивы.

Но в тот момент гибель города вселила ужас в греческие полисы. Все спешили замирились с завоевателем. Аркадский контингент не только вернулся с Истма, но и приговорил своих вождей к смерти. Элейцы вернули из изгнания промакедонских лидеров. Каждое племя этолийцев отправило послов к Александру с мольбой о прощении.

В Афинах в день падения Фив шло великое празднество Элевсинской Деметры с процессией из Афин в Элевсин, хотя до осажденного города было всего два дня пути. Узнав о катастрофе, афиняне прервали праздник, укрылись за стенами [102] и, несмотря на страх перед Александром, предоставили убежище фиванским беженцам, нарушив его эдикт.

Особенно опасались Демосфен, Ликург, Харидем и другие ярые противники Македонии, убеждавшие афинян поддержать Фивы. Но даже под угрозой расправы город не отказал несчастным изгнанникам.

[стр. 45] Вскоре после этого прибыли послы от Александра с грозным письмом, формально требуя выдачи восьми или десяти ведущих афинских граждан – Демосфена, Ликурга, Гиперида, Полиевкта, Мерокла, Диотима, [103] Эфиальта и Харидема. Первые четверо были известными ораторами, последние двое – военачальниками; все – ярые сторонники антимаке-

донской политики. В своем письме Александр обвинял этих десятерых в развязывании битвы при Херонее, в принятии оскорбительных для Македонии решений после смерти Филиппа и даже в недавних враждебных действиях фиванцев. [104]

Этот судьбоносный ультиматум, затрагивающий само право свободной речи и публичных дебатов в Афинах, был вынесен на народное собрание. Подобное требование только что предъявили фиванцам, и последствия отказа были очевидны – уничтожение их города и угрозы завоевателя. Даже в таких испытаниях ни ораторы, ни народ не проявили малодушия – это известный факт, хотя, в отличие от Ливия, мы не имеем доступа к речам, произнесенным в ходе дебатов. [105]

Демосфен, настаивая, что судьба граждан неотделима от судьбы тех, кого требуют выдать, якобы привел в своей речи старую басню о волке, потребовавшем у овец выдать сторожевых псов как условие мира, а затем немедленно растерзавшем беззащитных овец. Он и его товарищи по несчастью просили защиты у народа, [стр. 46] ибо лишь за его интересы навлекли на себя гнев завоевателя.

Фокион, напротив, сначала молчавший и выступивший лишь под давлением народа, утверждал, что сопротивляться Александру сил нет и требуемых лиц необходимо выдать. Он даже обратился к ним лично, напомнив о самопожертвовании дочерей Эрехтея из афинских легенд, и призвал их добровольно сдаться, чтобы избежать общей катастрофы. Он добавил, что сам рад был бы отдать свою жизнь или жизнь лучшего друга, если бы это спасло город. [106]

Ликург, один из требуемых ораторов, резко и гневно ответил на речь Фокиона, и народ поддержал его, отвергнув совет Фокиона. Благодаря мужественному патриотизму в этот критический момент было постановлено не выдавать требуемых лиц. [107]

По предложению Демада к Александру отправили посольство, умоляя его пощадить десятерых и обещая судить их, если против них будут доказательства. Демад, якобы получивший от Демосфена взятку в пять талантов, возглавил миссию. Но Александр сначала был непреклонен, отказался даже выслушать послов и настаивал на своем требовании. Лишь второе посольство во главе с Фокионом смягчило его. Он согласился отозвать требование, удовлетворившись изгнанием Харидема и Эфиальта – двух антимакедонских военачальников. Оба они, а возможно, и другие афиняне, отправились в Азию, где поступили на службу к Дарию. [108]

[стр. 47] В планы Александра не входила осада Афин, которая могла затянуться, учитывая превосходство афинян на море и возможность поддержки от Персии. Когда он убедился, что его требование встретит твердый отпор, политические соображения взяли верх над гневом.

Фокион вернулся в Афины с вестью об уступках Александра, избавив город от крайней опасности. Его влияние, и без того значительное (он годами переизбирался стратегом), еще более возросло, тогда как авторитет Демосфена и других антимакедонских ораторов пошатнулся. Для Александра было немаловажно иметь в Афинах неподкупного Фокиона как лидера промакедонской партии. Его персидский поход мог сорваться из-за сопротивления греков, подстрекаемых персидским золотом. Чтобы удержать Афины от таких союзов, он полагался на влияние Фокиона, всегда отговаривавшего город от сопротивления растущему могуществу Македонии.

В беседе с Фокионом о предстоящем походе [стр. 48] Александр льстил афинской гордости, называя Афины вторыми после себя и достойными возглавить Грецию в случае его гибели. [109] Такие комплименты было полезно повторить в народном собрании: македонский царь, вероятно, предпочитал афинское лидерство спартанскому, ибо Спарта открыто ему противилась.

Успокоив гнев Александра, Афины вернулись в состав союза под его властью. Не заходя в Аттику, он двинулся к Коринфскому перешейку, где, видимо, принимал делегации от греческих городов, изъявлявших покорность. Вероятно, он также председательствовал на собрании общегреческого синода, определяя контингенты для весеннего похода.

Всех приветствовали его с покорностью, кроме киника Диогена, жившего в Коринфе в бочке и довольствовавшегося аскетической жизнью. Александр с свитой подошел к нему и спросил, не нужно ли ему чего. Диоген ответил: «Да, отойди, ты заслоняешь мне солнце». Окружающие рассмеялись, но Александра поразила независимость философа, и он воскликнул: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». [110]

Посетив Дельфы и получив (или вырвав) у пифии [111] благоприятное предсказание для азиатского похода, он вернулся в Македонию до зимы. Главным итогом его пребывания в Греции стала реорганизация Беотии: уничтожение Фив, восстановление Орхомена, Феспий и Платей с разделом фиванских земель – все под контролем македонского гарнизона в Кадмее. [стр. 49] Подробности этого процесса, полного драматизма и сложных вопросов, к сожалению, неизвестны.

Александр покинул Грецию осенью 335 г. до н.э. и больше не возвращался.

Тем летом, пока он действовал в Иллирии и против Фив, македонские силы Пармениона в Азии столкнулись с персидской армией и греческими наемниками под командованием родосца Мемнона. Парменион, войдя в Эолиду, взял Гриний, но был вынужден снять осаду Питан из-за Мемнона. Тот даже разбил македонский отряд Калласа в Троаде, заставив его отступить к Ройтею, но не смог захватить Кизик, ограничившись разграблением окрестностей. [112] Говорили, что Дарий готовил мощные сухопутные и морские силы против Александра, но реальные действия были скромнее.

Глава ХСII. АЗИАТСКИЕ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА

За год с небольшим Александр продемонстрировал энергию и полководческий талант, подавив стремление к свободе у греков на юге и фракийцев на севере Македонии. Зимой он посвятил подготовке, и к весне 334 г. до н.э. его армия для завоевания Азии собралась между Пеллой и Амфиполем, а флот стоял наготове.

Остаток жизни Александр провел в Азии – с переправы через Геллеспонт в марте-апреле 334 г. до н.э. до смерти в Вавилоне в июне 323 г. до н.э. (11 лет и 2–3 месяца). Он так и не вернулся в Македонию, но его завоевания были столь грандиозны, а аппетит к новым – так ненасытен, что Македония померкла в списке его владений. Греческие города и вовсе стали периферией новой восточной империи. За эти 11 лет история Греции почти пуста, если не считать отдельных событий. Лишь со смертью Александра греки вновь пробудились к активности.

Азиатские завоевания Александра не относятся напрямую к истории Греции. Армия была македонской – от полководца до большинства солдат. Греки служили лишь вспомогательными силами, как фракийцы и пеонийцы. Хотя их было больше, они не были основной ударной силой, как «Десять тысяч» греков в армии Кира Младшего.

Главный секретарь Александра, Евмен из Кардии, был греком, как и многие гражданские и интеллектуальные деятели при нем. В персидской армии против него тоже сражалось много греков, составлявших ее реальную силу (если не считать численного превосходства).

Таким образом, поход вписался в греческую историю через участие греков по обе стороны, а также через связь с прежними проектами и легендами, предшествовавшими возвышению Македонии.

Месть Персии за вторжение Ксеркса и освобождение малоазийских греков были целями спартанца Агесилая и ферейца Ясона, вдохновленных возвращением «Десяти тысяч». Ритор Исократ призывал к этому сначала свободные греческие города под главенством Афин и Спарты, затем – Филиппа Македонского как лидера объединенной Греции.

Хотя это был проект македонской экспансии, он подавался под панеллинским лозунгом мести за давние обиды. Для Александра это был предлог, ибо истинных общегреческих чувств уже не существовало.

Греки в его армии напоминали немецкие контингенты Наполеона в 1812 году: они не были заинтересованы в его победе, лишь в собственном выживании. Александр, как Наполеон, считал их изменниками, если они служили врагу (Персии), и делал разницу между пленными азиатами и греками, упрекая последних в предательстве общеэллинского дела. [113]

Эллада как политическое целое теперь перестала существовать, за исключением тех случаев, когда Александр использует это название в своих целях. Её составные части присоединены в качестве придатков, несомненно, ценных, к Македонскому царству. Четырнадцать лет до воцарения Александра Демосфен, подстрекая афинян поддержать Олинф против Филиппа, говорил им [114]: «Македонская держава, рассматриваемая как придаток, [с. 53] представляет немалую ценность; но сама по себе она слаба и полна затруднений». Если поменять местами участников, эти слова точно описывают положение самой Греции по отношению к Македонии и Персии на момент воцарения Александра. Если бы персы действовали с достаточной осмотрительностью и энергией, его успех измерялся бы тем, насколько он смог бы присвоить греческую силу себе и лишить её врага.

Великие и знаменитые свершения Александра, к которым мы теперь переходим, принадлежат не правителю или политику, а полководцу и воину. В этом качестве его появление знаменует собой своего рода историческую эпоху. Он превосходит современников не только в воинских качествах – в безудержной и даже безрассудной храбрости, в неутомимой личной активности, в выносливости к лишениям и усталости, – хотя и этих качеств, будучи царём,

достаточно, чтобы вдохновить подчинённых на великие свершения, даже если его полководческое искусство не превосходит средний уровень его эпохи. Но в военном деле Александр был ещё более выше своих современников. Его стратегические комбинации, использование различных родов войск для достижения единой цели, дальновидные планы ведения кампаний, постоянная предусмотрительность и находчивость перед новыми трудностями, а также быстрота передвижения даже в самой трудной местности – всё в грандиозных масштабах – не имеют аналогов в древней истории. Они поднимают искусство систематической и научной войны до такой степени эффективности, которой не смогли достичь даже его преемники, обученные в его школе.

Однако следует помнить, что Александр унаследовал македонскую военную систему, созданную Филиппом, и лишь применял и развивал её. Доставшаяся ему система воплощала накопленный результат и зрелые плоды ряда последовательных улучшений, внедрённых греческими тактиками в первоначальные эллинские порядки. В течение шестидесяти лет до воцарения [с. 54] Александра военное искусство заметно прогрессировало – к печальному ущербу для греческой политической свободы. «Всё вокруг нас (говорит Демосфен, обращаясь к афинянам в 342 г. до н. э.) в последние годы продвинулось вперёд – ничто не похоже на прежнее – но нигде изменения и расширение не столь заметны, как в военном деле. Прежде лакедемоняне, как и прочие греки, лишь вторгались на территорию друг друга в течение четырёх или пяти летних месяцев со своим гражданским ополчением гоплитов: зимой они оставались дома. Но теперь мы видим Филиппа в постоянных действиях, зимой и летом, атакующего всех вокруг, не только с македонскими гоплитами, но и с конницей, легкой пехотой, лучниками, наёмниками всех видов и осадными орудиями» [115].

В своих последних двух томах я подробно останавливался на этом прогрессирующем изменении характера греческого военного дела. В Афинах и в большинстве других частей Греции граждане стали избегать тяжёлой и активной военной службы. Владение оружием перешло в основном к профессиональным солдатам, которые, не имея чувства гражданства, служили там, где предлагали хорошую плату, и размножились до такой степени, что стали угрозой для греческого общества [116]. Многие из этих наёмников были легковооружёнными – пельтасты действовали в сочетании с гоплитами [117]. Ификрат значительно улучшил и частично перевооружил пельтастов, которых он использовал совместно с гоплитами так эффективно, что поразил современников [118]. Его нововведение было далее развито великим [с. 55] военным гением Эпаминонда, который не только заставил пехоту и конницу, легковооружённых и тяжёловооружённых, действовать согласованно, но и полностью изменил общепринятые принципы боевого манёвра, сосредоточив непреодолимую силу атаки на одном участке вражеской линии и удерживая остальную часть своей линии в обороне. Помимо этих важных улучшений, реализованных полководцами на практике, такие опытные офицеры, как Ксенофонт, излагали результаты своего военного опыта в ценных опубликованных трудах [119]. Именно эти уроки усвоил македонский Филипп и применил их для порабощения тех самых греков, особенно фиванцев, от которых они исходили. В юности, будучи заложником в Фивах, он, вероятно, общался с Эпаминондом и, несомненно, хорошо изучил фиванскую военную организацию. У него были все мотивы, не только из-за честолюбия завоеваний, но и из-за необходимости обороны, чтобы использовать это: и он подошёл к задаче с величайшим военным гением и способностями. В вооружении, построениях, осадных машинах, организации войск и штабной работе он ввёл важные новшества, оставив своим преемникам македонскую военную систему, которая с улучшениями его сына просуществовала до завоевания страны Римом почти два века спустя.

Военная сила Македонии в эпохи, предшествовавшие [с. 56] Филиппу, состояла, как и в Фессалии, из хорошо вооружённой и обученной конницы, набранной из зажиточных землевладельцев страны, – и из многочисленных отрядов пельтастов или легкой пехоты (несколько аналогичных фессалийским пенестам): последние были сельским населением, пастухами или

земледельцами, пасшими овец и крупный рогатый скот или обрабатывавшими землю среди просторных гор и долин Верхней Македонии. Греческие города у побережья и немногочисленные македонские города во внутренних районах имели граждан-гоплитов, лучше вооружённых; но пешая служба не пользовалась почётом среди местных жителей, и македонская пехота в целом представляла собой не более чем сброд. Ко времени воцарения Филиппа они были вооружены не лучше, чем ржавыми мечами и плетёными щитами, совершенно неспособными противостоять набегам их фракийских и иллирийских соседей, перед которыми они постоянно вынуждены были бежать в горы [120]. Их состояние было состоянием бедных пастухов, полуголых или покрытых лишь шкурами, и евших из деревянных мисок: не сильно отличаясь от населения Верхней Македонии тремя веками ранее, когда его впервые посетил Пердикка, предок македонских царей, и когда жена местного князя пекла хлеб своими руками [121]. С другой стороны, хотя македонская пехота была столь незначительна, конница страны [с. 57] была превосходна как в Пелопоннесской войне, так и в войне, которую Спарта вела против Олинфа более чем двадцать лет спустя [122]. Эти всадники, подобно фессалийцам, атаковали в сомкнутом строю, используя в качестве основного оружия не метательные дротики, а короткие колющие пики для ближнего боя.

Таковы были недостатки военной организации, которую застал Филипп. При нём она была полностью перестроена. Бедное и выносливое ополчение Македонии, постоянно оборонявшееся от хищных соседей, представляло собой превосходный материал для солдат и оказалось восприимчивым к нововведениям воинственного правителя. Их поставили на постоянную службу в строю тяжёлой пехоты; более того, их заставили принять новый вид оружия, не только само по себе очень трудный в обращении, но и сравнительно бесполезный для солдата в одиночном бою, пригодный лишь для строя людей, обученных двигаться или стоять вместе. Новое оружие, о котором мы впервые слышим в армии Филиппа, – это сарисса, македонская пика или копье. Сарисса использовалась как пехотой его фаланги, так и отдельными полками его конницы; в обоих случаях она была длинной, хотя у фаланги она была значительно длиннее. Конные полки, называемые сариссофорами или уланами, были своего рода лёгкой кавалерией, вооружённой длинным копьем, и отличались от тяжёлой кавалерии, предназначенной для рукопашного боя, которая несла ксистон или короткую пикку. Сарисса этой кавалерии могла быть длиной в четырнадцать футов, как сейчас казачья пика; у пехоты в фаланге она была не менее двадцати одного фута. Этот размер настолько огромен и неудобен, что мы вряд ли поверили бы ему, если бы он не был подтверждён ясным утверждением такого историка, как Полибий.

Необычайная длина сариссы или пики составляла главную особенность и силу македонской фаланги. Фалангиты строились в шеренги, обычно глубиной в шестнадцать рядов, каждая называлась лохом; с интервалом в три фута между каждыми двумя солдатами спереди назад. Впереди стоял лохаг, человек превосходной силы и испытанного военного опыта. Второй и третий в шеренге, а также последний, замыкавший строй, также были отборными солдатами, получавшими большее жалованье, чем остальные. Сарисса, находясь в горизонтальном положении, держалась обеими руками (в отличие от копья греческого гоплита, которое занимало только одну руку, другая требовалась для щита), и так, что она выступала на пятнадцать футов перед телом копейщика; в то время как задняя часть в шесть футов была утяжелена, чтобы обеспечить удобное распределение давления. Таким образом, сарисса человека, стоявшего вторым в шеренге, выступала на двенадцать футов впереди первого ряда; третьего – на девять футов; четвёртого и пятого – соответственно на шесть и три фута. Таким образом, каждый лох представлял собой пять рядов пик, встречающих наступающего врага. Из этих пяти первые три явно выступали дальше, а четвёртый – не меньше, чем копья греческих гоплитов, идущих в атаку. Ряды позади пятого, служа для поддержки и напора вперёд, не держали сариссу гори-

зонтально, а наклоняли её над плечами впереди стоящих, чтобы ослабить силу дротиков или стрел, которые могли быть пущены сверху из тыловых рядов врага [123].

Фалангит (солдат фаланги) был также снабжён коротким мечом, круглым щитом диаметром чуть более двух футов, нагрудником, поножами и каусией – широкополой шляпой, обычным головным убором в македонской армии. Но длинные пики были на самом деле главным оружием как защиты, так и нападения. Они предназначались для борьбы с атакой греческих гоплитов с одноручными копьями и тяжёлыми щитами; особенно против самого грозного проявления этой силы – глубокой фиванской колонны, организованной Эпаминондом. Именно это Филиппу пришлось иметь дело при воцарении как с непреодолимой пехотой Греции, сметающей всё перед собой ударом копья и напором щита. Он нашёл способ победить её, обучив свою бедную македонскую пехоту систематическому использованию длинной двуручной пики. Фиванская колонна, атакующая такую фалангу, оказывалась неспособной прорвать строй выставленных пик или дойти до толкания щитами. Нам рассказывают, что в битве при Херонее все фиванские воины первого ряда, избранные мужи города, погибли на месте; и это неудивительно, если представить их бросающимися, как по собственному мужеству, так и под напором сзади, на стену пик вдвое длиннее их собственных. Мы должны рассматривать фалангу Филиппа в сравнении с врагами перед ним, а не с более поздней римской организацией, которую приводит Полибий. Она идеально отвечала целям Филиппа, которому нужно было прежде всего выдержать лобовой удар, подавляя греческих гоплитов их же способом атаки. Полибий сообщает нам, что фаланга ни разу не была побеждена в лобовом столкновении на подходящей для неё местности; а где местность подходила для гоплитов, там она подходила и для фаланги. Неудобства строя Филиппа и длинных пик заключались в неспособности фаланги изменить фронт или сохранить порядок на неровной местности; но такие неудобства в не меньшей степени ощущали и греческие гоплиты [124].

Македонская фаланга, именуемая пезетайрами [125] или пешими спутниками царя, составляла основную массу туземной [стр. 60] пехоты, в отличие от специальных армейских корпусов. Наибольшее подразделение, упоминаемое при Александре и находившееся под командованием генерала дивизии, называлось таксисом. Сколько всего было таких таксисов, мы не знаем; первоначальная азиатская армия Александра (не считая оставленных на родине сил) включала шесть из них, что, по-видимому, соответствовало территориальному делению страны: орестай, линкесты, элимиоты, тимфеи и др. [126] Тактики приводят систематическую шкалу распределения (начиная с низшей единицы – лоха в 16 человек, с последовательным умножением на два вплоть до четверной фаланги в 16 384 человека), пронизывающую всю македонскую армию. Среди этих подразделений наиболее фундаментальным и постоянным является синтагма, состоявшая из 16 лохов. Образуя таким образом квадрат в 16 человек по фронту и в глубину, или 256 человек, она одновременно представляла собой отдельное постоянное формирование или батальон, к которому придавались пять сверхштатных лиц: знаменосец, замыкающий, трубач, вестник и слуга или ординарец. [127] Две такие синтагмы составляли отряд в 512 человек, называемый пентакосиархией, который во времена Филиппа, как утверждается, был обычным полком, действовавшим под отдельным командованием; однако Александр удвоил несколько таких отрядов при реорганизации армии в Сузах, [128] создав полки по 1024 человека, каждый под командованием хилиарха и включавший четыре синтагмы. Вся эта систематическая организация македонских военных сил в мирное время, по-видимому, была создана гением Филиппа. В реальных походах численная точность соблюдаться не могла; полк или дивизия не всегда насчитывали фиксированное [стр. 61] количество людей. Однако что касается построения, глубина в 16 шеренг для рядов фалангитов считалась важной и характерной, [129] возможно, необходимой для придания войскам уверенности. Это была значительно большая глубина, чем у греческих гоплитов, и превзойдена она была лишь фиванцами.

Однако фаланга, будучи ключевым элементом, была лишь одной из многих составляющих в разнообразной военной организации, созданной Филиппом. Она не была предназначена и не годилась для действий в одиночку; будучи неповоротливой при смене фронта для защиты флангов или тыла, она также не могла адаптироваться к неровной местности. Филипп организовал другой род пехоты, называемый гипаспистами – щитоносцами или гвардией; [130] изначально немногочисленные и использовавшиеся для личной защиты царя, они позже были расширены в несколько отдельных армейских корпусов. Эти гипасписты или гвардейцы были легкой пехотой линии; [131] они были гоплитами, сохранявшими строй и предназначенными для ближнего боя, но вооруженными легче и более приспособленными к различным условиям и позициям, чем фаланга. Они, по-видимому, сражались с одноручным копьем и щитом, как греки, а не с двуручной сариссой фалангитов. Они занимали промежуточное положение между тяжелой пехотой фаланги в строгом смысле – и пельтастами и прочими легкими войсками. Александр в своих поздних кампаниях распределил их по хилиархиям (как было организовано это распределение ранее, у нас нет точных сведений), по меньшей мере три, а возможно, и больше. [132] Мы видим, что он использовал их в наступательных [стр. 62] и агрессивных действиях: сначала легкие войска и кавалерия начинали атаку; затем гипасписты развивали успех; наконец, фаланга подходила для их поддержки. Гипасписты также применялись для штурма укрепленных позиций и быстрых ночных маршей. [133] Каково было их общее число, мы не знаем. [134]

Помимо фаланги и гипаспистов (гвардии), македонская армия, использовавшаяся Филиппом и Александром, включала множество иррегулярных войск – частично местных македонян, частично иностранцев: фракийцев, пеонов и др. Они делились на разные категории: пельтасты, метатели дротиков и лучники. Лучшими среди них были агриане, пеонское племя, искусное в обращении с дротиком. Все они активно использовались Александром на флангах и впереди тяжелой пехоты или смешивались с кавалерией – а также для преследования разбитого врага.

Наконец, кавалерия в армии Александра также была превосходна – по меньшей мере равная, а возможно, даже превосходившая по эффективности его лучшую пехоту. [135] Я уже упоминал, что кавалерия была избранной туземной силой Македонии задолго до правления Филиппа, который ее расширил и усовершенствовал. [136] Тяжелая кавалерия, состоявшая целиком или преимущественно из местных македонян, была известна под названием гетайров (спутников). Кроме того, существовала новая, более легкая разновидность кавалерии, по-видимому, введенная Филиппом и называвшаяся сариссофорами, или уланами, использовавшимися подобно казакам для передовых постов или разведки местности. Сарисса, которую они носили, вероятно, была значительно короче, чем у фаланги; [стр. 63] но она была длиннее, чем ксисстон (метательное копье), использовавшийся тяжелой кавалерией для ближнего боя. Арриан, описывая армию Александра при Арбелах, перечисляет восемь отдельных эскадронов этой тяжелой кавалерии – или кавалерии гетайров; однако общее число таких эскадронов в македонской армии при вступлении Александра на престол неизвестно. Среди эскадронов, по крайней мере несколько (если не все) были названы по городам или областям страны – Боттиэя, Амфиполь, Аполлония, Анфем и др.; [137] был один или несколько, выделявшихся как царский эскадрон – агема или ведущий отряд кавалерии – во главе которого Александр обычно атаковал, находясь в первых рядах сражающихся. [138]

Распределение кавалерии по эскадронам было унаследовано Александром при вступлении на престол; однако он изменил его при реорганизации армии (в 330 г. до н. э.) в Сузах, разделив эскадрон на два лоха и установив лох как основное подразделение кавалерии, как это всегда было для пехоты. [139] Его реформы свелись к сокращению основной кавалерийской единицы с эскадрона до полуэскадрона или лоха, в то время как пехота сводилась в более крупные формирования – от когорт по 500 человек к когортам по 1000.

Среди гипаспистов или гвардейцев также существовала агема – избранная когорта, которая чаще других начинала бой. Еще более элитным подразделением были телохранители – небольшая группа проверенных и доверенных людей, лично известных Александру, постоянно находившихся при его особе и выполнявших роль адъютантов или командиров для специальных заданий. Эти телохранители, по-видимому, выбирались из числа царских пажей или юношей – института, впервые учрежденного Филиппом и демонстрирующего его усилия по вовлечению знатных македонян в военную организацию и зависимость от своей персоны. Царские юноши, сыновья знатных лиц по всей Македонии, были взяты Филиппом на службу и постоянно проживали при нем для выполнения обязанностей по дворцовому обслуживанию и сопровождению. Они несли постоянную охрану его дворца, сменяясь в дневных и ночных караулах; они принимали от конюхов его коня, помогали ему сесть и сопровождали на охоту: они представляли лиц, желавших аудиенции, и впускали его любовниц ночью через особую дверь. Они имели привилегию обедать с ним, а также не подвергаться телесным наказаниям без его особого приказа. [140] Точное число этой группы неизвестно; [стр. 65] но оно, должно быть, было немалым, поскольку Аминта привел сразу пятьдесят таких юношей из Македонии, чтобы присоединиться к Александру и пополнить отряд в Вавилоне. [141] В то же время смертность среди них, вероятно, была значительной, поскольку, сопровождая Александра, они терпели даже больше, чем невероятные тяготы, которые он накладывал на себя. [142] Обучение в этом корпусе было подготовкой сначала для становления телохранителями Александра – затем для назначения на важные военные посты. Таким образом, это был первый этап карьеры для большинства диадохов или высших офицеров Александра, которые после его смерти разделили его завоевания на царства.

Именно так Филипп расширил и разнообразил туземные македонские силы, включавшие к моменту его смерти: 1. Фалангу, пеших спутников или основную массу тяжелой пехоты, обученной владению длинной двуручной сариссой – 2. Гипаспистов, или легковооруженные гвардейские корпуса пехоты – 3. Гетайров, или тяжелую кавалерию, древнюю местную силу, состоявшую из зажиточных македонян – 4. Легкую кавалерию, улан или сариссофоров. – К ним присоединялись ценные иностранные вспомогательные войска. Фессалийцы, частично покоренные, частично привлеченные Филиппом, предоставили ему тяжелую кавалерию, не уступавшую македонской. Из различных частей Греции он набирал гоплитов-добровольцев, вооруженных большими щитами и одноручными копьями. От воинственных племен фракийцев, пеонов, иллирийцев и др., которых он покорил вокруг, он получал контингенты легких войск различного типа: пельтастов, лучников, метателей дротиков и т. д., – все превосходные в своем роде и крайне полезные для его комбинаций в сочетании [стр. 66] с тяжелыми массами. Наконец, Филипп завершил свои военные приготовления организацией эффективного осадного парка для штурма крепостей, равно как и для полевых сражений; запаса метательных и таранных машин, превосходивших все существовавшее в то время. Мы видим, что Александр использовал эту артиллерию уже в первый год своего правления, в кампании против иллирийцев. [143] Даже в самых дальних походах в Индию он либо возил ее с собой, либо имел средства для строительства новых машин на месте. Не было части его военного оснащения, более важной для его завоеваний. Победоносные осады Александра – одни из самых памятных его подвигов.

Ко всей этой обширной, многообразной и систематизированной действующей армии следует добавить гражданские учреждения, склады, арсеналы, обеспечение конским составом, инструкторов и адъютантов и т. д., необходимые для поддержания ее в постоянной готовности и эффективности. Ко времени прихода Филиппа к власти Пелла была незначительным местом; [144] к моменту его смерти она стала не только укрепленной крепостью и хранилищем царской казны, но и постоянным центром, военным министерством и учебным лагерем величайшей военной силы того времени. Военные реестры, как и традиции македонской дисциплины,

сохранялись там вплоть до падения монархии. [145] Филипп посвятил свою жизнь созданию этого мощного инструмента господства. Его доходы, значительные как от рудников, так и от завоеванных территорий, были истощены этой работой, так что к моменту смерти он оставил долг в 500 талантов. Но его сын Александр получил готовый инструмент с отличными офицерами и опытными ветеранами для первых рядов своей фаланги. [146]

Эта научная организация военной силы в крупном масштабе, со всеми разновидностями вооружения и снаряжения, скоординированными для одной цели, – великий факт македонской истории. Ничего подобного по масштабу и сложности прежде не существовало. Македонцы, подобно эпиротам и этолийцам, не имели других способностей или отличительных качеств, кроме воинственности. Их грубые и разрозненные племена не проявляли определенных политических институтов и слабого чувства национального братства; их объединение было в основном временным военным союзом под началом царя. Филипп, сын Аминты, первым организовал это военное единство в систему, действующую постоянно и эффективно, добившись с ее помощью завоеваний, которые создали у македонцев общую гордость превосходством в оружии, заменявшую политические институты или национальность. Эта гордость была еще более возвышена поистине сверхчеловеческой карьерой Александра. Македонское царство было не чем иным, как хорошо слаженной военной машиной, демонстрирующей непреодолимое превосходство грубых людей, обученных оружию и ведомых способным полководцем, не только над недисциплинированными толпами, но и над свободным, мужественным и дисциплинированным гражданством с высокоодаренным интеллектом.

В течение зимы 335–334 гг. до н. э., после разрушения Фив и возвращения Александра из Греции в Пеллу, были завершены последние приготовления к азиатскому походу. Македонская армия с вспомогательными контингентами, предназначенными для этой экспедиции, собралась ранней весной. Антипатр, один из старейших и способнейших офицеров Филиппа, был назначен наместником Македонии во время отсутствия царя. Ему был оставлен военный отряд, составлявший, по данным, 12 000 пехотинцев и 1500 кавалеристов, [147] для подавления городов Греции, противодействия персидскому флоту и сдерживания недовольства внутри страны. Такое недовольство могло подогреваться влиятельными македонянами или претендентами на престол, особенно учитывая, что у Александра не было прямого наследника: и нам рассказывают, что Антипатр и Парменион советовали отложить поход до тех пор, пока молодой царь не оставит после себя наследника своего рода. [148] Александр отверг эти представления; однако он не пренебрег мерами по уменьшению опасностей дома, казнив тех, кого особенно опасался или не доверял, особенно родственников последней жены Филиппа Клеопатры. [149] Из зависимых племен наиболее энергичные вожди сопровождали его армию в Азию – по собственному желанию или по его требованию. После этих предосторожностей спокойствие Македонии было доверено благоразумию и верности Антипатра, которые дополнительно обеспечивались тем, что трое его сыновей сопровождали армию и самого царя. [150] Хотя и непопулярный в поведении, [151] Антипатр исполнял обязанности своей крайне ответственной должности с усердием и умением; несмотря на опасную враждебность Олимпиады, против которой он отправлял много жалоб Александру в Азию, в то время как она со своей стороны писала частые, но безрезультатные письма с целью подорвать его доверие у сына. После долгого периода неизменного доверия Александр в последние годы жизни начал испытывать к Антипатру неприязнь и недоверие. Он всегда относился к Олимпиаде с величайшим уважением; однако пытался удерживать ее от вмешательства в политические дела и иногда жаловался на ее властные требования и насилие. [152]

Армия, предназначенная для похода в Азию, собравшись в Пелле, была проведена самим Александром сначала в Амфиполь, где перешла Стримон; затем вдоль прибрежной дороги к реке Нест и городам Абдера и Маронея; далее через Фракию, пересекая реки Гебр и Мелас; наконец, через Фракийский Херсонес в Сест. Здесь его встретил флот, состоявший из 160

триер, а также множества торговых судов; [153] значительную часть его составляли контингенты, предоставленные Афинами и греческими городами. [154] Переправа всей армии – пехоты, конницы и осадных машин – на кораблях через пролив из Сеста в Европе в Абидос в Азии была организована Парменионом и осуществлена без затруднений и сопротивления.

Однако сам Александр, отделившись от армии в Сесте, отправился в Элей, южную оконечность Херсонеса. Здесь находились святилище и священный участок героя Протесилая, убитого Гектором; он был первым греком (согласно легенде о Троянской войне), ступившим на берег Трои. Александр, чье воображение тогда было полно гомеровских воспоминаний, принес жертву герою, молясь, чтобы его собственная высадка завершилась более благоприятно.

Затем он переплыл пролив на флагманской триере, лично управляя рулем, к месту высадки близ Илиона, называемому Гаванью ахейцев. На середине пролива он принес в жертву быка, совершив возлияния из золотой чаши в честь Посейдона и nereид. Сам, облаченный в полные доспехи, он первым (как [с. 70] Протесилай) ступил на азиатский берег, но не встретил там врага, подобного Гектору. Отсюда, поднявшись на холм, где стоял Илион, он принес жертву покровительнице города, богине Афине, и оставил в ее храме свои доспехи, взяв взамен некоторые из оружия, которое, как говорили, носили герои Троянской войны; впоследствии он приказывал нести их перед собой в битвах.

Среди других реальных или предполагаемых памятников этой легенды жители Илиона показали ему дом Приама с алтарем Зевса Геркея, где, по преданию, несчастный старый царь был убит Неоптолемом. Поскольку Александр считал Неоптолема своим предком, он чувствовал себя объектом неутоленного гнева Приама и потому принес ему жертву на том же алтаре, чтобы искупить вину и примириться. На могиле и памятной колонне Ахилла, отца Неоптолема, он не только возложил венок, но и совершил традиционный обряд: умастив себя маслом, пробежал вокруг нее обнаженным, восклицая, как он завидует судьбе Ахилла, который при жизни был благословлен верным другом, а после смерти – великим поэтом, воспевавшим его подвиги.

Наконец, в память о переправе Александр воздвиг постоянные алтари в честь Зевса, Афины и Геракла – как на европейском берегу, откуда отправилась его армия, так и на азиатском, где она высадилась. [155]

[с. 71] Действия Александра на незабываемом месте Илиона интересны тем, что раскрывают одну из сторон его величественного характера – склонность к легендарным симпатиям и религиозным чувствам, в которых заключалась его единственная аналогия с греками. Юный македонский царевич не обладал тем чувством взаимных прав и обязанностей, которое отличало свободных греков гражданских общин. Но во многом он был воплощением героических греков, [156] своих воинственных предков из легенд – Ахилла, Неоптолема и других представителей рода Эакидов, несравненных в проявлениях силы: человеком необузданных порывов во всех направлениях, то великодушным, то мстительным; пылким в личных привязанностях, как в любви, так и в ненависти, но прежде всего поглощенным неуголимой жадой битв, страстью к завоеваниям и стремлением любой ценой утвердить свое превосходство над другими – «*Jura negat sibi nata, nihil non arrogat armis*» («Отрицает, что права для него созданы, все присваивает силой»). Он гордился не только полководческим искусством и умением направлять действия солдат, но и личной отвагой гомеровского вождя, первым бросившегося в опасность и тяготы.

К качествам, сходным с ахилловыми, Александр добавил одно свойство гораздо более высокого порядка. Как полководец, он превосходил свою эпоху в дальновидных и даже стратегических комбинациях. При всей своей безудержной отваге и оптимизме он никогда не упускал из виду систематических военных предосторожностей. Этому он в значительной степени научился у греков, применивших интеллект к военному делу, хотя и внес множество соб-

ственных усовершенствований. Но характер и склонности, с которыми он отправился в Азию, носили черты – и яркие, и отталкивающие – скорее Ахилла, чем Агесилая или Эпаминонда.

[с. 72] Армия, пересчитанная на азиатском берегу после переправы, насчитывала в общей сложности 30 000 пехотинцев и 4500 всадников, распределенных следующим образом:

Пехота

Македонская фаланга и гипасписты – 12 000

Союзники – 7 000

Наемники – 5 000

Под командованием Пармениона – 24 000

Одриссы, трибаллы (фракийцы) и иллирийцы – 5 000

Агриане и лучники – 1 000

Всего пехоты – 30 000

Кавалерия

Македонская тяжелая (под командой Филоты, сына Пармениона) – 1 500

Фессалийская (также тяжелая, под командой Калла) – 1 500

Разнородная греческая (под командой Эригия) – 600

Фракийская и пеонийская (легкая, под командой Кассандра) – 900

Всего кавалерии – 4 500

Это, по-видимому, наиболее достоверная численность первой вторгшейся в Азию армии Александра. Однако существовали и другие данные, согласно которым она достигала 43 000 пехотинцев и 4000 всадников. [157] Помимо этих войск, у Александра был эффективный парк метательных и осадных машин, которые вскоре вступили в действие.

Что касается финансов, то военная казна Александра, частично истощенная щедрыми подарками македонским офицерам, [158] была столь же скудна, как у Наполеона Бонапарта при начале его блистательной кампании 1796 года в Италии. Согласно Ариобулу, у него было всего 70 талантов; по другим данным – средств хватало лишь на 30 дней содержания армии. Более того, он даже не смог собрать вспомогательные войска и полностью экипировать армию, не влезши в долг в 800 талантов, помимо 500 талантов, оставшихся от его отца Филиппа. [159] Хотя Плутарх [160] удивляется малочисленности сил, с которыми Александр задумал столь великие предприятия, на самом деле его пехота значительно превосходила любые войска, которые персы могли ему противопоставить; [161] не говоря уже о дисциплине и организации, превосходивших даже греческих наемников, составлявших единственную боеспособную пехоту на персидской службе. Его кавалерия, хотя и уступала в численности, превосходила персидскую по качеству и мощи в ближнем бою.

Большинство офицеров, занимавших важные командные посты в армии Александра, были коренными македонцами. Его близкий друг Гефестион, а также телохранители Леоннат и Лисимах происходили из Пеллы; Птолемей, сын Лага, и Пифон были эордейцами из Верхней Македонии; Кратер и Пердикка – из области Верхней Македонии, называемой Орестидой; [162] Антипатр с сыном Кассандром, Клит, сын Дропида, Парменион с двумя сыновьями Филотой и Никанором, [стр. 74] Селевк, Кен, Аминта, Филипп (эти два последних имени носили несколько человек), Антигон, Неоптолем, [163] Мелеагр, Певкест и другие – все они, по-видимому, были коренными македонцами. Все или большинство из них прошли военную подготовку при Филиппе, в чьей службе особенно высоких чинов достигли Парменион и Антипатр.

Среди множества греков на службе у Александра лишь немногие занимали важные должности. Медий, фессалиец из Лариссы, входил в круг его близких друзей; но самым способным и выдающимся из всех был Эвмен, уроженец Кардии на Херсонесе Фракийском. Эвмен, сочетавший прекрасное греческое образование с физической активностью и предприимчивостью, ещё в молодости привлёк внимание Филиппа и был назначен его секретарём. После семи лет

службы, вплоть до смерти Филиппа, он сохранил должность главного секретаря при Александре на протяжении всей жизни царя. [164] Он вёл большую часть переписки Александра, а также ежедневные записи его деяний, известные как «Царские дневники» (Ephemerides). Хотя его обязанности носили в основном гражданский характер, он не менее ярко проявил себя и как военачальник. Иногда получая высокие военные назначения, он удостоивался от Александра значительных наград и знаков уважения. Однако, несмотря на эти выдающиеся качества – или, возможно, именно из-за них – он стал объектом явной зависти и неприязни [165] со стороны македонцев – от друга Александра Гефестиона и его главного оруженосца Неоптолема до простых солдат фаланги. Неоптолем презирал Эвмена как «мирного писца». Надменное презрение, с которым македонцы теперь смотрели на греков, стало яркой чертой победоносной армии Александра, а также новым явлением в истории – ответом на древнеэллинские настроения, в которых ещё несколько лет назад пребывал Демосфен по отношению к македонцам. [166]

[стр. 75] Хотя Александру позволили высадиться в Азии без сопротивления, армия персидских сатрапов уже собралась в нескольких днях марша от Абидоса. После повторного завоевания Египта и Финикии около восьми-деяти лет назад персидским царём Охом, могущество империи восстановилось до уровня, сравнимого с любым периодом после отступления Ксеркса из Греции. Успехи персов в Египте были достигнуты в основном благодаря греческим наёмникам под командованием родосского полководца Ментора, который, пользуясь влиянием евнуха Багой, доверенного министра Оха, получил не только щедрые дары, но и назначение военачальником на Геллеспонте и малоазийском побережье. [167] Он добился возвращения своего брата Мемнона, который вместе со своим зятем Артабазом был вынужден покинуть Азию после неудачного восстания против персов и нашёл убежище у Филиппа. [168] Кроме того, он подчинил силой или хитростью различных греческих и малоазийских правителей на побережье, включая знаменитого Гермия, друга Аристотеля, владевшего укрепленным пунктом Атарней. [169] Эти успехи Ментора относятся примерно к 343 г. до н. э. Он и его брат Мемнон после него активно поддерживали власть персидского царя в районах близ Геллеспонта. Вероятно, именно они отправили войска через пролив как для спасения осажденного Филиппом Перинфа, так и для действий против этого царя в других частях [стр. 76] Фракии; [170] именно они арестовали малоазийского правителя, интриговавшего в пользу вторжения Филиппа в Азию, и отправили его пленником ко двору, а также направили туда же афинских послов, просивших помощи против Филиппа. [171]

Ох, хотя и успешный в восстановлении персидского господства, был кровавым тираном, уничтожившим свою семью и придворных. Около 338 г. до н. э. он умер, отравленный евнухом Багоем, который возвёл на престол Арса, одного из сыновей царя, убив остальных. Однако два года спустя Багой заподозрил Арса в нелояльности и также убил его вместе со всеми детьми, не оставив в живых ни одного прямого потомка царского рода. Затем он возвёл на престол своего друга Дария Кодомана (потомка одного из братьев Артаксеркса Мемнона), который прославился в недавней войне против кадусиев, убив в единоборстве грозного вражеского воина. Однако вскоре Багой попытался отравить и Дария, но тот, раскрыв замысел, заставил его самого выпить смертельный напиток. [172] Несмотря на эти убийства и смену династии, что Александр впоследствии ставил в вину Дарию, [173] власть последнего, по-видимому, была признана по всей Персидской империи без серьёзных сопротивлений.

Вступив на престол в начале 336 г. до н. э., когда Филипп готовил вторжение в Персию, а первый македонский отряд под командованием Пармениона и Атгала уже вёл войну в Азии, Дарий начал готовить оборону и пытался спровоцировать антимакедонские выступления в Греции. [174] После убийства Филиппа Павсанием персидский царь публично заявил (вероятно, ложно), что стоял за этим деянием, и презрительно отозвался о юном Александре. [175] Считая угрозу со стороны Македонии устранённой, он неосмотрительно ослабил усилия и прекратил финансирование в первые месяцы правления Александра, когда тот мог столк-

наться с серьёзными трудностями в Греции и Европе из-за активных действий персидского флота и денег. Однако недавние успехи Александра во Фракии, Иллирии и Беотии убедили Дария, что опасность никуда не исчезла, и он возобновил подготовку к обороне. Был отдан приказ снарядить финикийский флот; сатрапы Фригии и Лидии собрали значительные силы, включавшие греческих наёмников, а Мемнон на побережье получил средства для найма 5000 таких наёмников под своё командование. [176]

Точная хронология этих событий в течение девятнадцати месяцев между воцарением Александра и его высадкой в Азии (август 336 г. до н. э. – март/апрель 334 г. до н. э.) неизвестна. В целом мы знаем, что Мемнон действовал активно и даже наступательно на северо-восточном побережье Эгейского моря. Совершив марш на север из своих владений (район Асса или Атарнея у залива Адрамиттия [177]) через горный хребет Иды, он внезапно появился у города Кизика на Пропонтиде. Однако попытка захватить город врасплох не удалась, хотя и лишь чуть-чуть, и ему пришлось довольствоваться богатой добычей из окрестностей. [178] Македонские полководцы Парменион и Каллас переправились в Азию с войсками. Парменион, действуя в Эолиде, взял Гриний, но был вынужден Мемноном снять осаду Питан; а Каллас в Троаде был атакован, разбит и отступил в Ройтий. [179]

Таким образом, в сезон, предшествовавший высадке Александра, персы располагали значительными силами, а Мем [стр. 78] нон действовал активно и успешно даже против македонских полководцев в регионе к северо-востоку от Эгейского моря. Это отчасти объясняет роковую неосмотрительность персов, позволивших Александру беспрепятственно переправить свою армию в Азию весной 334 г. до н. э. Они располагали достаточными средствами для защиты Геллеспонта, если бы решили задействовать флот, который, включая силы финикийских городов, значительно превосходил любые морские силы Александра. Персидский флот действительно появился в Эгейском море несколькими неделями позже. Планы, приготовления и даже предполагаемое время выступления Александра должны были быть хорошо известны не только Мемнону, но и персидским сатрапам в Малой Азии, собравшим войска для противодействия. К несчастью, эти сатрапы считали себя способными противостоять ему в открытом бою, игнорируя мнение Мемнона и отвергая его разумные советы подозрительными и клеветническими обвинениями.

К моменту высадки Александра значительные персидские силы уже собрались у Зелей во Фригии Геллеспонтской под командованием сатрапа Арсита, поддержанного другими знатными персами – Спитридатом (сатрапом Лидии и Ионии), Фарнаком, Атизием, Митридатом, Ромифром, Нифатом, Петинном и другими. Сорок из них были высокого ранга (назывались «родственниками Дария») и славились личной храбростью. Большую часть армии составляла конница, включая мидян, бактрийцев, гирканцев, каппадокийцев, пафлагонцев и др. [180] В коннице они значительно превосходили Александра, но пехота их была малочисленнее, [181] хотя и включала множество греческих наёмников. Общую численность персов Арриан оценивает в 20 000 всадников и почти 20 000 наёмной пехоты; Диодор – в 10 000 всадников и 100 000 пехотинцев; Юстин – даже в 600 000. Цифры Арриана кажутся более правдоподобными; у Диодора число пехоты явно завышено, а конницы, вероятно, занижено.

Мемнон, присутствовавший со своими сыновьями и собственным [стр. 79] отрядом, горячо отговаривал персидских военачальников от риска сражения. Напомнив им, что македонцы не только превосходят численностью в пехоте, но и воодушевлены лидерством Александра, он настаивал на необходимости использовать многочисленную конницу для уничтожения фуража и припасов, а если потребуется – даже самих городов, чтобы сделать продвижение врага невозможным. Придерживаясь строгой обороны в Азии, он предлагал перенести войну в Македонию: задействовать флот, посадить на корабли значительные сухопутные силы и не только атаковать уязвимые точки Александра на его родине, но и поощрять враждебные действия против него со стороны греков и других соседей. [182]

Если бы этот план был энергично исполнен с помощью персидских войск и денег, можно не сомневаться, что Антипатр в Македонии вскоре столкнулся бы с серьёзными опасностями и затруднениями, а Александру пришлось бы вернуться для защиты своих владений, возможно, даже потеряв часть армии при переправе из-за персидского флота. Как минимум, его планы вторжения в Азию были бы сорваны. Однако он был избавлен от этой дилеммы невежеством, гордостью и корыстью персидских военачальников. [стр. 80] Неспособные оценить военное превосходство Александра, но уверенные в собственной храбрости, они отвергли предложение отступить как позорное, намекая, что Мемнон хочет затянуть войну, чтобы усилить своё влияние при дворе Дария. Это чувство воинской чести подкреплялось тем, что персидские командиры, получавшие доходы с земли, разорились бы, уничтожая урожай. Арсит, на чьей территории стояла армия и чьи владения пострадали бы первыми, высокомерно заявил, что не позволит сжечь ни одного дома. [183] Находясь в той же сатрапии, что и Фарнабаз шестьдесят лет назад, он понимал, что окажется в таком же положении, как тот при натиске Агесилая – «не сможет пообедать в собственной стране». [184] Предложение Мемнона было отвергнуто, и решено было встретить Александра на берегах реки Граник.

Этот незначительный поток, упомянутый в «Илиаде» и увековеченный своей связью с именем Александра, берет начало на одной из вершин горы Ида близ Скепсиса [185] и течет на север в Пропонтиду, впадая в нее несколько восточнее греческого города Пария. Он не отличается большой глубиной: вблизи места, где персы разбили лагерь, его можно было перейти вброд во многих местах; однако правый берег был довольно высоким и крутым, что создавало препятствие для атаки противника. Персы, продвигаясь вперед из Зелеи, заняли позицию у восточного берега Граника, где последние отроги горы Ида спускаются в равнину Адрастеи – греческого города, расположенного между Приапом и Парием. [186]

Тем временем Александр двигался к этой позиции из Арисбы (где он провел смотр своей армии) – в первый [с. 81] день до Перкоты, во второй до реки Практий, в третий до Гермота; по пути он принял добровольную капитуляцию города Приап. Зная, что враг находится недалеко, он выслал вперед разведчиков под командованием Аминты, состоявших из четырех эскадронов легкой кавалерии и одного эскадрона тяжелой македонской (гетайрской) кавалерии. Из Гермота (четвертый день от Арисбы) он двинулся прямо к Гранику, соблюдая строгий порядок: основная фаланга шла в двойной колонне, кавалерия – на каждом фланге, а обоз – в тылу. Подойдя к реке, он сразу же начал готовиться к атаке, хотя Парменион советовал подождать до следующего утра. Хорошо понимая, как и Мемнон на другой стороне, что в открытом бою у персов нет шансов, он решил не дать им возможности отступить ночью.

В построении Александра фаланга (тяжелая пехота) составляла центр. Шесть таксисов (дивизий), из которых она состояла, возглавляли (справа налево): Пердикка, Кен, Аминта (сын Андромена), Филипп, Мелеагр и Кратер. [187] Справа от фаланги располагались гипасписты (легкая пехота) под командованием Никанора (сына Пармениона), затем легкая кавалерия (дротикометатели), пеонийцы и апполонийский эскадрон гетайров под командованием иларха Сократа – все под общим руководством Аминты (сына Аррибея). Наконец, основные силы гетайрской кавалерии, лучники и агрианские метатели дротиков находились под командованием Филоты (сына Пармениона), чей отряд составлял крайний правый фланг. [188] Левый фланг фаланги [с. 82] аналогично прикрывали три отдельных отряда кавалерии и легких войск: сначала фракийцы под командованием Агафона, затем союзная кавалерия под началом Филиппа (сына Менелая) и, наконец, фессалийская кавалерия под командованием Калласа, чей отряд образовывал крайний левый фланг. Сам Александр принял командование правым крылом, а левое поручил Пармениону; под «правым» и «левым» подразумеваются две половины армии, каждая из которых включала три таксиса фаланги и прикрывающую их кавалерию – отдельного центрального командования не было.

На другом берегу Граника персидская кавалерия выстроилась вдоль берега. Мидийцы и бактрийцы находились на правом фланге под командованием Реомифра, пафлагонцы и гирканцы – в центре под началом Арсита и Спифридата, на левом фланге стояли Мемнон и Арсамеен со своими отрядами. [189] Персидская пехота, как азиатская, так и греческая, была оставлена в резерве; только кавалерия должна была преградить переправу через реку.

В таком построении обе стороны некоторое время оставались на месте, наблюдая друг за другом в напряженном молчании. [190] Поскольку, в отличие от современных армий, не было ни стрельбы, ни дыма, все детали построения противника были хорошо видны, и персы легко узнали самого Александра на македонском правом фланге – по блеску его доспехов, воинскому облачению и почтительному поведению окружающих. Их главные командиры устремились к своему левому флангу, усилив его основной массой кавалерии, чтобы лично противостоять ему.

Вскоре Александр обратился к войскам с кратким словом ободрения и отдал приказ наступать. Первую атаку он поручил эскадрону гетайров, чья очередь была вести войска в этот день (аполлонийский эскадрон, которым командовал Сократ, но в этот день возглавляемый Птолемеем, сыном Филиппа), поддержанному легкой кавалерией (дротикометателями), пеонийскими метателями (пехотой) и одним отрядом [с. 83] регулярной пехоты, по-видимому, гипаспистов. [191] Затем он сам вошел в реку во главе правой половины армии – кавалерии и пехоты, – которые продвигались под звуки труб и боевые кличи. Поскольку глубина воды в некоторых местах не позволяла идти прямой линией, македонцы корректировали направление, выбирая броды, и сохраняли растянутый фронт, чтобы по возможности выйти на противоположный берег единой линией, а не отдельными колоннами с открытыми флангами для персидской кавалерии. [192] Не только правое крыло под командованием Александра, но и левое под началом Пармениона переходило реку в том же порядке и с теми же предосторожностями.

Передовой отряд под командованием Птолемея и Аминты, достигнув противоположного берега, столкнулся с ожесточенным сопротивлением, сосредоточенным в этом месте. Перед ними оказались Мемнон и его сыновья с лучшими частями персидской кавалерии: одни стояли на вершине берега, откуда метали дротики, другие – у самой воды, чтобы вступить в ближний бой. Македонцы пытались всеми силами закрепиться на берегу и прорваться сквозь персидскую конницу, но безуспешно. Находясь на более низкой позиции и имея ненадежную опору, они не могли добиться успеха, понесли потери и отступили к основным силам, которые Александр уже вел через реку.

Когда он приблизился к берегу, бой вокруг его персоны разгорелся с новой силой. Александр был в первых рядах, и все вокруг воодушевлялись его примером. Конники с обеих сторон сомкнулись в тесной схватке, где исход решала физическая сила и напор людей и лошадей; но македонцы имели большое преимущество, будучи привычны к использованию длинных сарисс, тогда как персы применяли метательные дротики. В конце концов сопротивление было сломлено, и Александр с окружающими его воинами, постепенно оттеснив защитников, выбрался на высокий берег.

На других участках сопротивление было не столь упорным. Левое крыло и центр македонцев, переправлявшиеся одновременно по всему фронту, где это было возможно, одолели персов на склоне и с относительной легкостью вышли на ровную местность. [193] Фактически никакая кавалерия не могла удержаться на берегу против фаланги с ее длинными копьями, если та сохраняла сплошной строй. Успешная переправа македонцев на других участках вынудила персов, сражавшихся с самим Александром на склоне, отступить на равнину.

И здесь, как у воды, Александр был впереди в рукопашной схватке. Его копье сломалось, и он обратился к стоявшему рядом воину – Аретису, одному из конных телохранителей, обычно помогавшему ему садиться на коня, – с просьбой дать другое. Но у того тоже было сло-

мано копье, и он показал Александру обломок, предложив спросить у кого-нибудь еще; тогда коринфянин Демарат, один из находившихся рядом гетайров, передал ему свое оружие.

Вооружившись вновь, Александр устремился на Митридата (зятя [с. 85] Дария), который вел отряд кавалерии в атаку, но сам значительно опередил его. Александр вонзил копье в лицо Митридата и сразил его наповал; затем он повернулся к другому персидскому вождю, Ресаксу, который ударил его мечом по голове, сбил часть шлема, но не пробил его. Александр отомстил, пронзив Ресакса копьем. [194]

Тем временем третий персидский военачальник, Спифридат, оказался прямо за спиной Александра с занесенным мечом. В этот критический момент Клит, сын Дропида – один из ветеранов Филиппа, занимавший высокий пост в македонской армии, – со всей силы ударил по поднятой руке Спифридата и отсек ее, спасая жизнь Александру. Другие знатные персы, родственники Спифридата, яростно бросились на Александра, который получил несколько ударов по доспехам и оказался в серьезной опасности. Но его соратники удвоили усилия, чтобы защитить его и поддержать его отчаянную храбрость.

Именно на этом участке персидская кавалерия была прорвана первой. На левом фланге македонцев фессалийская кавалерия также сражалась храбро и успешно; [195] легкая пехота, смешавшаяся с конницей Александра, нанесла врагу значительный урон. Как только началось бегство персидской кавалерии, оно быстро стало всеобщим. Они обратились в беспорядочное бегство, преследуемые македонцами.

Но Александр и его командиры вскоре остановили погоню, отозвав кавалерию для завершения победы. Персидская пехота, как азиаты, так и греки, оставалась на месте без движения и приказов, наблюдая за кавалерийским боем, который только что закончился для них катастрофой. Александр немедленно обратил внимание на них. [196] Он повел фалангу и гипаспистов в атаку с фронта, в то время как его кавалерия обрушилась на незащищенные фланги и тыл; сам он атаковал с конницей, и под ним убили лошадь.

Одних только его пехотинцев было больше, чем персидских наемников, так что при таком неравенстве исход не вызывал сомнений. Большая часть этих наемников, несмотря на доблестное сопротивление, была изрублена на поле боя. Сообщается, что никто не спасся, кроме 2000 пленных и нескольких человек, спрятавшихся среди трупов. [197]

В этом сокрушительном поражении потери персидской кавалерии в численном выражении были не столь велики – погибло всего 1000 всадников. Но гибель знатных персов, проявивших крайнюю храбрость в схватке с Александром, была ужасающей. Погибли не только упомянутые Митридат, Ресакс и Спифридат, но также Фарнак (шурина Дария), Митробарзан (сатрап Каппадокии), Атизий, Нифат, Петин и другие знатные персы. Арсит, сатрап Фригии, чье безрассудство привело к отвержению совета Мемнона, бежал с поля боя, но вскоре покончил с собой от стыда и отчаяния. [198]

Персидская (или персо-греческая) пехота, хотя, вероятно, большее число ее бойцов спаслось, чем подразумевает Арриан, как боевая сила была уничтожена безвозвратно. В Малой Азии не осталось войск, способных оказать сопротивление.

Потери Александра, как сообщается, были очень малы. Двадцать пять гетайров из отряда Птолемея и Аминты погибли при первой неудачной попытке переправиться через реку. Из остальной кавалерии погибло шестьдесят человек, из пехоты – тридцать. Это общие потери Александра. [199] Указано только число убитых; количество раненых не сообщается, но если предположить, что их было в десять раз больше, общие потери составят 1265 человек. [200]

Если эти цифры верны, сопротивление персидской кавалерии, за исключением участка, где сражался сам Александр, не могло быть серьезным или продолжительным. Но если учесть еще и бой с пехотой, малая величина общих македонских потерь кажется еще более удивительной. Общая численность персидской пехоты оценивается почти в 20 000, большей частью

греческих наемников. Из них только 2000 были взяты в плен; почти все остальные (по Арриану) были перебиты.

Однако греческие наемники были хорошо вооружены и вряд ли позволили бы себя уничтожить безнаказанно; более того, Плутарх прямо утверждает, что они отчаянно сопротивлялись и что основные потери македонцы понесли в бою с ними. Поэтому трудно согласовать эти данные с сообщением Арриана. [201]

После победы Александр проявил большую заботу о раненых, которых лично навещал и утешал. В честь двадцати пяти погибших гетайров он приказал воздвигнуть бронзовые статуи работы Лисиппа в Дионе (Македония), где они еще стояли во времена Арриана. Оставшимся в живых родственникам всех погибших он даровал освобождение от налогов и повинностей.

Тела павших были погребены с почестями, включая врагов. Две тысячи греков, служивших персам и попавших в плен, были закованы в цепи и отправлены в Македонию на рабские работы. Александр оправдал это тем, что они сражались на стороне варваров против Греции, нарушив общее решение Коринфского союза.

Одновременно он отправил в Афины триста комплектов доспехов, отобранных из добычи, для посвящения Афине на акрополе с надписью: «Александр, сын Филиппа, и эллины (кроме лакедемонян) приносят эти дары от варваров, обитающих в Азии». [202]

Хотя решение, на которое ссылался Александр, не отражало реальных устремлений Греции и было лишь вынужденной уступкой, он находил удовлетворение в том, чтобы прикрыть свои завоевания идеей общеэллинской миссии. Это также укрепляло его позиции среди греков, которые, как офицеры или солдаты, были единственными, кто мог поддержать Персидскую империю против него.

Его завоевания означали конец подлинного эллинизма, хотя и распространили его внешние формы, особенно греческий язык, на значительную часть Востока. Истинные интересы Греции были скорее на стороне Дария, чем Александра.

Битва при Гранике, начатая Арситом и другими сатрапами вопреки совету Мемнона, была к тому же проведена ими так неумело, что доблесть их пехоты – самого мощного отряда греческих наемников на персидской службе – оказалась бесполезной. Фактически сражалась только персидская кавалерия; [203] пехота была оставлена на окружение и уничтожение.

Ни одна победа не могла быть более решительной или внушающей ужас, чем победа Александра. На поле боя не осталось сил, способных противостоять ему. Впечатление от столь масштабной катастрофы усиливалось двумя обстоятельствами: во-первых, гибелью множества персидских вельмож, что почти воплотило стенания Атоссы, Ксеркса и хора в «Персах» Эсхила [204] после битвы при Саламине; во-вторых, рыцарской и успешной доблестью самого Александра, который, подражая гомеровскому Ахиллесу, не только первым бросился в схватку, но [стр. 89] собственноручно убил двух знатных персов. Подобные подвиги, впечатляющие даже сегодня, в момент свершения должны были оказывать мощнейшее воздействие на воображение современников.

Некоторые из соседних мисийских горцев, хоть и мятежные подданные Персии, спустились, чтобы покориться ему, и им разрешили остаться на своих землях при условии выплаты прежней дани. Жители соседнего греческого города Зелеи, чьи войска сражались на стороне персов, сдались и получили прощение; Александр принял их довод, что они служили лишь по принуждению. Затем он отправил Пармениона штурмовать Даскилий – укрепленную цитадель и резиденцию сатрапа Фригии. Даже этот оплот был оставлен гарнизоном и сдан, несомненно, вместе с немалыми сокровищами. Вся сатрапия Фригии перешла под власть Александра, и для управления ею был назначен Каллас, обязанный собирать ту же дань, что и прежде. [205] Сам Александр двинулся с основными силами на юг, к Сардам – главному городу Лидии и ключевой персидской крепости в Малой Азии. Цитадель Сард, расположенная на высокой крутой скале у подножия горы Тмол, защищенная тройной стеной и сильным гарнизоном, считалась непри-

ступной и вряд ли могла быть взята иначе как после долгой осады, [206] что дало бы время для подхода флота и действий Мемнона. Однако ужас, внушаемый македонским завоевателем, был столь велик, что, когда он оказался в восьми милях от Сард, ему навстречу вышли не только представители знати, но и персидский комендант цитадели Митрин. Город, крепость, гарнизон и казна были сданы без боя. К счастью для Александра, в Азии не нашлось персидских правителей, столь же храбрых и преданных, как Маскам [стр. 90] и Богес после отступления Ксеркса из Греции. [207] Александр обошёлся с Митрином милостиво, даровал сардийцам и прочим лидийцам свободу и право жить по своим законам. Предательство Митрина стало для Александра огромной удачей. Поднявшись в цитадель, он поразился её мощи, поздравил себя с лёгкой победой и приказал возвести там храм Олимпийского Зевса на месте бывшего дворца лидийских царей. Павсаний был назначен комендантом цитадели с пелопоннесским гарнизоном из Аргоса; Асандр – сатрапом Лидии; Никий – сборщиком дани. [208] Дарованная лидийцам свобода, какой бы она ни была, не освободила их от уплаты обычной дани.

Из Сард Александр отправил Калласа, нового сатрапа Геллеспонтской Фригии, и Александра, сына Эропа (заменившего Калласа на посту командира фессалийской конницы), штурмовать Атарней и владения Мемнона на азиатском побережье напротив Лесбоса. Сам же он двинулся к Эфесу, достигнув его на четвёртый день. И в Эфесе, и в Милете – ключевых персидских крепостях на побережье, как Сарды во внутренних районах – внезапная катастрофа при Гранике посеяла неопишущий ужас. Гегесистрат, командир персидского гарнизона (из греческих наёмников) в Милете, отправил Александру письмо с предложением сдать город при его приближении; а гарнизон Эфеса вместе с македонским изгнанником Аминтой погрузился на две триремы в гавани и бежал. Видимо, в городе недавно произошёл переворот: Сирфак и другие олигархи изгнали политических противников, разграбили храм Артемиды, свергли статую Филиппа Македонского и разрушили гробницу освободителя Геропифа на агоре. [209] Некоторые из этой партии, оставленные [стр. 91] гарнизоном, ещё пытались призвать Мемнона, но тот был далеко. Александр вошёл в город без сопротивления, вернул изгнанников, установил демократическое правление и постановил, что дань, прежде уплачиваемая персам, теперь будет идти храму Артемиды Эфесской. Сирфак и его семья укрылись в храме, но были вытащены народом и забиты камнями. Расправа продолжилась бы, если бы Александр не остановил толпу, проявив благородную умеренность. [210]

Овладев Эфесом, Александр соединился со своим флотом под командованием Никанора и получил предложения о капитуляции от двух соседних городов – Магнесии и Тралл. Для их занятия он отправил Пармениона с 5000 пехотинцев (половина – македонцы) и 200 всадников-гетайров; одновременно Антимаха с таким же отрядом послал на север освобождать города эолийских и ионийских греков. Тому было приказано свергать олигархические режимы, служившие персидскому господству с помощью наёмных гарнизонов, передавать власть гражданам и отменять дань. Сам Александр, приняв участие в торжественной процессии к храму Артемиды Эфесской с войском в полном вооружении, двинулся на юг к Милету; флот Никанора шёл туда же морем. [211] Он ожидал, что Милет сдастся так же легко, как Эфес. Но его надежды не оправдались: Гегесистрат, командовавший гарнизоном, хотя и предлагал сдаться сразу после Граника, теперь передумал и решил обороняться. К городу приближался мощный персидский флот [212] [стр. 92] – 400 финикийских и кипрских боевых кораблей с опытными экипажами.

Этот флот, который ещё несколько недель назад мог бы помешать Александру переправиться в Азию, теперь оставался последней надеждой остановить его стремительные завоевания. Какие меры приняли персидские военачальники после поражения при Гранике – неизвестно. Многие бежали с Мемноном в Милет; [213] и теперь, в отчаянном положении, они, вероятно, согласились подчиниться ему как единственной надежде на спасение, хотя в день битвы пренебрегли его советом. Сопrotивлялись ли города в княжестве Мемнона (Атарнее)

македонцам – неясно. Однако его интересы были настолько связаны с персидскими, что он отправил жену и детей в качестве заложников, чтобы Дарий доверил ему верховное командование. Вскоре такой приказ был получен; [214] но при первом появлении флота Мемнон, хотя, вероятно, был на борту, ещё не командовал им.

Флот опоздал помочь в обороне Милета. За три дня до его прибытия македонский адмирал Никанор с 160 кораблями занял остров Ладе, контролировавший гавань. Александр без боя взял внешнюю часть города и готовился штурмовать внутреннюю, переправив 4000 солдат на Ладе, когда показался персидский флот, вынужденный встать у мыса Микале. Парменион советовал дать морское сражение, предлагая лично участвовать, но Александр отказался, указав на неопытность македонских моряков и риск восстания в Греции в случае поражения. Кроме того, их мнения разошлись в толковании знамения: Парменион видел орла у кормы корабля, предвещавшего победу на море, но Александр заявил, что орёл на земле сулит победу на суше, а флот будет побеждён действиями с берега. [215] Этот спор между опытными полководцами весьма показателен, демонстрируя как религиозность эпохи, так и гибкость толкований, служащих противоположным выводам. В древнем мире умение истолковать знамения было крайне важным.

Александр начал штурм, отвергнув предложение милетца Главкиппа о нейтралитете. Флот Никанора заблокировал гавань, а македонцы проломили стены и ворвались в город. Защитники бились отчаянно, но многие погибли, а уцелевшие пытались спастись вплавь. 300 греческих наёмников укрепились на скале у входа в гавань, и Александр, оценив их решимость, принял их в свои войска. [216] Милет получил свободу, а остальные пленники были проданы в рабство.

Персидский флот с мыса Микале, не сумев помочь Милету, отошёл к Галикарнасу. Александр же распустил свой флот, слишком дорогой и слабый для открытого боя, решив действовать на суше, лишая персов опорных пунктов. [217] К этому времени северное побережье Малой Азии уже подчинилось ему, и он двинулся на юг, в Карию.

В Карии его встретила Ада, изгнанная своим братом Пиксодаром, которая отдала ему город Алинду и усыновила его. Пиксодар же, связанный с персами через зятя Оронтобата, готовил Галикарнас к обороне. [218] Этот город, усиленный Мемноном, с глубоким рвом [219] и мощными укреплениями, [220] стал серьёзным испытанием. Там находились персидский флот, наёмники под командованием афинянина Эфиальта и две цитадели. Осада Галикарнаса стала самой трудной операцией Александра.

Его первые попытки, направленные против ворот на севере или северо-востоке города, которые вели в сторону Миласы, были прерваны частыми вылазками и обстрелами с метательных орудий на стенах. После нескольких дней, потраченных без особого успеха, он перешел с большей частью своей армии на западную сторону города, к удаленной части выступающего мыса, на котором располагались Галикарнас и Миунд (последний дальше к западу). Демонстрируя активность на этом участке Галикарнаса, он одновременно предпринял ночную атаку на Миун [стр. 96] д, но был вынужден отступить после нескольких часов бесплодных усилий. Затем он сосредоточился на осаде Галикарнаса. Его солдаты, защищенные от снарядов передвижными навесами (называемыми «Черепашками»), постепенно засыпали широкий и глубокий ров вокруг города, чтобы открыть ровную дорогу для его осадных орудий (деревянных башен) к самым стенам. Когда орудия были подведены вплотную, работа по разрушению успешно продвигалась; несмотря на яростные вылазки гарнизона, македонцы отражали их, хотя и не без потерь и трудностей. Вскоре удары таранов опрокинули две башни городской стены вместе с двумя промежуточными участками стены; третья башня начала рушиться. Осажденные занялись возведением внутренней кирпичной стены, чтобы прикрыть образовавшийся пролом, и деревянной башни высотой в 150 футов для метания снарядов. [221]

Похоже, Александр ждал полного разрушения третьей башни, прежде чем считать брешь достаточно широкой для штурма; но атака началась преждевременно из-за двух отчаянных солдат из отряда Пердикки. [222] Эти люди, опьяненные вином, в одиночку бросились штурмовать Миласские ворота и перебили первых защитников, вышедших им навстречу, пока, наконец, с обеих сторон не подошли подкрепления, и завязался общий бой на небольшом расстоянии от стены. В конце концов македонцы одержали победу и оттеснили осажденных обратно в город. Возникшая неразбериха была такова, что город можно было бы взять штурмом, если бы к этому заранее подготовились. Третья башня вскоре рухнула; однако, прежде чем это произошло, осажденные уже завершили строительство внутреннего полумесяца, против которого на следующий день Александр направил свои орудия. Однако на этой передовой позиции, находясь, по сути, внутри круга городской стены, македонцы подвергались обстрелу не только с фронта, но и с еще уцелевших башен по бокам. Более того, ночью была предпринята новая вылазка [стр. 97] с такой яростью, что часть плетеных покрытий осадных орудий и даже основная деревянная конструкция одного из них были сожжены. Лишь с большим трудом офицеры караула Филота и Гелланик смогли спасти остальное; и только когда сам Александр появился с подкреплениями, осажденные были окончательно отброшены. [223]

Хотя его войска одержали победу в этих последовательных стычках, он не мог забрать своих павших, лежавших у самых стен, не попросив перемирия для их погребения. Такая просьба обычно считалась признанием поражения; тем не менее Александр запросил перемирие, которое было предоставлено Мемноном, несмотря на возражения Эфиальта. [224]

После нескольких дней перерыва, необходимого для погребения павших и починки орудий, Александр возобновил атаку на полумесяц под своим личным руководством. Среди защитников крепости росло убеждение, что она долго не продержится. Особенно Эфиальт, решивший не пережить падения города и видя, что единственный шанс спасения заключается в уничтожении осадных орудий, получил от Мемнона разрешение возглавить последнюю отчаянную вылазку. [225] Он сразу же взял с собой 2000 отборных воинов: половину для боя с врагом, половину с факелами, чтобы поджечь орудия. На рассвете все ворота внезапно и одновременно распахнулись [стр. 98], и отряды вылазки устремились из каждого против осаждающих, поддерживаемые частым обстрелом метательных орудий изнутри. Эфиальт со своим отрядом, двигаясь прямо к македонцам, охранявшим главный пункт атаки, яростно напал на них, в то время как факельщики пытались поджечь орудия. Сам он, выделявшийся не только доблестью, но и физической силой, шел в первых рядах и был так хорошо поддержан мужеством и стройностью своих солдат, наступавших глубокой колонной, что некоторое время имел преимущество. Несколько орудий были успешно подожжены, а передовой отряд македонских войск, состоявший из молодых солдат, дрогнул и побежал. Их удалось собрать отчасти усилиями Александра, но в основном благодаря ветеранам македонской армии, участникам всех кампаний Филиппа, которые, будучи освобождены от ночных караулов, располагались в тылу. Эти ветераны, среди которых особенно выделялся некий Атаррий, упрекая своих товарищей в трусости, [226] построились в привычную фалангу и таким образом не только выдержали, но и отбросили атаку победоносного врага. Эфиальт, сражавшийся в первых рядах, пал, остальные были отброшены к городу, а горящие орудия удалось спасти, хотя и с некоторыми повреждениями.

В это же время упорный бой разгорелся у ворот, называемых Трипилон, где осажденные предприняли еще одну вылазку по узкому мосту, перекинутому через ров. Здесь македонцами командовал Птолемей (не сын Лага), один из телохранителей царя. Он и еще два-три видных офицера погибли в ожесточенной схватке, но в конце концов вылазка была отбита, и нападавшие отступили в город. [227] Потери осажденных при отступлении под натиском македонцев были тяжелыми.

Этой последней неудачной попыткой оборонительные силы Галикарна [стр. 99] са были сломлены. Мемнон и Оронтобат, убедившись, что дальнейшая оборона города невозможна, воспользовались ночью, чтобы поджечь свои деревянные метательные орудия и башни, а также склады оружия и дома у внешней стены, после чего вывели войска, припасы и жителей частично в цитадель под названием Салмакис, частично на соседний островок Арконнес, частично на остров Кос. [228] Хотя город был таким образом эвакуирован, они все же оставили хорошо снабженные гарнизоны в двух его цитаделях. Пожар, раздуваемый сильным ветром, быстро распространился. Его удалось потушить только по приказу Александра, когда он вступил в город и приказал казнить всех, кого застали с факелами. Он распорядился пощадить галикарнасцев, найденных в домах, но сам город велел разрушить. Всю Карию он отдал Аде в качестве княжества, разумеется, под условием выплаты дани. Поскольку цитадели, все еще удерживаемые врагом, были достаточно сильны и требовали длительной осады, он не считал нужным лично оставаться для их взятия, но, окружив их стеной блокады, оставил Птолемея с 3000 воинов для охраны. [229]

Закончив осаду Галикарнаса, Александр отправил свои осадные орудия обратно в Траллы, приказав Пармениону с большей частью кавалерии, союзной пехотой и обозами следовать в Сарды.

Последующие зимние месяцы он посвятил завоеванию Ликии, Памфилии и Писидии. Все это южное побережье Малой Азии гористо; хребет Тавра подходит почти к самому морю, оставляя мало или совсем не оставляя равнины. Несмотря на мощные укрепления, такой ужас наводило оружие Александра, что все ликийские города – Гипарна, Телмисс, Пинара, Ксанф, Патара и тридцать других – сдались ему без боя. [230] Лишь один из них, называемый Мармарейс, сопротивлялся до последнего. [231] Достигнув области под названием Милиада, фригийской границы Ликии, Александр [стр. 100] принял капитуляцию греческого приморского города Фаселиды. Он помог фаселитам разрушить горный форт, построенный и занятый соседними писидийскими горцами против них, и публично воздал почести гробнице их умершего земляка, ритора Теодекта. [232]

После этой короткой остановки в Фаселидах Александр направился в Пергу в Памфилии. Обычная горная дорога, по которой он отправил большую часть своей армии, была настолько трудной, что потребовала выравнивания фракийскими легкими войсками, посланными вперед для этой цели. Но сам царь с отборным отрядом выбрал еще более трудный путь у подножия гор, вдоль берега моря, называемый Климакс. Когда ветер дул с юга, этот путь покрывался такой глубиной воды, что становился непроходимым; некоторое время перед тем, как он достиг этого места, ветер дул сильно с юга – но, когда он приблизился, особое провидение богов (как он и его друзья считали) принесло перемену на север, так что море отступило и оставило проход, хотя солдаты шли по пояс в воде. [233] Из Перги он двинулся дальше в Сиду, получив по пути послов из Аспенда, которые предложили сдать их город, но просили не вводить гарнизон; им позволили откупиться, пообещав пятьдесят талантов деньгами, а также лошадей, которых они выращивали в качестве дани персидскому царю. Оставив гарнизон в Сиде, он двинулся дальше к укрепленному месту под названием Силлий, защищаемому храбрыми местными жителями с отрядом наемников. Эти люди держались стойко и даже отразили первую атаку; Александр не мог задержаться для повторного штурма, так как получил известие, что аспендийцы отказались выполнять наложенные условия и привели свой город в оборонительное состояние. Быстро вернувшись, он принудил их к покорности, а затем отступил обратно в Пергу; оттуда он направил свой путь в Великую Фригию, [234] через труднодоступные горы и почти непокорное население Писидии.

[стр. 101] После пребывания в Писидийских горах, достаточного для взятия нескольких городов или укрепленных пунктов, Александр двинулся на север во Фригию, пройдя мимо соленого озера Асканий к крутой и неприступной крепости Келены, где стоял гарнизон из 1000

карийцев и 100 греческих наемников. Эти люди, не имея надежды на помощь от персов, предложили сдать крепость, если помощь не придет в течение шестидесяти дней. [235] Александр принял предложение, пробыл десять дней в Келенах и оставил там Антигона (впоследствии одного из самых могущественных его преемников) сатрапом Фригии с 1500 воинов. Затем он двинулся на север к Гордию на реке Сангарий, где должен был встретиться с Парменионом и где завершилась его зимняя кампания. [236]

Приложение. О ДЛИНЕ МАКЕДОНСКОЙ САРИССЫ ИЛИ ПИКИ.

Приведенные здесь данные о длине сариссы, которую носил фалангит, взяты у Полибия, чье описание во всех отношениях ясно и последовательно. «Сарисса (говорит он) имеет шестнадцать локтей в длину согласно первоначальной теории; и четырнадцать локтей, как адаптированная к реальной практике» – τὸ δὲ τῶν σαρισσῶν μέγεθος ἐστὶ, κατὰ μὲν τὴν ἐξ ἀρχῆς ὑπόθεσιν, ἑκκαίδεκα πηχῶν, κατὰ δὲ τὴν ἀρμογὴν τὴν πρὸς τὴν ἀλήθειαν, δεκατεσσάρων. Τούτων δὲ τοὺς τέσσαρας ἀφαιρεῖ τὸ μεταξὺ ταῖν χερσῶν διάστημα, καὶ τὸ κατόπιν σήκωμα τῆς προβολῆς (xviii. 12).

Различие, указанное здесь Полибием между теоретической и практической длиной, вероятно, можно понять так, что фалангиты на тренировках использовали пики большей длины, а в бою – меньшей: подобно тому, как римские солдаты на учениях применяли оружие тяжелее, чем в сражениях.

[стр. 102] Из более поздних тактических писателей Лев (Tact. vi. 39) и Константин Багрянородный повторяют двойное измерение сариссы, данное Полибием. Арриан (Tact. c. 12) и Полиэн (ii. 29, 2) указывают ее длину в шестнадцать локтей – Элиан (Tact. c. 14) дает четырнадцать локтей. Все эти авторы следуют либо Полибию, либо какому-то другому источнику, согласующемуся с ним. Никто из них не противоречит ему, хотя никто не излагает дело так ясно, как он.

Господа Рюстов и Кёхли (Gesch. des Griech. Kriegswesens, p. 238), авторы лучшего из известных мне трудов по древним военным вопросам, отвергают авторитет Полибия в данном виде. Они утверждают, что текст должен быть искажен, и что Полибий на самом деле имел в виду, что сарисса была шестнадцать футов в длину – а не шестнадцать локтей. Я не могу согласиться с их мнением и не считаю их критику Полибия справедливой.

Во-первых, они рассуждают так, будто Полибий сказал, что сарисса в реальном бою была шестнадцать локтей в длину. Рассчитав вес такого оружия исходя из необходимой толщины древка, они заявляют, что оно было бы неуправляемым. Но Полибий дает реальную длину всего в четырнадцать локтей: очень существенная разница. Если принять гипотезу этих авторов – что искажение текста заставило нас читать «локти» там, где должно было быть «футы» – то получится, что длина сариссы по Полибию составляла четырнадцать футов, а не шестнадцать. Но такая длина недостаточна, чтобы оправдать многочисленные упоминания о ее огромной длине.

Далее, они приписывают Полибию противоречие, говоря, что римский солдат занимал пространство в три фута, равное пространству македонского солдата – и в то же время в бою против него было два македонских солдата и десять пик (xviii. 13). Но здесь нет никакого противоречия: Полибий прямо говорит, что римлянин, хотя и занимал три фута, когда легион стоял в строю, в бою требовал расширения рядов и увеличенного интервала до трех футов позади и по бокам (χάλασμα καὶ διάστασιν ἀλλήλων ἔχειν δεήσει τοὺς ἄνδρας ἐλάχιστον τρεῖς πόδας κατ' ἐπιστάτην καὶ παραστάτην), чтобы обеспечить свободу действий для меча и щита. Поэтому совершенно верно, что каждый римский солдат, идущий в атаку на фалангу, занимал столько же места, сколько два фалангита, и имел дело с десятью пиками.

Кроме того, невозможно предположить, что Полибий, говоря о локтях, на самом деле имел в виду футы; потому что (гл. 12) он говорит о трех футах как интервале между рядами в шеренге, и эти три фута явно равны двум локтям. Его расчеты не сойдутся, если вместо локтей подставить футы.

Таким образом, мы должны принять утверждение Полибия как есть: что пика фалангита была четырнадцать локтей или двадцать один фут в длину. У Полибия были все возможности быть хорошо осведомленным в этом вопросе. Ему было за тридцать во время последней войны римлян против македонского царя Персея, в которой он сам участвовал. Он был близко знаком со Сципионом, сыном Павла Эмилия, победившего при Пидне. Наконец, он уделял большое внимание тактике и даже написал отдельный труд на эту тему.

Можно было бы предположить, что утверждение Полибия, хотя и верное для его времени, не соответствовало эпохе Филиппа и Александра. Но нет ничего, что поддерживало бы такое подозрение – которое, более того, прямо отвергается Рюстовом и Кёхли.

Без сомнения, двадцать один фут – это огромная длина, неуправляемая без должной подготовки и неудобная для любых маневров. Но именно так всегда описывают пику фалангита. Так, Ливий (XXXI, 39) пишет: «*Erant pleraque silvestria circa, incommoda phalangi maximè Macedonum: quæ, nisi ubi prælongis hastis velut vallum ante clypeos objecit (quod ut fiat, libero campo opus est) nullius admodum usus est*» («Большая часть местности вокруг была лесистой, что крайне неудобно для македонской фаланги, которая бесполезна, если не может выставить перед щитами частокол из чрезвычайно длинных копий, а для этого нужна открытая равнина»). Сравните также Ливий (XLIV, 40, 41), где среди прочих указаний на огромную длину пики говорится: «*Si carptim aggrediendo, circumagere immobilem longitudine et gravitate hastam cogas, confusâ strue implicatur*» («Если же атаковать по частям, заставляя врага поворачивать неподвижное из-за длины и тяжести копье, то оно запутается в общей свалке»), а также (XXXIII, 8, 9).

Ксенофонт сообщает, что десять тысяч греков во время отступления вынуждены были пробиваться через земли халибов, вооруженных пиками длиной в пятнадцать локтей и короткими мечами; он не упоминает щитов, но они носили поножи и шлемы (Анабасис, IV, 7, 15). Это даже больше, чем длина македонской пики по Полибию. Мосинойки защищали свою цитадель «копьями настолько длинными и толстыми, что человек едва мог их нести» (Анабасис, V, 4, 25). В Илиаде, когда троянцы теснят греков к кораблям и пытаются их поджечь, Аякс описывается стоящим на корме и отгоняющим нападающих копьем для морского боя длиной в двадцать два локтя [22] или тридцать три фута [33] (ξυστὸν ναύμαχον ἐν παλάμῃσιν – δυοκαίεκοσίτηχι, Илиада, XV, 678). Копье Гектора имеет длину в десять или одиннадцать локтей и предназначено для метания (Илиада, VI, 319; VIII, 494) – до сих пор неясно, следует ли читать ἑυχος ἔχ' ἐνδεκάτηχι или ἑυχος ἔχεν δεκάτηχι.

Швейцарская пехота и немецкие ландскнехты XVI века во многом воспроизводили македонскую фалангу: сомкнутый строй, глубокие шеренги, длинные пики, причем первые три или четыре ряда состояли из самых сильных и храбрых воинов – либо офицеров, либо отборных солдат, получавших двойное жалование. Длина и непреодолимая стена их пик позволяла им отражать атаки тяжелой кавалерии или латников. Их невозможно было остановить в лобовой атаке, если только противник не находил способа прорваться сквозь строй копий, что иногда, хотя и редко, удавалось. Их главная уверенность заключалась в длине пики – Макиавелли пишет о них (Ritratti dell' Alamagna, Opere t. IV, p. 159; и Dell' Arte della Guerra, p. 232–236), [p. 104]: «*Dicono tenere tale ordine, che non é possibile entrare tra loro, né accostarseli, quanto é la picca lunga. Sono ottime genti in campagna, à far giornata: ma per espugnare terra non vagliono, e poco nel difenderlo: ed universalmente, dove non possano tenere l' ordine loro della milizia, non vagliono*» («Они утверждают, что их строй настолько плотен, что невозможно ни прорваться внутрь, ни приблизиться к ним из-за длины пик. Они превосходны в полевых сражениях, но

не годятся для штурма городов и мало полезны при их обороне; и вообще, везде, где они не могут сохранить свой боевой порядок, они бесполезны»).

Глава ХСІІІ. ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ АЗИАТСКИЕ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА – БИТВА ПРИ ИССЕ – ОСАДА ТИРА.

Около февраля или марта 333 г. до н. э. Александр достиг Гордия, где, по-видимому, задержался на некоторое время, давая отдых войскам, прошедшим с ним через Писидию, – отдых, несомненно, необходимый. В Гордии он совершил памятный подвиг, известный как «разрубание Гордиева узла». В цитадели хранилась древняя телега грубой работы, которая, согласно легенде, некогда принадлежала крестьянину Гордию и его сыну Мидасу – первым царям Фригии, избранным народом по воле богов. Ярмо этой телеги было привязано к дышлу верёвкой (сплетённой из волокон коры кизила), настолько перекрученной и запутанной, что она образовывала невероятно сложный узел, который никто не мог развязать. Оракул предрёк, что тот, кто сумеет его развязать, станет владыкой Азии. Когда Александр поднялся посмотреть на эту древнюю реликвию, окружающая толпа – и фригийцы, и македоняне – с нетерпением ожидала, что победитель при Гранике и Галикарнассе справится с узлом и обретёт обещанную империю. Однако, осмотрев узел, Александр, как и все до него, оказался в замешательстве, пока в порыве нетерпения не выхватил меч и не разрубил верёвку надвое. Все восприняли это как решение задачи, тем самым утвердив его право на владычество в Азии; и эта вера была [с. 105] подтверждена богами грозой с громом и молниями в ту же ночь. [237]

В Гордии к Александру прибыли послы из Афин с просьбой освободить афинских пленников, захваченных при Гранике, которые теперь работали закованными в цепи на македонских рудниках. Однако он отказал в их просьбе, отложив решение до более удобного времени. Зная, что греки держатся за него лишь из страха и что при первой возможности значительная часть их перейдёт на сторону персов, он не счёл благоразумным ослаблять контроль над их поведением. [238]

Такая возможность теперь казалась вполне вероятной. Мемнон, лишённый возможности действовать на суше после потери Галикарнасса, занимался делами на островах Эгейского моря (в первой половине 333 г. до н. э.), намереваясь перенести войну в Грецию и Македонию. Обладая широкими полномочиями, он располагал большим финикийским флотом и значительным отрядом греческих наёмников, а также поддержкой своего племянника Фарнабаза и перса Автофрадата. Захватив важный остров Хиос благодаря содействию части его жителей, он затем высадился на Лесбосе, где четыре из пяти городов – из страха или симпатий – перешли на его сторону, в то время как Митилена, крупнейший из них, уже занятый македонским гарнизоном, оказала сопротивление. Мемнон высадил войска и начал осаду города с моря и суши, окружив его двойной частокольной стеной от моря до моря. В разгар этих действий он скончался от болезни, но его племянник Фарнабаз, которому он временно передал командование до решения Дария, энергично продолжил операцию и добился капитуляции города. Было условлено, что гарнизон, введённый Александром, будет выведен; колонна, свидетельствующая о союзе с ним, будет разрушена; митиленцы станут союзниками Дария на условиях старого договора, известного как Анталкидов мир; а изгнанные граждане будут возвращены с возвращением половины их имущества. Однако Фарнабаз, едва вступив в город, [с. 106] немедленно нарушил соглашение. Он не только вымогал деньги, но и ввёл гарнизон под командованием Ликомеда, а также поставил тираном вернувшегося изгнанника Диогена. [239] Подобное вероломство плохо способствовало дальнейшему распространению персидского влияния в Греции.

Если бы персидский флот проявил такую же активность годом ранее, армия Александра никогда не смогла бы высадиться в Азии. Тем не менее, захват Хиоса и Лесбоса, пусть и запоздалый, был крайне важен как обещание будущих успехов. Некоторые из Кикладских островов

прислали предложения о присоединении к персидскому делу; флот ожидали у Эвбеи, а спартанцы начали рассчитывать на помощь для антимакедонского выступления. [240] Однако все эти надежды рухнули из-за неожиданной смерти Мемнона.

Дело было не только в превосходных способностях Мемнона, но и в его устоявшейся репутации среди греков и персов, что сделало его смерть роковым ударом для интересов Дария. У персов были и другие греческие командиры – храбрые и способные, вероятно, даже не уступавшие Мемнону в умении руководить. Но никто из них не обладал таким опытом командования среди восточных народов – никто не заслужил такого доверия Дария, чтобы получить полное руководство операциями и защиту от придворных интриг. Хотя Александр к этому времени овладел Малой Азией, у персов ещё оставались значительные ресурсы, которые при грамотном использовании могли защитить оставшиеся земли и даже серьёзно угрожать ему на его территории. Но со смертью Мемнона исчез последний шанс использовать эти ресурсы с умом и энергией. Истинную цену этой потери лучше осознавал проницательный противник, с которым он сражался, чем слабый властитель, которому он служил. Смерть Мемнона снизила эффективность персов на море, что дало Александру возможность реорганизовать македонский флот [241] и использовать все сухопутные силы для дальнейших завоеваний внутри материка. [242]

[с. 107] Если Александр и выиграл от смерти этого выдающегося родосца в плане своих операций, то ещё больше он выиграл от смены политики, к которой это событие подтолкнуло Дария. Персидский царь решил отказаться от оборонительной стратегии Мемнона и перейти в наступление против македонян на суше. Его войска, уже собранные из разных частей империи, частично прибыли и продолжали подтягиваться. [243] Их число росло, пока не достигло огромной и многочисленной армии, общая численность которой, по некоторым данным, составляла 600 000 человек; по другим – 400 000 пехоты и 100 000 кавалерии. Вид этого пёстрого и внушительного множества воинов, в самом разнообразном вооружении, одежде и говорящих на разных языках, вселил в Дария уверенность; тем более что среди них было от 20 000 до 30 000 греческих наёмников. Персидские царедворцы, сами воодушевлённые и полные надежд, подогревали и преувеличивали эти чувства в самом царе, который окончательно уверился, что враги не смогут ему противостоять. Контингенты из Согдианы, Бактрии и Индии ещё не успели прибыть, но большинство войск от Персидского залива до Каспийского моря уже подошли – персы, мидийцы, армяне, дербики, барканийцы, гирканийцы, каддаки и другие; всех их, собранных на равнинах Месопотамии, якобы пересчитали, подобно войскам Ксеркса на равнине Дориска, отгородив пространство, вмещавшее ровно 10 000 человек, и пропуская через него солдат поочерёдно. [244] Ни сам Дарий, ни его окружение никогда прежде не видели столь подавляющего проявления мощи Персидской империи. Для восточного взгляда, неспособного оценить истинные условия военного превосходства и привыкшего лишь к грубому подсчёту чисел и физической силы, царь, ведущий такую армию, казался земным богом, готовым растоптать всех на своём пути – точно так же, как большинство греков когда-то представляли себе Ксеркса, [245] а тем более сам Ксеркс – себя самого, за полтора века до этого. Поскольку всё это обернулось роковой ошибкой, описание этих чувств у Курция и Диодора часто воспринимается как беспочвенная риторика. Однако на самом деле это естественная иллюзия неискушённых людей, противостоящих обученному и научному суждению.

Но если такое было убеждение восточных народов, оно не находило отклика в душе просвещённого афинянина. Среди греков, находившихся при Дарии, был афинский изгнанник Харидем, который, навлекая на себя непримиримую вражду Александра, был вынужден покинуть Афины после македонского захвата Фив и бежал вместе с Эфиальтом к персам. Дарий, упоённый кажущимся всемогуществом своей армии на смотре и слыша вокруг лишь единодушное одобрение царедворцев, спросил мнение Харидема, вполне ожидая услышать подтверждение своих надежд. Но поскольку судьба Харидема теперь полностью зависела от успеха

Дария, он не стал скрывать свои убеждения, какими бы неприятными они ни были, в момент, когда ещё оставалась возможность принести пользу. Он ответил (с той же откровенностью, с которой Демарат некогда говорил Ксерксу), что огромное множество воинов перед ними не способно противостоять сравнительно небольшому числу захватчиков. Он посоветовал Дарию не полагаться на азиатов, а использовать свои несметные богатства для найма дополнительной армии греческих наёмников. Он предложил свои собственные услуги – либо в качестве советника, либо командира. Для Дария его слова оказались и неожиданными, и оскорбительными; персидских царедворцев они привели в негодование. Одурманенные зрелищем собранных войск, они сочли сочетанием оскорбления и абсурда утверждение, что азиаты ничтожны по сравнению с македонянами, и что царь может защитить свою империю только с помощью греков. Они объявили Харидема предателем, желающим завоевать доверие царя, чтобы предать его Александру. Дарий, задетый этим ответом и ещё более раздражённый криками придворных, собственноручно схватил Харидема за пояс и приказал страже казнить его. «Вы слишком поздно поймёте (воскликнул афинянин), что я говорил правду. Мой мститель уже близок». [246]

Переполненный уверенностью в успехе и славе, Дарий решил лично возглавить армию и выступить, чтобы сокрушить Александра. С этого момента его сухопутные силы стали действительно важной и наступательной мощью, с которой он сам намеревался действовать. Здесь мы видим его явный отказ от планов Мемнона – переломный момент его будущей судьбы. И он отказался от них именно в тот момент, когда их можно было осуществить наиболее безопасно и полностью. Ибо во время битвы при Гранике, когда Мемнон впервые предложил свою стратегию, оборонительная часть её была не так проста, поскольку у персов не было сильной позиции. Но теперь, весной 333 г. до н. э., у них была линия обороны, какой они только могли желать; преимущества, почти не имеющие аналогов. Во-первых, это была линия Таврских гор, преграждавшая Александру путь в Киликию; линия обороны (как будет видно далее) почти неприступная. Далее, даже если бы Александру удалось прорвать эту линию и завоевать Киликию, оставалась узкая дорога между горами Амана и морем, называемая Аманийскими Воротами, а также Воротами Киликии и Ассирии – и после этого перевалы через сам Аманус – все они были жизненно важны для Александра и могли быть удержаны при должной подготовке против самой сильной атаки. Лучшего случая для осуществления оборонительной части плана Мемнона нельзя было представить; и он, несомненно, рассчитывал, что такие преимущества не будут упущены.

Роковая перемена политики персидского царя проявилась в приказе, который он отдал флоту после [с. 110] получения известия о смерти Мемнона. Подтвердив назначение Фарнабаза (временно назначенного умирающим Мемноном) адмиралом, он одновременно отправил Тимонда (сына Ментора и племянника Мемнона), чтобы забрать с флота греческих наёмников, служивших на кораблях, и включить их в основную персидскую армию. [247] Это было ясным свидетельством того, что главный удар наступательных операций отныне переносился с моря на сушу.

Важно отметить такой отказ от стратегии со стороны Дария как критический переломный момент в греко-персидском противостоянии – поскольку Арриан и другие историки упускают это из виду, сосредотачиваясь лишь на второстепенных аспектах. Например, они осуждают неосмотрительность Дария, который решил дать бой Александру в тесном пространстве близ Исса, вместо того чтобы ждать его на обширных равнинах за Аманскими горами. Безусловно, если допустить, что генеральное сражение было неизбежно, этот шаг увеличил шансы македонян. Однако это был шаг, не повлиявший на существенный исход событий, поскольку персидская армия Дария едва ли была более пригодна для битвы на открытой равнине, что впоследствии подтвердилось при Арбелах. Истинная неосмотрительность – игнорирование предостережений Мемнона – заключалась в самом решении дать сражение. Горы и ущелья

были настоящей силой персов, их следовало удерживать как оборонительные рубежи против вторжения. Если Дарий и ошибся, то не столько в отказе от равнины Сохи, сколько в изначальном выборе этой равнины для генерального сражения вместо укрепленных позиций, которые предоставляли Тавр и Аман.

Повествование Арриана, хотя, возможно, и точное в деталях, не только кратко и неполно, но и зачастую упускает из виду действительно важные и решающие моменты.

Остановившись в Гордии, Александр встретился с теми недавно женившимися македонянами, которых он отправил на зиму домой и которые теперь вернулись с подкреплениями численностью 3000 пехотинцев и 300 всадников, а также 200 фессалийских и 150 элейских кавалеристов. [248] Как только его войска достаточно отдохнули, он выступил (вероятно, во второй половине мая) в направлении Пафлагонии и Каппадокии. В Анкире его встретила делегация пафлагонцев, которые подчинились его воле, лишь умоляя не вести армию в их земли. Приняв эти условия, он поставил их под управление Каласа, своего сатрапа Геллеспонтской Фригии. Продвигаясь дальше, он подчинил всю Каппадокию, вплоть до значительной территории за Галисом, оставив там сатрапом Сабиктаса. [249]

Обеспечив безопасность в тылу, Александр двинулся на юг к Таврским горам. Он достиг пункта, называемого Лагерем Кира, у северного подножия этой горы, близ перевала Таври-Пилы, или Киликийских Ворот, которые служили основным путем сообщения между Каппадокией на севере и Киликией на юге этой великой горной цепи. Длинная дорога, поднимаясь и спускаясь, была в основном узкой, извилистой и неровной, иногда проходя между двумя крутыми и высокими склонами; и ближе к южному концу она включала особенно труднопроходимый участок. С древних времен и до наших дней главная дорога из Малой Азии в Киликию и Сирию проходила через этот перевал. Во времена Римской империи, несомненно, она была улучшена, что сделало движение по ней сравнительно легче. Однако описания современных путешественников представляют ее столь же трудной, как любая дорога, по которой когда-либо проходила армия. [250] За семьдесят лет до Александра через нее прошел младший Кир с 10 000 греков в походе против своего брата Артаксеркса; и Ксенофонт, [251] [стр. 112] прошедший тогда этим путем, утверждал, что он абсолютно непроходим для армии, если защищается хоть каким-то гарнизоном. Сам Кир был настолько убежден в этом, что подготовил флот, чтобы в случае занятости перевала высадить войска с моря в Киликии в тыл защитников; и велико же было его изумление, когда он обнаружил, что обычная персидская беспечность оставила ущелье без защиты. Самое узкое место едва вмещало четырех вооруженных человек в ряд, будучи зажато с обеих сторон отвесными скалами. [252] Здесь, как нигде более, могла бы быть реализована оборонительная стратегия Мемнона. Для Александра, уступавшего на море, вариант, использованный Киrom, был недоступен.

Тем не менее, Арсам, персидский сатрап, командовавший в Тарсе в Киликии, получив, по-видимому, от своего господина либо никаких указаний, либо даже хуже, действовал так, будто ничего не знал о своем предприимчивом враге к северу от Тавра. При первом приближении Александра немногочисленные персидские солдаты, занимавшие перевал, бежали без боя, будучи, видимо, не готовы к противнику серьезнее горных разбойников. Таким образом, Александр овладел этим почти непреодолимым барьером без единой потери. [253] На следующий день он провел всю свою армию через него в Киликию и, прибыв через несколько часов в Тарс, обнаружил, что город уже покинут Арсамом. [254]

В Тарсе Александр сделал длительную остановку – гораздо дольше, чем планировал. Либо от чрезмерной усталости, либо от купания в холодной воде реки Кидн в разгоряченном состоянии, его охватила сильная лихорадка, которая вскоре достигла такой опасной степени, что его жизнь оказалась под угрозой. Среди горя и тревоги, охвативших армию из-за этого несчастья, ни один из врачей не осмелился применить лекарства, опасаясь ответственности за возможный смертельный исход. [255] Лишь один из них, акарнанец по имени Филипп, давно

известный и доверенный Александру, взялся вылечить его сильным слабительным. Александр велел ему приготовить его; но прежде чем настало время принять лекарство, он получил конфиденциальное письмо от Пармениона, умолявшего его остерегаться Филиппа, которого Дарий подкупил, чтобы отравить его. Прочитав письмо, он положил его под подушку. Вскоре явился Филипп с лекарством, которое Александр принял и выпил без комментариев, одновременно передав ему письмо для прочтения и наблюдая за выражением его лица. Взгляд, слова и жесты врача полностью его успокоили. Филипп с негодованием отверг клевету, повторил свою уверенность в лекарстве и поклялся отвечать за результат. Сначала оно подействовало так сильно, что Александр, казалось, стал еще хуже и даже оказался на пороге смерти; но через некоторое время проявились его целебные свойства. Лихорадка отступила, и Александр был объявлен вне опасности, к радости всей армии. [256] Разумный срок потребовался для восстановления его прежнего здоровья и сил.

Первым его действием после выздоровления стала отправка Пармениона во главе греков, фессалийцев и фракийцев его армии с целью очистить путь вперед и занять перевал, называемый Киликийско-Сирийскими Воротами. [257] Эта узкая дорога, ограниченная с востока хребтом Амана и с запада морем, некогда была перекрыта двойной поперечной стеной с воротами для прохода, обозначавшими границу между Киликией и Сирией. Ворота, находившиеся примерно в шести днях пути от Тарса, [258] оказались под охраной, но гарнизон бежал после незначительного сопротивления. В то же время сам Александр, ведя македонские войска в юго-западном направлении от Тарса, потратил некоторое время на подчинение и приведение в порядок городов Анхиала и Сол, а также киликийских горцев. Затем, вернувшись в Тарс и возобновив поход, он двинулся вперед с пехотой и избранной кавалерийской эскадрой, сначала в Магарс у устья реки Пирам, затем в Малл; основная масса кавалерии под командованием Филота была отправлена более прямым путем через Алейскую равнину. Малл, посвященный пророку Амфилоху как герою-покровителю, считался колонией Аргоса; по обоим этим причинам Александр был склонен относиться к нему с особым уважением. Он принес торжественную жертву Амфилоху, освободил Малл от дани и уладил беспокоившие граждан раздоры. [259]

Именно в Малле он получил первое четкое сообщение о Дарии и основной персидской армии, которая, как сообщалось, стояла лагерем в Сохи в Сирии, к востоку от Амана, примерно в двух днях пути от горного перевала, ныне называемого Бейлан. Этот перевал, пересекающий Аманский хребет, служит продолжением главной дороги из Малой Азии в Сирию после прохождения сначала через Тавр, а затем через труднопроходимый участок (названный Киликийско-Сирийскими Воротами) между Аманом и морем. Собрав своих главных командиров, Александр сообщил им о позиции Дария, который теперь стоял на просторной равнине с огромным численным превосходством, особенно в кавалерии. Хотя местность была скорее благоприятна для врага, македоняне, полные надежд и мужества, призвали Александра немедленно повести их в бой. Соответственно, Александр, довольный их рвением, начал марш на следующее утро. Он прошел через Исс, где оставил больных и раненых под небольшим прикрытием, [стр. 115] затем через Киликийско-Сирийские Ворота. На второй день марша от этих Ворот он достиг сирийского порта Мириандр, первого города Сирии или Финикии. [260]

Здесь, задержанный в лагере на день из-за ужасной бури, он получил известия, полностью изменившие его планы. Персидская армия покинула Сохи и теперь находилась в Киликии, следуя за ним по пятам. Она уже захватила Исс.

Дарий вывел из внутренних областей свое огромное и разнородное войско, насчитывавшее, по утверждениям, 600 000 человек. Его мать, жена, гарем, дети и свита сопровождали его, чтобы стать свидетелями того, что ожидалось как несомненный триумф. Весь аппарат роскоши и помпезности был заготовлен в изобилии для царя и его персидской знати. Обоз был огромен: одного только золота и серебра, как сообщается, хватило бы для нагрузки 600 мулов и 300 верблюдов. [261] Временный мост через Евфрат потребовал пяти дней, чтобы вся армия

смогла переправиться. [262] Однако значительная часть сокровищ и обоза не последовала с армией к Аману, а была отправлена под охраной в Дамаск в Сирии.

Во главе такой подавляющей силы Дарий жаждал немедленно дать генеральное сражение. Для него было недостаточно просто сдерживать врага, которого он рассчитывал разгромить при первой же встрече. Соответственно, он не отдал приказов (как мы уже видели) защищать линию Тавра; он позволил Александру беспрепятственно войти в Киликию и намеревался так же пропустить его через оставшиеся укрепленные перевалы – сначала Киликийско-Сирийские Ворота между Аманом и морем, затем перевал Бейлан через сам Аман. Он и ожидал, и желал, чтобы его враг вышел на равнину для битвы, где его должны были растоптать бесчисленные персидские всадники.

Но эти ожидания не оправдались сразу. Стремительные и неуклонные до этого движения Александра, казалось, застопорились. Мы уже упоминали опасную лихорадку, угрожавшую его жизни, которая не только вызвала долгую остановку, но и породила беспокойство в македонской армии. Все это, несомненно, дошло до персов с изрядными преувеличениями: и когда Александр, сразу после выздоровления, вместо того чтобы двинуться вперед к ним, повернул прочь, чтобы подчинить западную часть Киликии, Дарий истолковал это как признак колебания и страха. Даже утверждается, что Парменион предлагал дожидаться атаки персов в Киликии, и Александр сначала согласился. [263] Во всяком случае, Дарий через некоторое время убедился – и его азиатские советники и царедворцы уверяли его – что македоняне, хотя и дерзкие и победоносные против пограничных сатрапов, теперь отступают, уstraшенные приближением полномасштабной мощи империи, и не осмелятся оказать сопротивление. Под этим впечатлением Дарий решил двинуться в Киликию со всей армией. Правда, Тимод и другие разумные греческие советники – вместе с македонским изгнанником Аминтой – возражали против этого нового решения, умоляя его придерживаться первоначального плана. Они заверяли, что Александр сам атакует его, где бы он ни был, и притом скоро. Они указывали на неосмотрительность битвы в узких киликийских ущельях, где его численность, особенно огромная кавалерия, окажется бесполезной. Однако их совет был не только проигнорирован Дарием, но и осужден персидскими советниками как предательский. [264] Даже некоторые греки в лагере разделяли и передавали в своих письмах в Афины слепую уверенность монарха. Приказ был немедленно отдан всей армии покинуть равнины Сирии и двинуться через Аман в Киликию. [265]

Переход через такой хребет, как Аман, с многочисленной армией, тяжелым обозом и помпезной свитой (включая весь необходимый персонал для царской семьи), должно быть, занял немало времени; и оба перевала через эту гору были узкими и легко обороняемыми. [266] Дарий выбрал северный из них, который вывел его в тыл врага.

Таким образом, в то время как македоняне шли на юг, чтобы пересечь Аман через южный перевал и атаковать Дария на равнине, сам Дарий входил в Киликию через северный перевал, чтобы отбросить их назад в Македонию. [267] Достигнув Исса примерно через два дня после того, как они его покинули, он захватил оставленных там больных и раненых. С отвратительной жестокостью его вельможи убедили его подвергнуть этих несчастных либо смерти, либо отсечению рук. [268] Затем он двинулся вперед – по той же дороге вдоль берега залива, которой уже следовал Александр – и встал лагерем на берегу реки Пинар.

Беглецы из Исса поспешили предупредить Александра, настигнув его в Мириандре. Он был так поражен, что отказался верить новости, пока она не была подтверждена офицерами, которых он отправил на север вдоль побережья залива на небольшой галере и которые ясно увидели огромные персидские толпы на берегу. Затем, собрав главных командиров, он сообщил им о приближении врага, разъясняя благоприятные предзнаменования, при которых теперь предстояло дать бой. [269] Его речь была встречена одобрительными возгласами слушателей, требовавших лишь вести их против врага. [270]

Его расстояние от персидской позиции могло составлять около восемнадцати миль. [271] Совершив ночной марш после ужина, он к полуночи достиг узкого ущелья (между горой Аманус и морем), называемого Киликийскими и Сирийскими Воротами, через которое он прошел двумя днями ранее. Вновь овладев этой важной позицией, он отдохнул там последнюю часть ночи и на рассвете двинулся на север, к Дарию.

Сначала ширина проходимой дороги была настолько ограничена, что позволяла двигаться только узкой колонной, с кавалерией, следующей за пехотой; вскоре она расширилась, что позволило Александру увеличить фронт, последовательно выдвигая подразделения фаланги. Приблизившись к реке Пинар (которая пересекала проход), он построил боевой порядок.

На крайнем правом фланге он разместил гипаспистов, или легкое подразделение гоплитов; далее (считая справа налево) – пять таксисов (дивизий) фаланги под командованием Кена, Пердикки, Мелеагра, Птолемея и Аминты. Три последних, левых подразделения находились под общим командованием Кратера, который, в свою очередь, подчинялся приказам Пармениона, командовавшего всей левой половиной армии.

Ширина равнины между горами справа и морем слева, по словам источников, составляла не более четырнадцати стадий, или около полутора английских миль. [272] Опасаясь быть охваченным превосходящими силами персов, Александр строго приказал Пармениону держаться ближе к морю. Его македонская кавалерия, «друзья» (гетайры), вместе с фессалийцами, была размещена на правом фланге; там же находились агриане и основная часть легкой пехоты. Пелопоннесская и союзная кавалерия, [стр. 119] а также фракийская и критская легкая пехота были отправлены на левый фланг к Пармениону. [273]

Дарий, узнав о приближении Александра, решил сражаться там, где стоял его лагерь, за рекой Пинар. Однако он переправил через реку отряд из 30 000 кавалеристов и 20 000 пехотинцев, чтобы обеспечить беспрепятственное построение своих основных сил. [274]

Свою фалангу, или основную линию боя, он составил из 90 000 гоплитов: 30 000 греческих гоплитов в центре и по 30 000 азиатов, вооруженных как гоплиты (кардаки), по обе стороны от них. Эти войска – не разделенные на отдельные отряды, а сгруппированные в одну массу [275] – заполнили пространство между горами и морем. На горах слева он разместил отряд из 20 000 человек, предназначенный для действий против правого фланга и тыла Александра. Но для огромной численной массы его войск не нашлось места, и они остались бесполезными в тылу греческих и [стр. 120] азиатских гоплитов, не будучи ни резервом, ни готовыми к поддержке в случае необходимости.

Когда его линия была полностью построена, он отозвал на левый берег Пинара 30 000 кавалеристов и 20 000 пехотинцев, отправленных ранее как прикрытие. Часть этой кавалерии была направлена на крайний левый фланг, но горная местность оказалась для них непригодной, и они были вынуждены перейти на правый фланг, где в итоге собралась основная масса персидской кавалерии.

Сам Дарий в колеснице находился в центре линии, позади греческих гоплитов. Перед всей его линией протекала река (или ручей) Пинар; ее берега, во многих местах естественно крутые, он дополнительно укрепил насыпями. [276]

Как только Александр, после отхода персидского прикрытия, смог разглядеть окончательные построения Дария, он внес некоторые изменения в свои собственные: перевел фессалийскую кавалерию с правого фланга на левый скрытым маневром и выдвинул вперед на правом фланге кавалерию-сариссофоров, а также легкую пехоту, пеонийцев и лучников.

Агриане вместе с частью кавалерии и другими лучниками были отделены от основной линии, чтобы образовать косой фронт против 20 000 персов на холмах, угрожавших его флангу. Когда эти 20 000 человек приблизились настолько, что стали представлять опасность, Александр приказал агрианам атаковать их и оттеснить дальше в горы. Те проявили так мало

стойкости и так легко отступили, что он перестал опасаться серьезной угрозы с их стороны. Поэтому он ограничился тем, что оставил против них в резерве отряд из 300 тяжелых всадников, а агриан и остальных разместил на правом фланге основной линии, чтобы уравнивать фронт с противником. [277]

[стр. 121] Построив свои войска и дав им отдых после марша, он начал медленное продвижение, стремясь сохранить ровный фронт и ожидая, что противник перейдет Пинар ему навстречу. Но так как персы не двигались, он продолжил наступление, сохраняя строй, пока не оказался на расстоянии выстрела из лука.

Тогда он сам, во главе своей кавалерии, гипаспистов и правого крыла фаланги, ускорил шаг, быстро перешел реку и обрушился на кардаков (азиатских гоплитов) на левом фланге персов. Не готовые к внезапности и ярости этой атаки, кардаки почти не оказали сопротивления и бежали после первого же столкновения, преследуемые македонским правым флангом.

Дарий, находившийся в центре в своей колеснице, увидел, что это неудачное бегство оставило его левый фланг открытым. Охваченный паникой, он приказал развернуть колесницу и бежал в числе первых беглецов. [278] Он оставался в колеснице, пока местность позволяла, но, достигнув пересеченной местности, пересел на коня, чтобы обеспечить себе побег; в таком ужасе, что бросил лук, щит и царскую мантию. Кажется, он не отдал ни одного приказа и не предпринял ни малейшей попытки исправить первоначальную неудачу.

Бегство царя стало сигналом для всех, кто его заметил, и огромная армия в тылу вскоре превратилась в толпу, давящую друг друга в попытках пробиться через труднопроходимую местность. Дарий был не только центром объединения для всех разнородных контингентов армии, но и единственным командующим, так что после его бегства не осталось никого, кто мог бы отдать общий приказ.

Эта великая битва – или, скорее, то, что должно было стать великой битвой – была проиграна из-за бегства азиатских гоплитов на левом фланге персов и немедленного бегства Дария – всего через несколько минут после начала. [стр. 122]

Но центр и правый фланг персов, еще не знавшие о случившемся, сражались храбро. Когда Александр стремительно двинулся вперед с правым флангом под своим личным командованием, фаланга в его левом центре (под началом Кратера и Пармениона) либо не получила такого же приказа ускориться, либо была задержана и расстроена более крутыми берегами Пинара. Здесь на них напали греческие наемники – лучшие войска персидской армии.

Бой был упорным, и македоняне понесли значительные потери: погиб командир дивизии Птолемей, сын Селевка, и 120 воинов первого ряда (отборных фалангитов). Но вскоре Александр, завершив разгром левого фланга противника, вернул свои победоносные войска из преследования, атаковал греческих наемников во фланг и обеспечил решающее преимущество своим воинам.

Греческие наемники были разбиты и отступили. [стр. 123] Узнав, что Дарий бежал, они покинули поле боя как могли, но, кажется, в относительном порядке. Есть основания полагать, что часть из них прорвалась через горы или через македонские линии и ушла на юг. [279]

Тем временем на правом фланге персов, ближе к морю, тяжелая персидская кавалерия проявила большую храбрость. Они осмелились перейти Пинар [280] и яростно атаковать фесалийцев, с которыми вели ожесточенный бой, пока не распространилась весть о бегстве Дария и разгроме левого фланга. Тогда они повернули назад и бежали, понеся тяжелые потери при отступлении.

О кардаках на правом фланге греческих гоплитов в персидской линии ничего не сообщается, как и о противостоящей им македонской пехоте. Возможно, эти кардаки почти не вступали в бой, поскольку кавалерия на их участке была занята тяжелым сражением. В любом случае они присоединились к общему бегству персов, как только стало известно о бегстве Дария. [281]

Разгромив персов, Александр начал энергичное преследование. Уничтожение и резня беглецов были чудовищными. На столь узком пространстве, иногда сужающемся до ущелья и изрезанном руслами рек, их огромные толпы не находили места и давили друг друга.

Столько же погибло от давки, сколько от мечей победителей; Птолемей (впоследствии царь Египта, спутник и историк Александра) рассказывал, что во время преследования он наткнулся на овраг, забитый трупами, через который перешел, как по мосту. [282]

Преследование продолжалось, пока позволял свет ноябрьского дня; но битва началась поздно. Лагерь Дария был захвачен вместе с его матерью, женой, сестрой, малолетним сыном и двумя дочерьми. Его колесница, щит и лук также попали в руки победителей; было найдено 3000 талантов денег, хотя большая часть сокровищ была отправлена в Дамаск.

Общие потери персов, как сообщается, составили 10 000 всадников и 100 000 пехотинцев; среди убитых были несколько знатных персов – Арсам, Реомифр и Атизий (командовавший при Гранике), Сабак, сатрап Египта.

Македоняне, по данным источников, потеряли 300 пехотинцев и 150 всадников. Сам Александр был легко ранен мечом в бедро. [283]

Мать, жена и семья Дария, оказавшиеся в плену, были окружены по приказу Александра величайшим вниманием и уважением.

Когда Александр вернулся ночью с преследования, он нашел царский шатер приготовленным для него. Внутри он услышал плач женщин и узнал, что это мать и жена Дария, которые, увидев его лук и щит, решили, что он погиб, и рыдали.

Александр немедленно послал Леонната успокоить их, сообщив, что Дарий жив, и пообещав, что они сохраняют царские почести – его война против Дария ведется не из ненависти, а как честный спор за империю Азии. [284]

Помимо этого достоверного эпизода, ходило множество других, недостоверных или ложных, рассказов о его добром обращении с пленницами; сам Александр вскоре после битвы слышал вымыслы на эту тему и счел нужным опровергнуть их в письме.

Достоверно известно (из сохранившегося отрывка этого письма), что он никогда не видел и даже не думал видеть пленную жену Дария, считавшуюся самой красивой женщиной Азии; более того, он отказался слушать похвалы ее красоте. [285]

Как эта огромная масса беглецов выбралась из узких пределов Киликии или сколько из них покинуло страну тем же путем через гору Аманус, которым пришла, – неизвестно. Вероятно, многие, включая самого Дария, спаслись через горы по второстепенным тропам, непригодным для армии с обозом, но подходящим для небольших групп.

Дарию удалось собрать 4000 беглецов, с которыми он поспешил к Фапсаку и вновь переправился через Евфрат.

Единственным сохранившим боеспособность отрядом после битвы были 8000 греческих наемников под командованием Аминты и Тимода. Они пробившись из Киликии (по-видимому, на юг, в сторону Мириандра) к Триполису на финикийском побережье, где нашли корабли, на которых прибыли с Лесбоса.

Захватив достаточное количество судов и уничтожив остальные, чтобы предотвратить погоню, они сразу переправились на Кипр, а оттуда – в Египет. [286]

За этим единственным исключением, огромная персидская армия исчезла после битвы при Иссе. Не было попыток реорганизовать ее или собрать новую, пока два года спустя не появились свежие силы.

Добыча победителей была огромной – не только золото и серебро, но и пленные для работорговли. На следующий день после битвы Александр принес торжественную благодарственную жертву, воздвигнув три алтаря на берегу Пинара; одновременно он похоронил мертвых, утешил раненых и наградил отличившихся. [287]

Ни одна победа в истории не была столь полной сама по себе и не имела столь далеко идущих последствий, как победа при Иссе.

Не только персидская армия была уничтожена или рассеяна, но и усилия Дария по восстановлению оказались парализованы пленением его семьи.

Части разгромленной армии появлялись в разных местах для отдельных операций, но мы не увидим больше сопротивления Александру и его основным силам, кроме храбрых жителей двух укрепленных городов.

Повсюду распространилось подавляющее чувство восхищения и ужаса перед силой, умением или удачей Александра (как бы это ни называли) – наряду с презрением к реальной ценности персидской армии, несмотря на ее внушительную роль и численный перевес.

Это презрение, ранее знакомое лишь образованным грекам, теперь, благодаря беспрецедентной катастрофе, стало достоянием даже простых умов.

И как полководец, и как воин Александр проявил выдающееся мастерство, в то время как Дарий – вопиющую некомпетентность.

Главную ошибку последнего обычно видят в том, что он дал бой не на открытой равнине, а в узкой долине, где его численное превосходство оказалось бесполезным. Но это (как уже отмечалось) была лишь одна из многих ошибок, и не самая серьезная.

Результат был бы тем же, если бы битва произошла на равнинах к востоку от Амануса. Превосходство в численности мало помогает на любой местности, если нет полководца, умеющего им воспользоваться; если войска не разделены на отряды, способные атаковать по многим направлениям или хотя бы поддерживать друг друга в обороне, чтобы поражение одной части не означало поражения всей армии.

Вера Дария в простую массу была слепа и наивна; [288] более того, она исчезла, как только он увидел, что враги не бегут, а смело идут на него – что видно по его поведению на берегах Пинара, где он ждал атаки вместо того, чтобы выполнить свою угрозу растоптать горстку противников. [289]

Но Дарий не только как полководец действовал так, что поражение стало неизбежным. Даже если бы его построения были идеальны, его личная трусость – бегство с поля боя и забота лишь о собственной безопасности – свела бы все на нет. [290]

Хотя персидская знать обычно отличалась личной храбростью, Дарий и в дальнейшем, в битве при Гавгамелах (на просторной равнине, выбранной им самим), вновь проявит ту же жалкую трусость и неумение использовать численный перевес.

Счастлив был Мемнон, что не дожидаясь отказа от своих планов и последовавшего за этим краха! Флот в Эгейском море, который после его смерти перешел под командование Фарнабаза, хотя и ослабленный потерей наемников, отозванных Дарием к Иссу, и деморализованный серьезным поражением, которое перс Оронтобат потерпел от македонцев в Кари, [291] тем не менее не бездействовал, пытаясь организовать антимакедонские выступления в Греции.

Когда Фарнабаз находился на острове Сифнос со своими 100 триремами, его посетил спартанский царь Агис, который настаивал на отправке в Пелопоннес как можно большего числа войск для поддержки запланированного спартанцами восстания. Однако эти агрессивные планы были мгновенно сорваны устрашающей вестью [стр. 128] о битве при Иссе. Опасаясь восстания на Хиосе после этого известия, Фарнабаз немедленно отплыл туда с крупным отрядом. Агис, получив лишь субсидию в тридцать талантов и эскадру из десяти трирем, был вынужден отказаться от своих планов в Пелопоннесе и ограничиться руководством операциями на Крите, которые должен был вести его брат Агесилай, в то время как он сам оставался среди островов и в итоге сопровождал перса Автофрадата в Галикарнас. [292]

Впрочем, похоже, что позже он все же отправился руководить действиями на Крите и добился там значительных успехов, склонив несколько критских городов присоединиться к персам. [293] В целом же победа при Иссе подавила свободный дух по всей Греции и стала

для Александра гарантией хотя бы временного спокойствия. Филимакедонский синод, собравшийся в Коринфе во время Истмийских игр, выразил свою радость, отправив к нему посольство с поздравлениями и золотым венком. [294]

Не задерживаясь после победы, Александр двинулся через Келесирию к финикийскому побережью, отправив Пармениона по пути атаковать Дамаск, куда Дарий перед битвой отправил большую часть своей казны вместе со многими доверенными сановниками, знатными персидскими женщинами и послами. Хотя город мог бы выдержать длительную осаду, он сдался без сопротивления из-за предательства или трусости наместника, который лишь сделал вид, что пытается вывезти сокровища, но на самом деле позаботился о том, чтобы они попали в руки врага. [295] Там было захвачено огромное богатство – а также несметное число слуг и предметов роскоши, принадлежавших двору и знати. [296] Кроме того, пленных оказалось так много, [стр. 129] что почти все знатные персидские семьи оплакивали потерю кого-то из родных, мужчин или женщин. Среди них были вдова и дочери царя Оха, предшественника Дария, – дочь его брата Оксатра, – жены Артабаза и Фарнабаза, три дочери Ментора, а также Барсина, вдова покойного Мемнона, с ребенком, отправленная им в качестве заложницы верности. Там же находились и несколько видных греческих изгнанников – фиванцы, спартанцы и афиняне, бежавшие к Дарию, который счел нужным отправить их в Дамаск, вместо того чтобы позволить им сражаться в армии при Иссе.

Фиванские и афинские изгнанники были немедленно освобождены Александром; спартанцев же временно арестовали, но вскорепустили. Среди афинских изгнанников был человек благородного происхождения – Ификрат, сын знаменитого афинского полководца. [297] Пленный Ификрат не только получил свободу, но и под влиянием учтивого и почетного обращения остался с Александром. Однако вскоре он умер от болезни, и его прах был затем собран по приказу Александра, чтобы отправить семье в Афины.

Я уже упоминал в предыдущем томе, [298] что старший Ификрат был усыновлен дедом Александра в македонскую царскую семью как спаситель их трона: вероятно, именно это обстоятельство определило особую благосклонность к его сыну, а не какие-либо чувства к Афинам или военному таланту отца. Разница в положении между Ификратом-отцом и Ификратом-сыном – одно из печальных свидетельств упадка эллинизма; отец, выдающийся военачальник, действовавший среди свободных граждан, защищавший оружием безопасность и достоинство своих сограждан и даже вмешивавшийся для спасения македонской царской семьи; сын, вынужденный [стр. 130] наблюдать унижение родного города македонскими войсками и лишенный всех средств для его возрождения или спасения, кроме службы у восточного царя, чья глупость и трусость разом лишили его и собственной безопасности, и свободы Греции.

Овладев Дамаском и Келесирией, Александр двинулся дальше в Финикию. Первым финикийским городом, к которому он подошел, был Мараф, на материке напротив острова Арад, составлявший вместе с этим островом и несколькими соседними городами владение арадского князя Герострата. Сам князь в это время служил со своим флотом в составе персидской эскадры в Эгейском море; но его сын Страт, управлявший городом, отправил Александру знаки покорности с золотым венком и сразу передал ему Арад с соседними городами. Примеру Страта последовали сначала жители Библа, следующего финикийского города к югу, затем – великого города Сидона, царицы и прародительницы всего финикийского процветания. Сидоняне даже прислали послов, чтобы встретить его и пригласить в город. [299] Их настроения были враждебны персам из-за воспоминаний о кровавых и вероломных событиях (около восемнадцати лет назад), сопровождавших захват их города войсками Оха. [300] Тем не менее, морские контингенты и Библа, и Сидона (как и Арада) в этот момент находились в Эгейском море под командованием персидского адмирала Автофрадата и составляли значительную часть всего его флота. [301]

Пока Александр еще находился в Марафе, перед дальнейшим походом, он получил послов и письмо от Дария с просьбой вернуть его мать, жену и детей – и предложением дружбы и союза, как от одного царя к другому. Дарий также попытался доказать, что македонский Филипп первым начал вражду против Персии, что Александр продолжил ее, а он сам (Дарий) действовал лишь в самообороне. В ответ Александр написал письмо, в котором изложил свои претензии к Дарию, провозгласив себя избранным вождем греков, призванным отомстить за древнее вторжение Ксеркса в Грецию. Затем он выдвинул ряд обвинений против Дария, которого обвинил в организации убийства Филиппа, а также в поддержке антимакедонских городов в Греции.

«Теперь (продолжал он), по милости богов, я одержал победу – сначала над твоими сатрапами, затем над тобой самим. Я позаботился обо всех, кто подчинился мне, и сделал их довольными своей участью. Приди и ты ко мне, как к владыке всей Азии. Приди без страха пострадать; проси, и ты получишь обратно свою мать, жену и все, что пожелаешь. Однако, когда в следующий раз будешь писать мне, обращай не как к равному, а как к повелителю Азии и всего, что тебе принадлежит; иначе я поступлю с тобой как с преступником. Если ты намерен оспаривать царство у меня, стой и сражайся за него, а не беги. Я пойду против тебя, где бы ты ни был.» [302]

Эта памятная переписка, не приведшая ни к чему, важна лишь как отражение характера Александра, для которого борьба и победы были одновременно делом и наслаждением жизни, и для которого любое притязание на равенство и независимость, даже со стороны других царей – все, что не было подчинением и покорностью, – представлялось оскорблением, требующим отмщения. Перечисление взаимных обид с обеих сторон было лишь бессмысленной уловкой. Реальный и единственный вопрос заключался (как сам Александр выразил это в своем послании пленной Сисигамбис [303]) в том, кто из двоих станет владыкой Азии.

Решение этого вопроса, уже предопределенное исходом битвы при Иссе, стало почти несомненным благодаря быстрым и беспрепятственным успехам Александра в большинстве финикийских городов. Последние надежды Персии теперь зависели главным образом от настроений этих финикийцев. Большая часть персидского флота в Эгейском море состояла из финикийских трирем – частично с сирийского побережья, частично с острова Кипр. Если бы финикийские города подчинились Александру, их корабли и моряки либо вернулись бы домой сами, либо были бы отозваны, лишив Персию последнего серьезного козыря. Но если бы финикийские города единодушно сопротивлялись ему, вынуждая осаждать их один за другим – при взаимной поддержке с моря, с превосходством флота, а некоторые из них располагаясь на островах, – препятствия оказались бы столь велики, что даже энергия и способности Александра, возможно, не справились бы с ними; во всяком случае, ему пришлось бы вести тяжелую борьбу, возможно, два года, открывая дверь новым случайностям и усилиям противника.

Поэтому для Александра стало большой удачей, когда правитель острова Арад добровольно сдал ему этот укрепленный город, а примеру последовал еще более значительный Сидон. Финикийцы в целом не были тесно связаны с персами; у них также не было крепкой взаимной сплоченности, хотя как отдельные общины они были храбры и предприимчивы. Среди сидонян даже преобладало отвращение к персам из-за упомянутых событий. Поэтому правитель Арада, на которого сначала наткнулся поход Александра, мало надеялся на помощь соседей в случае сопротивления и еще меньше был склонен держаться в одиночку после того, как битва при Иссе показала непреодолимую силу Александра и бессилие Персии. Один за другим все эти важные финикийские порты, кроме Тира, оказались в руках Александра без боя. В Сидоне правящий князь Страт, известный своей проперсидской позицией, был свергнут, и на его место поставили человека по имени Абдалоним – из царского рода, но жившего в бедности. [304]

С обычной стремительностью Александр двинулся к Тиру – самому могущественному из финикийских городов, хотя, по-видимому, менее древнему, чем Сидон. Уже на марше его встретила делегация из Тира, состоявшая из самых знатных граждан во главе с сыном тирского князя Аземилка, который сам в это время командовал тирским контингентом в персидском флоте. Эти люди принесли богатые дары и припасы для македонской армии, а также золотой венок, торжественно объявив, что тирийцы готовы выполнить любые приказы Александра. [305] В ответ он похвалил их настроения, принял дары и попросил делегацию сообщить дома, что желает войти в Тир и принести жертву Гераклу. Финикийского бога Мелькарта отождествляли с греческим Гераклом, считая его предком македонских царей. Его храм в Тире был древнейшим; более того, говорят, что повеление принести там жертву было передано Александру через оракула. [306]

Тирийцы, обсудив это послание, ответили отказом, заявив, что не допустят в свои стены ни македонцев, ни персов, но во всем остальном готовы подчиняться приказам Александра. [307] Они добавили, что его желание принести жертву Гераклу можно исполнить и без входа в их город, поскольку в Палеотире (на материке напротив острова Тира, отделенном от него лишь узким проливом) есть храм этого бога, еще более древний и почитаемый, чем их собственный. [308]

Разгневанный этим условным подчинением, в котором он видел лишь отказ, Александр отпустил послов с гневными угрозами и немедленно решил взять Тир силой. [309]

Те, кто (как Диодор) считает такой отказ тирийцев глупым упрямством, [310] не вполне учитывают, сколько скрывалось за этим требованием. Когда Александр совершал торжественное жертвоприношение Артемиде в Эфесе, он шел к ее храму со всей армией в боевом порядке. [311] Нет сомнений, что его жертва Гераклу в Тире – его мифическому предку, чьей главной чертой была сила – сопровождалась бы столь же грозным военным парадом, как это и произошло после взятия города. [312]

Таким образом, тирийцев просили впустить в свои стены непобедимую военную силу, которая, возможно, ушла бы после завершения обряда, но могла и остаться – полностью или частично – как постоянный гарнизон в почти неприступной позиции. Они не терпели такого от Персии и не желали терпеть от нового владыки. Фактически это означало рисковать всем, сразу подчиняясь судьбе, которая могла оказаться хуже, чем поражение после долгой осады.

С другой стороны, учитывая, что тирийцы соглашались на все, кроме военной оккупации, Александр, будь он склонен к компромиссу, мог бы получить от них все, что действительно было нужно для его целей, без необходимости осаждать город. Главная ценность финикийских городов заключалась в их флоте, который сейчас действовал на стороне персов и обеспечивал им господство на море. [313] Если бы Александр потребовал отозвать этот флот от персов и передать ему, нет сомнений, что он легко добился бы этого. У тирийцев не было мотива жертвовать собой ради Персии, и они вряд ли (как предполагает Арриан) пытались лавировать между двумя противниками, словно исход борьбы еще не ясен. [314]

Но, не желая отдавать свой город на произвол македонских солдат, они решили бросить вызов осаде. Гордость Александра, не терпящая сопротивления даже самым крайним требованиям, побудила его пойти на политически невыгодный шаг, лишь чтобы продемонстрировать свою власть, унизив и сокрушив – с осадой или без – один из древнейших, гордых, богатых и развитых городов древнего мира.

Тир был расположен на острове, удаленном от материка почти на полмили; [315] пролив между ними был мелководным ближе к берегу, но достигал глубины восемнадцати футов у города. Остров был окружен мощными стенами, самая высокая часть которых, обращенная к матерiku, достигала не менее 150 футов в высоту, с соответствующей толщиной и основательностью. [316] Помимо этих внешних укреплений, внутри города находилось храброе и много-

численное население, обеспеченное запасами оружия, осадных машин, кораблей, провизии и других необходимых для обороны вещей.

Не без оснований тирийцы, оказавшись в отчаянном положении, надеялись выстоять даже против могучей армии Александра. И против Александра в его тогдашнем состоянии они, возможно, устояли бы, ведь у него еще не было флота, и они могли отразить любую атаку только с суши. Все зависело от финикийских и кипрских кораблей, большинство которых (включая тирские) находилось в Эгейском море под командованием персидского адмирала. Александр, уже завладевший Арадом, Библом, Сидоном и всеми финикийскими городами, кроме Тира, рассчитывал, что моряки из этих городов последуют за своими соотечественниками и переведут корабли к нему. Он также надеялся, что кипрские города, видя его победы, добровольно перейдут на его сторону. [стр. 136] Это почти наверняка произошло бы, если бы он проявил к тирийцам хоть какое-то уважение, но теперь, сделав их врагами, он уже не мог быть уверен в этом.

Мы плохо знаем, что происходило в персидском флоте под командованием Автофрадата в Эгейском море, когда они узнали, что Александр захватил остальные финикийские города и начал осаду Тира. Тирский князь Аземилк вернул свои корабли для защиты родного города; [317] сидонские и арадские корабли также отправились домой, больше не желая сражаться против власти, которой подчинились их города. Но киприоты дольше колебались, прежде чем определиться. Если бы Дарий или даже Автофрадат без Дария, вместо того чтобы полностью бросить Тир (как они и поступили), активно поддержали его сопротивление, как того требовали интересы Персии, кипрские корабли, вероятно, остались бы на их стороне. Наконец, тирийцы могли надеяться, что их финикийские собратья, даже если и готовы служить Александру против Персии, не станут усердствовать в уничтожении родного города. Хотя в итоге все эти возможности обернулись в пользу Александра, поначалу они давали тирийцам достаточно оснований для их отважного решения. Их также воодушевляли обещания помощи от могучего флота их колонии – Карфагена. В этот город, чьи послы находились в их стенах по случаю религиозных торжеств, они отправили многих своих жен и детей. [318]

Александр начал осаду Тира без флота – сидонские и арадские корабли еще не прибыли. Его первой [стр. 137] задачей было построить прочную дамбу шириной двести футов, перекрывающую полумильный пролив между материком и островом. Он привлек тысячи рабочих из окрестностей; камни в изобилии доставлялись из Палеотира, а дерево – из лесов Ливана. Но работа, хотя и велась с рвением и упорством под давлением Александра, продвигалась медленно и тяжело даже у материка, где тирийцы почти не мешали, а в море стала еще труднее из-за их атак, а также ветра и волн. Тирские триремы и лодки постоянно тревожили рабочих и разрушали часть сооружения, несмотря на защиту македонцев, установивших две башни на переднем крае дамбы и метавших снаряды из осадных машин. Наконец, после непрерывных усилий дамбу почти довели до городской стены, но внезапно, в день сильного ветра, тирийцы отправили брандер, груженный горючими материалами, который врезался в переднюю часть дамбы и поджег башни. Одновременно весь флот города, большие и малые суда, вышел в море, чтобы высадить десант на разных участках дамбы. Атака была настолько успешной, что все македонские машины сгорели, внешние деревянные укрепления, скреплявшие дамбу, были разрушены во многих местах, и значительная часть сооружения развалилась. [319]

Теперь Александру пришлось не только строить новые машины, но и почти заново возводить дамбу. Он решил сделать ее шире и прочнее, чтобы разместить больше башен для защиты от фланговых атак. Но теперь ему стало ясно, что пока тирийцы господствуют на море, никакие усилия на суше не помогут взять город. Оставив Пердикку и Кратера восстанавливать дамбу и строить новые машины, он отправился в Сидон, чтобы собрать как можно больший флот. Он получил триремы из разных источников – две с Родоса, десять из ликийских портов, три из Соли и Малла. Но основную силу составили корабли финикийских городов – Сидона, Библа и

Арада, теперь подчиненных ему. Эти восемьдесят кораблей покинули персидского адмирала и прибыли в Сидон, ожидая его приказов; вскоре после этого кипрские цари также явились туда, предложив ему свой мощный флот из 120 военных кораблей. [320] Теперь в его распоряжении было 200 судов, включая большую и лучшую часть персидского флота. Это стало кульминацией македонского триумфа – последнее настоящее и эффективное оружие было вырвано из рук Персии. Предзнаменование, данное орлом у кораблей в Милете, как истолковал Александр, теперь сбылось: благодаря успешным действиям на суше он завоевал и получил в свое распоряжение превосходящий персидский флот. [321]

Распорядившись, чтобы корабли завершили подготовку и тренировки с македонскими солдатами на борту, Александр возглавил отряд легкой пехоты в одиннадцатидневном походе против арабских горцев на Ливане, которых рассеял или подавил, хотя не без личного риска. [322] Вернувшись в Сидон, он обнаружил, что Клеандр прибыл с подкреплением – 4000 греческих гоплитов, желанных союзников для продолжения осады. Затем, поднявшись на борт своего флота в сидонской гавани, он отплыл к Тиру в боевом порядке, надеясь, что тирийцы выйдут на бой. Но те остались внутри, пораженные ужасом и смятением, не зная прежде, что их финикийские собратья теперь среди осаждающих. Убедившись, что тирийцы не примут морского сражения, Александр немедленно приказал заблокировать и охранять две их гавани: северную, обращенную к Сидону, – киприотами, а южную, к Египту, – финикийцами. [323]

[стр. 139] С этого момента судьба Тира была предрешена. Тирийцы больше не могли мешать строительству дамбы, которая была завершена и подведена к городу. На ней установили машины для разрушения стен; подвижные башни подкатили для штурма; атаковали и с моря. Но хотя тирийцы были вынуждены перейти к обороне, они все еще проявляли упорную храбрость и использовали все возможные ухищрения, чтобы отразить осаждающих. Стена, обращенная к дамбе, и даже северная, к Сидону, были настолько мощны, что машины Александра не могли пробить их; но на южной стороне, к Египту, он добился большего успеха. Когда в южной стене была пробита большая брешь, он атаковал ее с двух кораблей, укомплектованных гипаспистами и фалангитами; одним командовал он сам, другим – Адмет. Одновременно он приказал угрожать городу со всех доступных сторон, чтобы отвлечь защитников. Когда два корабля подошли к брешу, с них перекинули абордажные мостки, по которым Александр и Адмет бросились вперед со своими штурмовыми отрядами. Адмет взобрался на стену, но там погиб; Александр также был среди первых, кто взшел на стену, и оба отряда закрепились на ней, сломив сопротивление. В то же время его корабли прорвались в две гавани, так что Тир оказался в его власти со всех сторон. [324]

Хотя стены были потеряны, а сопротивление стало отчаянным, храбрые защитники не пали духом. Они забаррикадировали улицы и сосредоточили силы у укрепленного пункта, называемого Агенорион – святилища Агенора. Здесь битва снова разгорелась с яростью, пока македонцы, разъяренные долгой осадой и убийством некоторых своих пленных, которых тирийцы публично казнили на стенах, не одолели их. Все, кто укрылся в храме Геракла, были пощажены Александром из уважения к святыне: среди них были князь Аземилк, несколько знатных тирийцев, карфагенские послы и дети обоего пола. Сидоняне, проявив запоздалое чувство родства и частично искупив свою роль в захвате города, также спасли несколько жизней от меча победителя. [325] Но большинство взрослых свободных мужчин погибли с оружием в руках, а 2000 выживших, либо из-за тяжелых ран, либо из-за усталости палачей, были повешены на берегу по приказу Александра. [326] Женщин, детей и рабов продали работорговцам. Число проданных, как говорят, составило около 30 000 – цифра довольно малая, если учитывать рабов, но многие, как сообщается, были ранее отправлены в Карфаген. [327]

Став хозяином Тира, Александр вошел в город и совершил долгожданное жертвоприношение Гераклу. Все его войско, сухопутное и морское, в полном вооружении участвовало в процессии. Более дорогой гекатомбы этому богу еще не приносили, если учесть, что она

была оплачена тяготами ненужной осады и уничтожением этих свободных и гордых граждан, его прежних почитателей. О потерях македонцев мы не знаем точно. По словам Арриана, их погибло 400, но это явно заниженная цифра, ведь мужество и мастерство осажденных продлили осаду до невероятных семи месяцев, хотя Александр прилагал все усилия, чтобы закончить ее быстрее. [328]

Ближе к концу осады Тира Александр получил и отверг второе предложение Дария, который предлагал 10 000 талантов и уступку всех земель к западу от Евфрата в обмен на освобождение его матери и жены, а также предлагал Александру стать его зятем и союзником. «Если бы я был Александром, – сказал Парменион, – я принял бы такие условия, [стр. 141] вместо того чтобы подвергнуться дальнейшему риску». – «И я бы принял, – ответил Александр, – если бы был Парменионом. Но поскольку я Александр, я должен дать другой ответ». Его ответ Дарию был таков: «Мне не нужны ни ваши деньги, ни ваши уступки. Все ваши деньги и земли уже мои, и вы предлагаете мне часть вместо целого. Если я захочу жениться на вашей дочери, я женюсь на ней – дадите вы ее мне или нет. Придите ко мне, если хотите получить от меня дружеское отношение». [329] Александр мог щадить покорных и поверженных, но не терпел равных или соперников, и его язык в их адрес был грубым и наглым. Разумеется, это было последнее послание Дария, который теперь понял, что у него нет иного выбора, кроме возобновления войны.

Став полным хозяином Сирии, Финикии и Палестины и приняв добровольное подчинение иудеев, Александр двинулся завоевывать Египет. Он решил, прежде чем углубляться в Персидскую империю, овладеть всеми прибрежными землями, чтобы обезопасить тылы от серьезных угроз. Его главным страхом было, что греческие солдаты или города поднимутся против него на персидские деньги; [330] а Египет оставался последним персидским владением, дававшим им возможность воздействовать на Грецию. Правда, теперь эти возможности сильно сократились из-за слабости персидского флота в Эгейском море, неспособного противостоять растущему флоту македонских адмиралов Гегелоха и Амфотера, насчитывавшему 160 кораблей. [331] Летом 332 г. до н. э., пока Александр осаждал Тир, эти адмиралы вернули все важные пункты – Хиос, Лесбос и Тенедос, – захваченные Мемноном в интересах Персии. Жители Тенедоса пригласили их и обеспечили успех; хиосцы попытались сделать то же, но были подавлены Фарнабазом, который удерживал город с помощью своих сторонников – Аполлонида и других – и военного гарнизона. Македонские адмиралы осадили город и вскоре взяли его благодаря своим сторонникам внутри. Фарнабаз был захвачен со всей своей силой: двенадцать полностью укомплектованных трирем, тридцать грузовых судов, несколько каперов и 3000 греческих наемников. Аристоник, проперсидский тиран Метимны, прибывший в Хиос вскоре после этого, но не знавший о захвате, был заманен в гавань и пленен. Оставался только Митилена, удерживаемая персами афинянином Харесом с гарнизоном в 2000 человек; но, не видя возможности устоять против македонцев, он согласился покинуть город на условиях свободного выхода. Таким образом, персы были изгнаны с моря, лишившись всех опорных пунктов среди греческих островов и вблизи Греции и Македонии. [332]

Эти успехи продолжались, когда Александр сам двинулся из Тира в Египет, по пути осадив Газу. Этот значительный город, последний перед пустыней между Сирией и Египтом, располагался в полутора-двух милях от моря. Он был построен на высоком искусственном холме и окружен высокой стеной, но главной защитой служили окружающие его зыбучие пески, а также илистое побережье. Город защищал храбрый евнух Батис с сильным арабским гарнизоном и обильными запасами. Уверенный в крепости города, Батис отказался впустить Александра. Более того, его мнение подтвердили сами македонские инженеры, которые, осмотрев стены, объявили город неприступным, особенно из-за высоты холма. Но Александр не мог смириться с мыслью, что признает свою неспособность взять Газу. Чем сложнее была задача, тем больше она его привлекала, и тем большее впечатление произвел бы его успех. [333]

Он начал с возведения насыпи к югу от города, близ стены, чтобы подвести осадные машины. Насыпь была завершена, и машины начали бить по стене, когда хорошо спланированная вылазка гарнизона опрокинула атакующих и уничтожила машины. Своевременная помощь Александра с гипаспистами спасла отступление, но он сам, избежав ловушки, подстроенной лжеперебежчиком-арабом, получил тяжелое ранение в плечо дротиком из катапульты – как и предсказывал прорицатель Аристандер, уверявший, что Газа все же падет. [334] Пока его рану лечили, он приказал доставить осадные машины, использовавшиеся в Тире, морем, и расширил насыпь по всему периметру города, чтобы атаковать со всех сторон. Эта титаническая работа, описание которой поражает, достигала 250 футов в высоту и 1240 футов в ширину; [335] рыхлый песок вокруг едва ли подходил, так что материалы приходилось везти издалека. Работа наконец была завершена; сколько времени это заняло – неизвестно, но, несомненно, немало, хотя тысячи рабочих были согнаны из окрестностей. [336]

[стр. 144] Теперь Газу атаковали со всех сторон таранами, подкопами и метательными машинами. Вскоре в стенах появились проломы, хотя защитники неустанно их чинили. Александр предпринял три штурма, но все три были отбиты храбростью газцев. Наконец, после новых проломов, он пошел на четвертый штурм. Вся македонская фаланга атаковала с разных сторон, и среди офицеров царило соперничество. Неоптолем, потомок Эакидов, первым вошел на стену, но и другие части проявили не меньшую отвагу, и город был взят. Его доблестные защитники сражались до конца, и почти все пали в бою, поскольку разъяренные солдаты не собирались давать пощады.

Лишь один пленник был оставлен для особой участи – сам правитель, евнух Батис, проявивший величайшую храбрость и взятый тяжело раненым. В таком состоянии Леонат и Филота привели его к Александру, который смотрел на него с яростью и жадной мести. Македонский царь осаждал Газу в основном для того, чтобы доказать миру, что может преодолеть трудности, непреодолимые для других. Но он понес такие потери, потратил столько времени и сил, пережил столько неудач, что пальма победы принадлежала скорее побежденному меньшинству, чем множеству победителей. К этому разочарованию, больно ударившему по самолюбию Александра, добавилось то, что он сам подвергался огромному риску и получил тяжелое ранение. Все это разожгло его гнев до предела, который еще больше усилился при виде Батиса – евнуха, чернокожего, высокого и крепкого, но при этом толстого и неуклюжего, а в тот момент еще и покрытого кровью и грязью. Эти зримые детали, отталкивающие для глаз, привыкших к греческой атлетике, подлили масла в огонь. После осады Тира его ярость была утолена казнью 2000 выживших воинов; теперь, чтобы излить еще более сильные чувства, оставался лишь один пленник, [стр. 145] которому он решил назначить наказание столь же жестокое, сколь и необычное. Он приказал проколоть ступни Батиса, продеть в них медные кольца и, пока тот был еще жив, привязать его обнаженное тело веревками к колеснице, которую сам повел, таща его за собой под издевательства и крики торжествующей армии. [337] Здесь Александр, с детства стремившийся подражать подвигам своего легендарного предка Ахилла, скопировал унижительное обращение, описанное в «Илиаде», с телом Гектора. [338]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.